

ПИОНЕР 3

1984

Константин Устинович
ЧЕРНЕНКО

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, русский.

Член КПСС с 1931 года. Образование высшее — окончил педагогический институт и Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

Трудовую жизнь К. У. Черненко начал с ранних лет, работая по найму у кулаков. Вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с руководящей работой в комсомольских, а затем в партийных органах. В 1929—1930 годах К. У. Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Красноярского края. В 1930 году он пошел добровольцем в Красную Армию. До 1933 года служил в пограничных войсках, был секретарем партийной организации пограничной заставы.

После окончания службы в армии К. У. Черненко работал в Красноярском крае: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского райкомов партии, директором Красноярского краевого дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, секретарем Красноярского крайкома партии.

С 1943 года К. У. Черненко учится в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). По окончании учебы с 1945 года работает секретарем Пензенского обкома партии. В 1948 году был направлен в Молдавскую ССР и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Работая в этой должности, он много сил и знаний отдал экономическому и культурному строительству в республике, коммунистическому воспитанию трудящихся.

В 1956 году К. У. Черненко выдвигается на работу в аппарат ЦК КПСС, где он возглавил сектор в Отделе пропаганды, и одновременно был утвержден членом редакционной коллегии журнала «Агитатор». С 1960 года он работает начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965 году К. У. Черненко утверждается заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1966—1971 годах он — кандидат в члены ЦК КПСС. На XXIV съезде партии (март 1971 г.) избирается членом Центрального Комитета КПСС, а в марте 1976 года на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XXV съезда партии,— секретарем ЦК КПСС.

С 1977 года он — кандидат в члены Политбюро, а с 1978 года — член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7—10-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва. К. У. Черненко был членом советской делегации на международном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), участвовал в переговорах в Вене по вопросам разоружения (1979 г.).

Константин Устинович Черненко — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые поручала ему партия, он проявил высокие организаторские способности, партийную принципиальность, преданность великому делу Ленина, идеалам коммунизма. К. У. Черненко — автор ряда научных трудов по актуальным вопросам повышения руководящей роли партии в жизни советского общества, совершенствования стиля и методов партийной и государственной работы, развития социалистической демократии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором определены главные направления улучшения идеологической деятельности КПСС в современных условиях.

За большие заслуги перед Родиной Константин Устинович Черненко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями Советского Союза. Он является лауреатом Ленинской премии.

К. У. Черненко награжден высшими наградами социалистических стран.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленинский внешнеполитический курс нашей партии и государства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Тов. К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

«МОЯ РОДИНА — СССР»

Задание Всесоюзного штаба Тимура

Сотни, тысячи замечательных мастеров художественного слова создавали многокрасочный и многоязычный ковер, имя которому «Великая держава» — так называл Алексей Максимович Горький советскую детскую литературу. Сегодня мы по праву называем знаменосцем детской литературы, ее правофланговым Аркадия Петровича Гайдара — писателя-воина, писателя-комиссара, писателя-вожатого. Книги Гайдара любимы всеми поколениями советских ребят. В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения А. П. Гайдара. В связи с этим Всесоюзный штаб Тимура при журнале «Пионер» дает экспедиционным отрядам важное задание:

1. Узнайте, какие отряды, дружины, школы, дома и дворцы пионеров носят имя Аркадия Петровича Гайдара. Когда и за что им было присвоено имя замечательного писателя-патриота. Какие интересные дела в этих пионерских коллективах. Есть ли у вас, в вашем городе, районе, поселке, крае, республике теплоходы, тепловозы, электровозы, которые носят или носили имя Гайдара? По итогам работы экспедиционных отрядов будет составлена Всесоюзная карта-схема и картотека увековечивания памяти А. П. Гайдара.

2. В летописи Всесоюзной пионерской организации навсегда остались два Всесоюзных слета тимуровцев. Первый проходил в пионерском лагере «Артек», второй — в Черкассах, Каневе и Лепляве. Более трех тысяч тимуровцев 70-х годов были делегатами этих слетов. Слеты тимуровцев проводились и в грозные годы Великой Отечественной войны в разных городах нашей Родины. В канун проведения III Всесоюзного слета в Черкасской области организуйте встречи с тимуровцами разных лет, запишите их воспоминания, узнайте, кем стали делегаты I Всесоюзного слета тимуровцев в «Артеке».

3. Биография А. П. Гайдара изучена глубоко и разносторонне. Но тем не менее в ней еще есть «белые пятна». Совсем недавно в Курском партийном архиве обнаружено неизвестное письмо А. П. Гайдара юным читателям. Эта находка имеет огромное значение для понимания творческих поисков писателя. Известно, что с письмами к пионерам Гайдар обращался не раз. До сих пор не найдены письма Гайдара к юным читателям города Пензы. Журнал «Пионер» дает важное задание красным следопытам Пензы и Пензенской области попытаться разыскать эти письма Гайдара, расспросить взрослых, которым в 30-х годах было 10—15 лет, знают ли они о существовании таких писем, вместе с библиотечными работниками просмотреть газеты тех лет, которые издавались в Пензе, проверить, были ли сообщения о читательских конференциях по книгам Гайдара в предвоенное время.

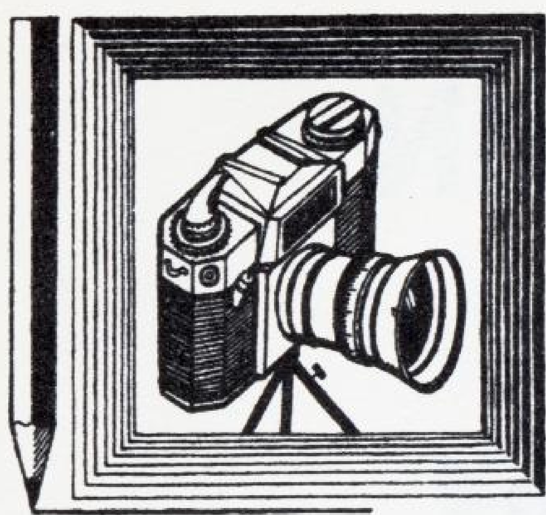
Красных следопытов Курской области просим расспросить взрослых, не сохранилась ли у кого газета политотдела МТС, которая выходила в совхозе «Ивня». В 1934 году А. П. Гайдар для этой газеты писал несколько статей.

4. В этом году исполняется 60 лет журналу «Пионер». Его первый номер вышел 15 марта 1924 года. Красным следопытам всей страны дается задание разыскать первых читателей журнала «Пионер», первых пионерских корреспондентов (пикоров, юнкоров, деткоров), узнать, нет ли среди них делегатов I Всесоюзного слета юнкоров, который проходил в Москве в Колонном зале Дома Союзов. Журнал «Пионер» дает задание разыскать номера журнала «Пионер» 1924—1930 годов. В архиве редакции «Пионера» недостает многих номеров, которые были утрачены в годы Великой Отечественной войны, когда редакция готовилась к эвакуации в город Куйбышев.

5. Слово «пионер» означает первый. Это слово в годы Советской власти получило новый смысл. Слово «пионер», помимо того, что оно однозначно словосочетанию юный ленинец, означает «первооткрыватель», «первопроходец». Этим словом названы колхозы, совхозы, у нас есть поселки — Пионерские, улицы — Пионерские. Редакция журнала «Пионер» дает красным следопытам задание узнать, что в вашем городе, поселке, районе, области, крае, республике носит название «Пионер», «Пионерский»... По результатам вашей работы будет составлена карта-схема нашей Родины, где будет обозначено все, что связано с именем «пионер».

Редколлегия журнала «Пионер» желает всем экспедиционным отрядам успешно выполнить наши задания.

Все документы (записи воспоминаний, фотографии, вырезки из газет с рассказами делегатов слета) необходимо отправить во Всесоюзный штаб Тимура по адресу: 101459, ГСП-3, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж, телефон: 212-14-17.

БАМ обживается

Удивительная вещь — время! Совсем недавно, казалось, возвратилась экспедиция «Пионера» с трассы БАМа и рассказал наш журнал о первых километрах дороги, о первых временных поселках, о первых строителях этой магистрали. А вышло, что это «совсем недавно» — целых десять лет.

И посмотрите, сколько сделали бамовцы за эти десять лет. Встали на Западном участке магистрали поселок Звездный, выстроенный посланцами Армении, станция Ния, возведенная руками грузинских мастеров, Кунерма, которую подарили БАМу автономные республики Северного Кавказа. В Улькане работают азербайджанские строители, в поселке Магистральный — строители из Ростова-на-Дону. И уже до Кунермы от станции Лена ходят пассажирские поезда.

Климат в Забайкалье суровый. Александр Петрович Хвостиков, машинист электропоезда, на котором мы ехали до Кунермы, рассказал, что в прошлом году там намело десять метров снега. Но жителям бамовских поселков ни снег, ни морозы не страшны. Стены в их домах кирпичные, толщиной девяносто сантиметров, от дома к дому в снегопады глубокие траншеи прорывают. А мальчишкам и девчонкам такой снег вовсе в радость — они тогда на санках с крыш могут кататься.

Но это только когда все дела сделаны. А по утрам самые юные бамовцы спешат в школу. Школы в каждом поселке — просторные, светлые, такие, что позавидовать можно. Идет вперед время. Идет к новым делам. Обживается БАМ. Но впереди еще больше работы, чем десять лет назад. Отцы сегодняшних десяти-двенадцатилетних старожилов БАМа протянули магистраль, выстроили на ней города и поселки. А им самим — строить заводы и фабрики, трудиться на них, сохранять красоту забайкальской природы... Но это потом. Сейчас они еще учатся.

Фотографии Г. РОЗОВА.

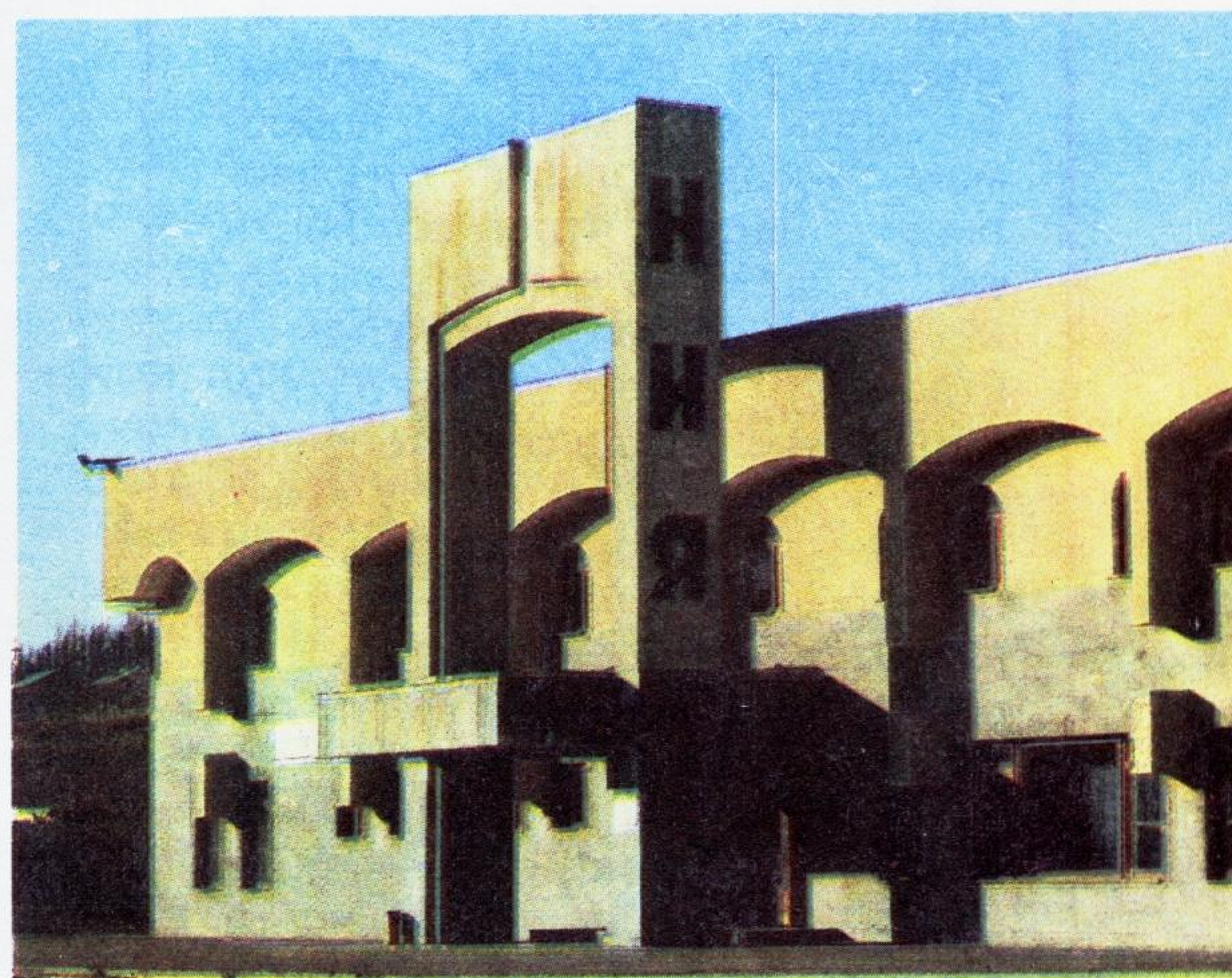

Вот какие красивые вокзалы украсили...
...поселок Звездный...

...Улькан...

...Нию...

Строится новый поселок...

Малая Пионерская Энциклопедия

ПИОНЕРСКИЙ ЭШЕЛОН

Ты не раз слышал такие слова: «Пионерский сад», «Пионерский металл», «Пионерская тракторная колонна», «Пионерская плавка». За этими словами — замечательные дела юных ленинцев разных поколений. Это они в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина собрали металлический лом на тракторную колонну. 100 тысяч тракторов. И на каждом из них металлическая пластинка «Сделано из пионерского металла». Шумят пионерские сады в Молдавии, зеленеют ореховые пионерские рощи в Грузии, по морям и океанам плавает целая пионерская флотилия, каждый корабль которой носит имя пионера-героя.

А слышал ли ты когда-нибудь о пионерском эшелоне? В этом году наша страна отмечает тридцатилетие освоения целины. Тридцать лет тому назад комсомольцы-добровольцы отправились на целину, чтобы обживать ее, выращивать целинный хлеб. Могли ли пионеры остаться в стороне от такого важного государственного дела? Конечно, нет. И вот в 61-м году у юных москвичей, у членов городского пионерского штаба родилась замечательная идея: собрать для ребят целинного края целый пионерский эшелон подарков. Эта весть облетела все пионерские дружины столицы. Начинание москвичей поддержали пионеры многих городов и сел. Ребята на субботниках и воскресниках зарабатывали деньги, чтобы купить юным целинникам интересные игрушки, книги, памятные сувениры, альбомы о столице. Пионеры школы № 276 приготовили для целины киноаппарат, радиоприборы, пластинки. Литовские пионеры привезли для пионерского эшелона мебель для целого детского сада. А работники ВДНХ подарили самый оригинальный сувенир: пони.

И вот в конце мая 1961 года на станции Москва-Товарная-Павелецкая начал загружаться пионерский эшелон — 10 вагонов. Впереди — тепловоз. А на тепловозе специальная табличка: «Московский пионерский. Изготовлен из металлолома, собранного пионерами города Москвы». Московские пионеры торжественно проводили поезд дружбы. Его маршрут Москва — Пенза — Куйбышев — Уфа — Челябинск — Курган — Петропавловск и станция назначения — Целиноград. На всех остановках поезд встречали мальчишки и девчонки в красных галстуках. И после каждой такой встречи «тяжелел» пионерский состав. К московским сувенирам и подаркам прибавлялись куйбышевские, челябинские, курганские... А в Целинограде пионерский эшелон встречали тысячи пионеров целинного края. Подарки юных москвичей в тот же день были отправлены в самые далекие совхозные школы и детские сады.

Пионерский штаб города Москвы получил из Целинного крайкома комсомола благодарственное письмо. В нем были такие слова: «Нас, старших и юных целинников, очень взволновала ваша дружеская забота о ребятах целинного края. Спасибо вам, москвичи! Поезд москвичей — это начало большой дружбы московских и целинных пионеров».

Много времени прошло с тех пор. Но и сегодня те, кто навсегда связал свою судьбу с целиной, помнят пионерский эшелон дружбы.

Фото В. ГУСЕВА.

**Мария ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной
премии РСФСР
и премии
Ленинского комсомола**

ПРОДОЛЖАЯ ТРАДИЦИИ...

Миллионы старых и юных читателей шлют в эти дни приветы, поздравления, добрые пожелания любимому журналу. Нынешние старики были ребятами, когда он только начинался. Сказки, повести, стихи советских детских писателей, еще не став книгами, публиковались на страницах журнала.

Вспомните стихи Елены Благининой о полотере. Как весело изображает она нелегкий и не такой уж знаменитый, но полезный людям труд! Школьники-малыши, узнав это стихотворение Е. Благининой, фантазировали: «Вырасту большой, буду полотером». А тут узнают стихотворение С. Маршака: «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне?.. Это он, это он, ленинградский почтальон».

«Буду почтальоном»,— фантазируют читатели. А тут Лев Квитко увлекательно расскажет о труде доярки «Анны Ванны». А тут любимец всех дошкольников и школьников — Сергей Михалков нарисует портрет тружениц-мам: «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны».

В стихах и прозе журнал «Пионер» выразительно и заразительно рассказывает детям о всевозможных профессиях — полотера и летчика, учительницы и доктора, рабочего и ученого. Рассказывает о любви к Родине советских людей, доброте, подвигах. На всю жизнь запомнятся прочитанные в журнале повести А. Гайдара, Л. Кассиля, Л. Пантелеева и других талантливых писателей.

Читая их, хочется быть честным, благородным, верным патриотом нашей славной страны. Большинство пионеров, читателей и друзей пионерского журнала, став юношами, в годы нашествия фашистов вступили в ряды отважных, героических защитников Родины, с честью исполнили свой воинский долг, защищая Москву, Сталинград, город Ленина. Они дошли до Берлина и водрузили знамя Победы.

С редакцией журнала «Пионер» я познакомилась в начале войны. Тогда я была учительницей и автором моей первой и единственной тогда повести о школе. Я не знала никого из писателей, и меня никто не знал. Велико было мое удивление, когда раздался телефонный звонок, приглашающий приехать в журнал «Пионер».

Стоял холодный, с ледяными порывами ветра, жестокий октябрь 1941 года. Фашисты рвались к Москве. Круглые сутки слышался грохот орудий. Падали бомбы. Ночами во все небо пылало зарево.

Я добралась до журнала под вечер. В комнате с затемненными окнами, при тусклом свете крохотной лампочки, за письменным столом склонилась над рукописями привлекательная, молчаливая женщина — главный редактор журнала. Беньямин Ивантер ушел добровольцем на фронт. Теперь за его редакторским столом работала Наталья Владимировна Ильина. Мы сразу приступили к беседе. Так близко, так грозно гремели пушки. Дребезжали стекла окон.

— Гитлеровцы не осилят Москву,— без вступления начала Наталья Владимировна.

Удивительный голос был у нее! Молодой, певучий.

— Наш «Пионер» будет выходить. Мы будем рассказывать детям о борьбе за Родину на фронте и в тылу. Напишите нам повесть о пионерах в тяжкие годы войны. Как пионеры живут, учатся, любят Родину. Вы знаете школу, потому мы к вам обратились.

Меня тронуло доверие Натальи Владимировны, ее мужество, твердая вера в нашу победу. Чудесный, смелый человек руководит журналом — поняла я.

У меня было двое маленьких детей, нас эвакуировали. И я написала повесть об интернате эвакуированных детей, жизни пионе-

Рисунок О. Верейского к повести М. Прилежаевой «Жизнь Ленина».

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

**Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина**

МАРТ 3

**Москва 1984 г.
Издательство «Правда»**

ров в глубоком тылу. Дети не так горько чувствовали себя сиротами. О них заботилась Родина, спасала их и берегла. Помню ребячью дружбу, труд на пользу колхоза — пололи свеклу, копали картофель, работали по силам и сверх силы.

«Пионер» напечатал мою повесть. С тех пор журнал стал мне родным домом, другом, помощником в литературном труде.

Большое, прекрасное дело выполняет «Пионер», воспитывая высокие чувства в ваших сердцах, дорогие юные читатели, будя мысль, расширяя познания, зовя к труду.

И нас, писателей, «Пионер» растит и воспитывает. Буквально все молодые авторы и даже крупные мастера детской книги свое творчество начинали на страницах журнала.

Война закончилась. Мы победили!

— «Коммунисты — вперед!» — звучал зов поэта, солдата, сражавшегося на поле брани с фашизмом.

— «Коммунисты — вперед!» — призвала партия восстанавливать после войны разрушенные фашистами города и деревни.

— «Комсомольцы, вперед! Пионеры, вперед!»

Писатели на своих постах делили народный труд восстановления жизни.

В журнал пришло новое поколение молодых детских писателей. Многие с фронта, еще не успев снять солдатские шинели, несли в журнал только что созданные ими произведения.

Счастье — сменить штык на перо! Мы люди Мира, нам противна война, мы не нападаем, мы воюем тогда лишь, когда на нас нападают, только защищая свою Отчизну, свой труд и детей, свой дом.

В солдатских шинелях явились в журнал молодые талантливые писатели: Я. Аким, С. Алексеев, А. Алексин, Ю. Яковлев, З. Александрова, С. Баруздин...

Они защищали Отечество, защищали вас, дети, и с нежной любовью стали писать для вас добрые, умные повести и стихи о том, как хороша жизнь, как надо беречь Землю, хранить Мир на Земле.

Послевоенные писатели В. Осеева, А. Мусатов, Л. Воронкова, Н. Надеждина, Ю. Коринец на страницах журнала говорили и говорят с вами, товарищи пионеры, о нашей жизни, ваших пионерских делах и мечтах, о любви к созданному Лениным первому на планете Советскому нашему Отечеству.

Появились новые произведения для детей, посвященные Владимиру Ильичу. Журнал «Пионер» воодушевлял: «Товарищи писатели, расскажите пионерам о Ленине, гигантском труде Ленина, гениальной жизни Ленина. Пусть пионеры всегда и всегда горячо любят Владимира Ильича. Ленина нет, но он был, есть и будет с нами вечно».

Пионеры, кто не знает поэму Сергея Михалкова «В музее Ленина»? Вы читаете в поэме о жизни Ленина, гордитесь и радуетесь. Вам известно имя Зои Воскресенской, волнуют и учат ее талантливые повести о детстве, юности, семье Владимира Ильича, его борьбе за народное счастье. Вы знаете произведения многих писателей о вожде революции и его соратниках.

Чутко улавливается, что важно и интересно юным читателям, к чему они тянутся сердцем. Журнал неизменно рядом с писателем, решающим трудную тему: Ленин, партия, революция. Журнал — помощник, советчик писателя.

Годы идут и идут. Старшее поколение редакторов и писателей уходит. На смену пришли молодые, в расцвете сил и лет, они влюблены в литературу. Для вас, пионеры, редакторским коллективом страстно и пристально обдумывается каждая статья, очерк, повесть, стихотворение, прежде чем их опубликовать. Говорить с пионерами **просто** о серьезном — традиция журнала.

Еще создана журналом традиция: заметить, найти, привлечь, помочь встать на ноги молодому писателю. Нынешний журнал хранит и продолжает эту добрую и очень важную для развития детской литературы традицию.

Вглядитесь, сколько родилось новых писательских имен: В. Крапивин, Ю. Коваль, С. Иванов, В. Железников, Э. Успенский, И. Токмакова, В. Разумневич, Г. Поликарпова, В. Шаповалов, Л. Матвеева, С. Романовский, В. Коржиков и многие другие.

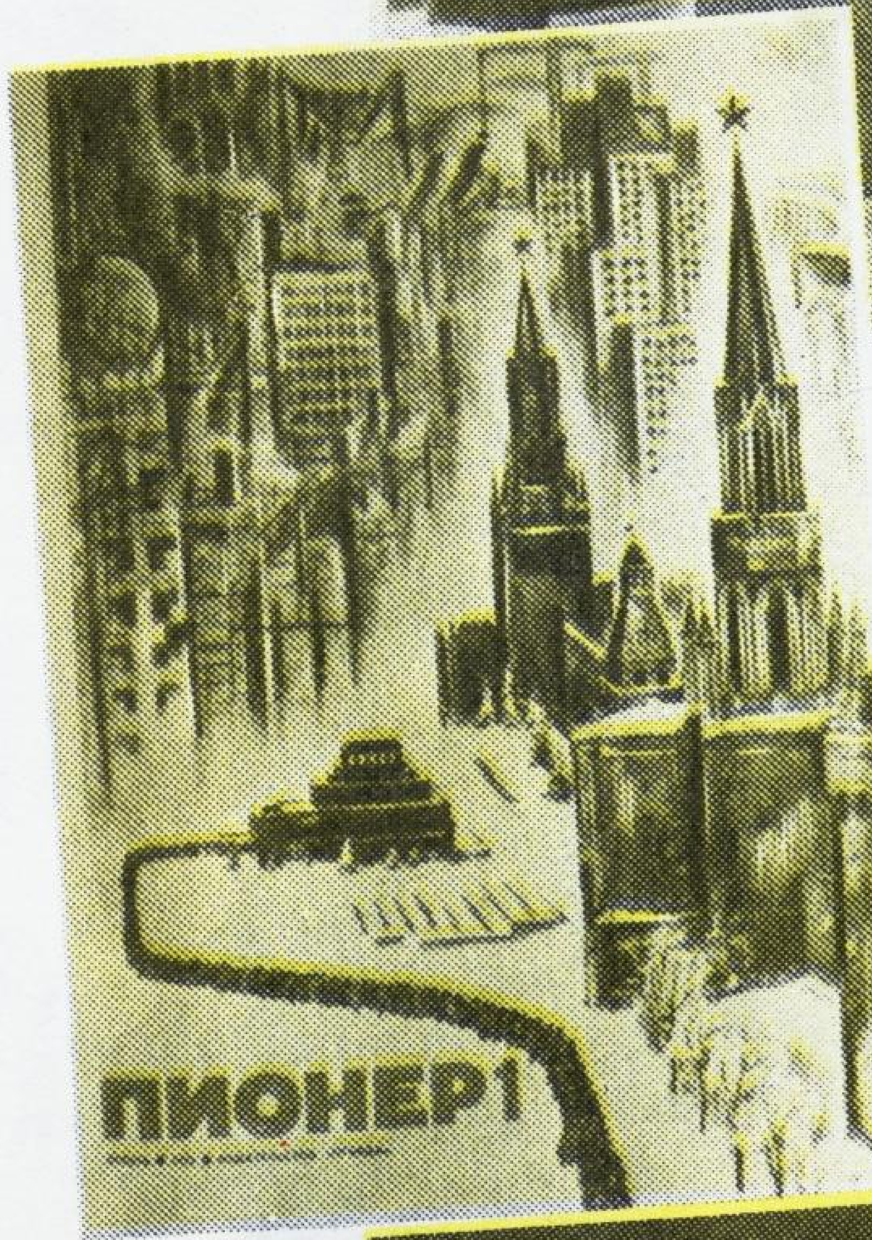
Разные голоса, у каждого свои темы, сюжеты. Но есть что-то роднящее их. Это талант, целиком отданный служению благородным целям.

Славный журнал «Пионер», тебя любят и глубоко уважают дети, родители, пионервожатые, педагоги, писатели. Все желают ТЕБЕ счастливого труда, интересного творчества!

Малая Пионерская Энциклопедия

ДЕЛЕГАТ

Они не встречались друг с другом ровно полвека. Пятьдесят лет назад этих мальчишек и девчонок в красных галстуках называли по именам — Палладий, Коля, Володя, Фарамуш, Валя... Все они встретились в летние дни 1929 года в Москве на I Всесоюзном слете. Каждому из них был вручен мандат делегата, который давал право представлять своих товарищей и друзей по пионерскому отряду, целые областные и республиканские пионерские организации. 6738 делегатов-пионеров приехало в столицу. Незабываемыми были дни слета: праздник на стадионе «Динамо», Всесоюзная пионерская конференция, и не где-нибудь, а в Кремлевском дворце. Ребята с вниманием слушали выступления пламенных большевиков — Н. К. Крупской, Г. М. Кржижановского, С. М. Буденного, Е. Ярославского. Всесоюзная спартакиада и смотр художественной самодеятельности, встречи с народными комиссарами, военная игра и Международная конференция сдружили делегатов. Слет принял Наказ — главный документ пионерского форума. И каждый делегат мандатом проголосовал за его единодушное принятие.

И вот снова встреча в Москве. Но теперь у них за плечами долгая и яркая жизнь, на груди — боевые награды. Николай Николаевич Кругликов, который в 1929 году представлял пионерию Хабаровского края, стал партийным работником. Палладий Васильевич Меринов, заслуженный учитель школы РСФСР, прошел всю войну, был разведчиком. Владимир Иванович Василевский стал тоже учителем, а Фарамуш Исмаил-кызы выбрала профессию юриста. Валентина Петровна Дацюк-Козлова строила дома, школы, больницы. Через всю жизнь пронесли делегаты I Всесоюзного слета верность своей клятве, красному галстуку, с которым никогда не расставались. Многие их сверстники в годы войны пали смертью храбрых в боях под Москвой и Курском, под Одессой и Севастополем, грудью заслонив от врага нашу Отчизну.

Делегат — выбранный или назначенный представитель, уполномоченный государством, коллективом. Пионерский делегат — представитель своего пионерского коллектива: отряда, дружины, городской, областной, краевой, республиканской организации на пионерских слетах — от городского до Всесоюзного.

Делегат — это лучший пионер, добившийся больших успехов в учении, труде, спорте, общественной работе. Он пример для других, запевала новых интересных дел в школе, во дворе, в Доме пионеров. Делегата избирают открытым голосованием на пионерском сборе по рекомендации совета отряда или дружины. Он считается избранным, если за него проголосует большинство пионеров.

Делегат уполномочен выступать на слете, выдвигать свои предложения, голосовать за документы слета. Каждый делегат делится с другими опытом работы, старается перенять все интересное и полезное, что появилось в лучших отрядах и дружинах страны. После возвращения со слета он обязан отчитаться за свою работу, выступить перед пионерами, пионерским активом города или района, и рассказать об итогах работы слета, стать настоящим организатором тех дел и начинаний, которые объявил слет.

Сейчас в стране идет подготовка к III Всесоюзному слету тимуровцев, который состоится в середине лета на Украине — в Черкассах, Каневе, Лепляве. От пяти миллионов тимуровцев будет избрано 500 самых боевых Тимуров. Заслужить это право — большая честь. Как у вас идет подготовка к слету, посвященному 80-летию со дня рождения А. П. Гайдара? «Пионер» ждет ваших писем. Постарайтесь разыскать делегатов I и II Всесоюзных слетов тимуровцев, устройте с ними встречу и расскажите о ней редакции.

На снимке: делегаты V Всесоюзного слета в «Артеке» голосуют за принятие Обращения ко всем пионерам страны.

Фото В. ГУСЕВА.

В 5-м номере журнала «Пионер» прошлого года мы задали ребятам на первый взгляд очень простой, а на самом деле сложный вопрос: ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЖИЛОСЬ В ОТРЯДЕ ХОРОШО, А ОТРЯД СТАЛ ДРУЖНЫМ?

Нас обрадовало, что несколько сотен ребят откликнулись на предложение участвовать в этом серьезном разговоре, что большинство из них размышляют глубоко и интересно и умеют свою позицию объяснить, доказательно отстоять. Мы очень надеемся, что наш обмен мнениями поможет и тем, кто пока не принял в нем участия, но хочет сделать все, что от него зависит, чтобы отряд жил дружно и радостно и всем было хорошо.

Вот какой получился разговор.

ОЛЬГА СОЛОВЕЙ, село Лука, Полтавская область. *Что ж, есть такие отряды, где ребята учатся вместе много лет, а дружбы нет. По-моему, чтобы отряд стал дружным, надо чаще быть вместе, увидеть друг друга в деле. И если уж что-то не так, то вместе исправлять недостатки. Еще, мне кажется, надо быть терпеливее и уважительнее друг к другу. Тогда возникнет доверие, а доверие — самое главное в дружбе.*

КИРИЛЛ КОНЕВ, г. Красноярск. *Нужно стремиться к доброжелательности и внимательности каждого ко всем и всех к каждому. Надо очень стараться быть справедливыми и не обижать товарищей по пустякам. Пусть бы все нашли свое место в общем деле и среди ребят, и тогда каждый будет заинтересован, и активен, и ответствен. И обязательно найдется что-то, что этот человек может хорошо сделать для других и порадовать товарищей.*

ВАСИЛИНА БОЙКО, г. Уфа. *Очень часто бывает такое, что в классе появляется «предводитель», более сильный физически, и умудряется повести за собой часть класса, расколоть ребят. Случилось так и у нас. Учителя классом были довольны — успеваемость у нас хорошая, а мы чувствовали, что коллектив наш умирает. И тогда мы решились, а решиться на это не так просто, и вызвали мальчиков на откровенность. И почти незаметно, но «лед тронулся». Надо как-то однажды пойти на откровенность...*

ГЕННАДИЙ ЛЕВИН, г. Шахты, Ростовская область. *Я думаю, чтоб всем жилось хорошо, мальчишкам нельзя обижать девчонок. Мы с первого класса издевались над своими девчонками и только в пятом классе задумались: что же мы делаем? Когда человека обижаешь, представь себя на его месте: каково было бы тебе? Надо ко всем без исключения относиться, как к друзьям, и тогда всем будет хорошо.*

МАРИНА МИЧУРИНА, дер. Гришенино. *Прошел у нас отчетно-выборный сбор, и снова выбрали все тех же ребят — и председателем совета отряда, и старостой, и редактором. И они хорошие ребята. Но получается тогда, что всем остальным ни до чего никакого нет дела. Нет у них желания ни за что отвечать — в ответе всегда одни и те же. А все остальные вместо ответственности за общие дела и жизнь могут позволить себе недоумение и недовольство. Как сделать, чтоб всем жилось хорошо? Вопрос нелегкий. Хорошо может быть только тогда, когда каждый имеет свое серьезное задание, свое умение и свою заботу. Ну еще, чтобы дружить, надо стараться всем помочь в беде, побольше взять в деле на себя, а в вине, если провинишься, не сваливать ничего на другого.*

ЛЕНА БОРИСЕНКО, г. Саратов *Чтоб каждому — хорошо, каждый должен чувствовать свою ответственность в общих делах. А в дела эти человека должен вовлекать интерес. Поэтому поручение надо давать такое, чтоб человек сам, и с радостью, на него согласился. И смог себя проявить в глазах товарищей молодцом. Отряд не вправе отвергать просьбы, желания своих товарищей. Если человек чувствует, что такая работа ему не по рукам, зачем настаивать? Пусть делает то, что ему нравится, так он больше принесет пользы.*

ИГОРЬ ВАКУШИН, село Благосклонное, Оренбургская область. *Дружно и всем хорошо бывает, если никто не остается в стороне. Тогда никому не скучно. Не к кому предъявлять претензии, если получилось не так. Все заняты делом, и на дурное времени не остается. В деле люди лучше видны. Обратите внимание, в пионерском лагере или в походе отстающие ученики выглядят совсем поиному. Никто просто не думает о том, разжигает рядом с тобой костер отличник или троечник. В походе важно знать, надежный ли человек рядом. Мне кажется, в обычной жизни надо каждому человеку в отряде дать возможность проявить себя, показать свою надежность, преданность, лучшие качества. Это получается в походах, в эстафетах, в играх, в интересных всем делах.*

МАРИНА ПОРОТПИКОВА, г. Серебрянск, Восточно-Казахстанская область. *Чтоб всем хорошо, должно быть взаимопонимание. Если не поймешь человека, можешь легко его обидеть или по отношению*

к нему поступить неправильно. Или острым словом задеть за живое. Не поняв, и в беде не поможешь. У нас есть один мальчик, который от всего отказывается. Скучно ему в отряде. Но мы его не ругаем, мы стараемся его понять. И надеемся, что и он будет с нами.

ФЕДОР ДОРОШЕНКО, село В.-Знаменка, Запорожская область. *Если все будут помогать друг другу, все будут чувствовать долг чести перед товарищами. И когда вокруг благородство, то стыдно кого-нибудь унизить.*

НАТАША НОВОСЕЛЬСКАЯ, село Кувай, Оренбургская область. *Хорошо живется там, где замечают хмурое настроение товарища и стараются развеять его грусть, а не посмеяться над бедой. Где на человека смотрят по его поступкам, а не по внешности и не по отметкам.*

СЛАВА ЛОПАТИН, пос. Тымовское, Сахалинская область. *Хорошо там, где слабого заслоняют. Где над промахом не смеются. Где отстающему помогают не подсказками, а делом.*

МАРИНА РОЧЕВА, дер. Вертеп, Коми АССР. *По-моему, главное — понять человека в любую минуту, помочь ему, а не только посочувствовать. Надо каждому человеку в отряде дать понять, что ОН ЧЕЛОВЕК, что его уважают, что он всем нужен. Чтобы всем жилось хорошо, в этом должен быть уверен и отстающий ученик, и тот, кто провинился. Тогда они исправятся и станут лучше, сильнее. Многое зависит от председателя совета отряда, и он должен понимать, что, прежде чем поступить или сказать, должен взвесить каждое «за» и «против».*

ЛАРИСА ПОДВИГИНА, село Верхняя Хава, Воронежская область. *Жизнь в дружном коллективе, общение с хорошими, интересными людьми помогают развиться личности. Коллектив может возвысить, а может и принизить человека. И поэтому очень важно расти в хорошем, дружном коллективе. Выполняя поручения отряда, человек развивает свои способности и узнает свои возможности, и это первая наука жизни. Основные черты характера человек тоже вырабатывает в общении с товарищами по классу, по отряду, и поэтому в нашем, пионерском, возрасте мы должны тоже требовать от себя много. Во всяком случае, больше, чем от других. К другим надо быть внимательным и добрым, а к себе требовательным и суровым. И стараться понимать других, не только себя.*

Когда читаешь такие серьезные и интересные соображения, слушаешь глубокие и точные размышления о жизни, о себе, о деле, радуешься, что большинство ребят все понимают правильно и можно к их высказываниям ничего даже не прибавлять, потому что сказано все верно и прекрасно.

Но почему же все-таки так много вопросов возникает в каждом нашем дне и так трудно порой ребятам в их собственных отрядах?

Жизнь, конечно, сложнее всех, даже самых правильных наших размышлений о ней. Порой, сами того не замечая, мы нарушаем правильные свои принципы, отступаем от своих верных мыслей к неверным, случайным поступкам. Иногда горячимся, а потом жалеем. Знаем, что надо бы сделать так, а объяснить потом не можем, почему поступили по-иному. Мало ли еще причин.

И все же каждый из нас должен научиться размышлять о своих поступках, о своем отношении к делу и к товарищам, о своей жизненной позиции. Для того и ведем мы эти неторопливые разговоры на СТРАНИЧКАХ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

Подумай и ты вместе с нами, как было бы хорошо, ЕСЛИ:

— одна девочка в классе не подошла к другой и не сказала: «Ты у нас как королева. На тебя не наработаешься: все выполняй и выполняй твои поручения!» (Наташа Белова, пос. Приморский, Куйбышевская область);

— подруга не забыла навестить в больнице человека, с которым дружила несколько лет (Л., г. Чкаловск, Горьковская область);

— одноклассники не смеялись над мальчиком, который пригласил девочку к себе на день рождения (Сергей Малиев, г. Элиста);

— девочка не чувствовала в своем собственном классе себя лишней (Ирина К., г. Томск);

— класс не раскалывался на две половины — одетых модно и немодно, и вообще не разбивался на группки (Аида Иванова, село Саныяхтат, ЯАССР);

— не давали обидных кличек (сестры Абрамкины, г. Алма-Ата);

— никто не смотрел «сверху» на тех, кто слабее в учебе (Дина Шимонкова, г. Ташкент);

— никто не был равнодушным, когда сильный обижает слабого или один унижает другого (Татьяна Городничева, г. Свердловск);

— каждое «я» было требовательным к себе и делало что-то для общего «мы» (Куляш Тургазиева, ст. Мангышлак, Казахская ССР).

Вот какой получился у нас разговор. Ты тоже можешь принять в нем участие, если подумаешь и выскажешь свое мнение в ответе на вопрос: ЧТО ДЕЛАЕШЬ ТЫ ДЛЯ ОТРЯДА? ДЛЯ ДРУЗЕЙ?

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Анатолий **МАРКУША**

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ, ГОД ЗА ГОДОМ

Фрагменты одной жизни

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

* * *

Я уже рассказывал о моем мальчишеском чтении, о литературных привязанностях и антипатиях. Вернусь к этой теме.

Перелистывая очередной, густо нашпигованный информацией том, я уперся взглядом в потрясшую меня цифру — 25 000!

Оказывается, 25 000 дней, как следовало из ссылки, кажется, на Аристотеля, это... плановая, предусмотренная природой, продолжительность человеческой жизни.

Реагировал я на это открытие бурно и совершенно однозначно: 25 000 дней,— казалось, жутко, невероятно много!

Я переводил дни в месяцы, месяцы — в годы, и все равно получалось много.

Конечно, я не держал своих выкладок в тайне и, как понял потом, ужасно всем надоел. Даже мой ближайший приятель Сашка Бесюгин не выдержал.

— Много-много! Ну и хорошо, что много,— сказал он,— пользуйся.

Даже не склонная к ироническим выпадам Галка посоветовала осторожно:

— А ты посчитай, сколько попугай живет, и сравни. По-моему, нам радоваться особенно нечего.

Мой отец — я и ему уши прожужжал — тоже оказался на стороне Гали и как бы вскользь заметил:

— Много-много, а растратишь без толку, так и не увидишь, как пролетят...

Пожалуй, удивительнее всех отреагировал Митька Фортунатов:

— Двадцать пять тыщ, говоришь? Если по десять рублей на день кинуть...— ого-го-шеньки! — четверть мильона получается...

Потом я забыл об этих выкладках.

Жил, как, вероятно, все живут,— радовался, огорчался, скучал, торопился, тянул резину, горячился, успокаивался, надеялся, разочаровывался, ждал и догонял, вовсе даже не считая, сколько прошло, сколько осталось...

Все началось по-заведенному.

С рассветом принял дежурство. Солнце всходило красное-красное, тяжело разрывая путы холодного осеннего тумана. Туман лениво стекал с взлетной полосы, задерживался у капониров, накапливался на кромке леса, будто раздумывал — уходить или возвращаться?

И уходил.

Нас с Остапенко подняли на перехват.

Но «Рама» вовремя смылась.

Мы располагали еще приличным запасом горючего, и я решил взглянуть на дорогу. Там иногда

удавалось поживиться вражеской автомашиной, повозкой, погонять штабного мотоциклиста...

Но когда не везет, тогда не везет: дорога оказалась совершенно пустынной. Полоска желтого серпантина в темно-зеленом обрамлении сосняка. Зенитки почти не стреляли.

Словом, ни перехвата, ни свободной охоты, ни штурмовки не получилось. С некоторой натяжкой наш полет можно было отнести к разведывательному.

А что? Разведка прифронтовой дороги противника. Движения войск и техники не обнаружено. Зенитное прикрытие слабое.

Хотя слабое прикрытие или сильное прикрытие — понятия весьма относительные. Представим: противник высадил тысячу или даже пять тысяч снарядов и все — мимо. Как оценить прикрытие? А если тебя нашел один-единственный, шальной дурак и перебил тягу руля глубины или разворотил масляный радиатор, тогда?

Мы подходили к своему аэродрому, лететь оставалось минут двенадцать, когда у меня отказала рация. Только что дышала, посвистывала, хрипела, и сразу как выключили.

А Остапенко делал непонятные знаки: раскачивался с крыла на крыло (привлекал внимание), шарахался вправо... (Много позже я узнал: он заметил пару «самоубийц» — финские устаревшие «Бюккеры» — и тянул меня на них.)

Самое худшее, однако, произошло, когда Остапенко внезапно исчез (не выдержал, ринулся на «самоубийц»), а я вдруг почувствовал — ручка управления утратила упругость. Это было очень странное ощущение: ручка беспрепятственно ходила вперед и назад, но машина на эти отклонения никак не реагировала.

Самолет произвольно опускал нос и набирал скорость...

Тяга руля глубины... Перебита или рассоединилась? Так или иначе самолет становился неуправляемым. И, как назло, я не мог ничего передать на аэродром.

«Впрочем, тут рядом,— подумал я лениво и неохотно.— Придется прыгать».

Открыл фонарь, перевернул машину на спину, благо элероны действовали, и благополучно вывалился из кабины.

Приземлился мягко. Даже слишком мягко — с отчетливым, глубоким причмоком. Болото. Освободился от парашютных лямок и стал соображать, где я. Выходило — до дому километров сорок, ну, пятьдесят... Как только вылезать из болота... Топь страшенная. И еще затруднявшее ориентировку мелколесье...

Рассчитывать на помощь с воздуха не приходилось. Не увидят. И просигналить нечем: ракетница осталась на борту. Парашютное полотнище не растянуть — негде. Костер развести — сомнительная затея: кругом все чавкало, клочка сухого не было...

Искать самолет? Там бортовой паек, но, во-первых, я не видел, куда он упал. И во-вторых, машину скорей всего засосало, добраться ли до кабины? Решил идти.

И тут я совершенно неожиданно подумал, поглядев на себя как бы со стороны: «Колька Абаза, проживший по состоянию на сегодняшнее число всего 9490 дней, должен выбраться! Есть же еще резерв... и ты, Колька, везучий!..»

Сорок километров я шел четверо суток. Подробности опускаю: теперь подробности не имеют значения. Дошел. На аэродроме появился в начале девятого.

Прежде чем кто-нибудь меня заметил, раньше, чем Брябрина, девица из штаба, заорала визгливым, со слезами, голосом: «Ой-ой-ой, мама... Абаза...» — увидел аккуратную фанерку, прилаженную к неструганой сосновой палке, воткнутой в пустом капонире. На этой фанерке красовался листок в красно-черной рамке. С фотографией. И было написано десятка три строк. Как меня ни мутило от голода и усталости, я все-таки прочитал, что они там про меня сочинили. Между прочим, могли бы и получше написать...

Я вернулся, и разговоров было много. Разных.

Носов сказал:

— Значит, довоюешь, раз мы тебя живого отпели...

Я подумал: «Хорошо бы».

Остапенко, не глядя мне в глаза, бормотал, сбиваясь:

— Виноват... не удержался... Сам понимаешь, «Бюккера», можно сказать, напрашивались: «Дай нам!» Бросил, а когда «уговорил» — одного точно! — туда-сюда, тебя как корова языком слизала... Виноват...

— Ладно,— сказал я,— чего размусоливать.

— Нет, командир, и еще я виноват...— И он замолчал.

— Ну?

— Когда прилетел, и началось: как, что, где?..— Он достал карту и ткнул пальцем в район, лежавший километрах в ста западнее от места, где я на самом деле выпрыгнул.

Понятно: Остапенко показал ближе к зениткам. И тогда получилось — «Бюккеры» попались ему потом, позже... Соблюдал свой интерес мой ведомый. Ждал я от него такого? Не ждал... А он:

— Виноват, виноват я, командир...

Вместе мы пролетали уже порядочно и, надо сказать, удачливо. Что было делать? Восстанавливать истину ради истины? Рисовать рапорт? Сказать Носову неофициально: так, мол, и так дело было... решайте, как находите нужным?

Эх, не оказалось под рукой ромашки погадать: любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет...

Приземлялся мягко. Даже слишком мягко... Болото.

Я развернулся и врезал Остапенко по шее. Не шутя, прилично врезал. И сказал:

— В расчете. Согласен?

Вечером было отпраздновано мое возвращение.

Мы сидели на завалинке летной столовой и пели душещипательную фронтовую песенку. Остапенко то и дело вскакивал и кричал:

— А вообще это колоссально! На каждого запланировано двадцать пять тысяч дней! А? Кто определил, командир,— обращался он ко мне,— я опять позабыл — кто?

— Кажется, Аристотель,— в десятый раз отвечал я.

— Во-во-во, Аристотель!

Не разобрав толком, о чем идет речь, подошедший Носов сказал:

— Не Аристотель, а Мефистофель. Но сейчас это неважно. Кончай базар, спать. С утра штурмуем полком...

* * *

Детство кончилось. Взрослость не наступила. Был пересменок — тревожный и душный. Желания превосходили возможности. Кругом роились обиды. Недоставало понимания и равновесия. Такое бывает у всех, но узнаешь, что это естественно и нормально, когда смута уже проходит...

Галя позвала в Парк культуры и отдыха. Все ходили туда. Ровные, обсаженные молодыми липками дорожки втекали в тенистые, даже самым жарким днем прохладные аллеи старого Нескучного сада... И сюда-то тянулась молодежь...

Поначалу Галя была крайне оживлена и старательно развлекала меня новостями (будто мы не виделись года три), а потом, неожиданно потускнев, стала говорить что-то, на мой тогдашний взгляд, совершенно несусветное:

— Я знаю, Коля, у тебя ко мне никакого настоящего чувства нет...— Помолчала. Наверное, ждала возражений. Но я так растерялся, что ничего не сказал, не нашелся.— И понятно! Толстая, урод уродом, никакого самолюбия...— Она опять помолчала.— Но я хочу, чтобы ты знал, Коля, если когда-нибудь и для чего-нибудь я тебе понадоблюсь, только свистни...

— Или ты собака? — спросил я с фальшивым изумлением.

— Вот именно! Собака. А что? Собака — друг человека. Ты подумай, Колька, и человеку без собаки — плохо, и собаке без человека — невозможно. Собака без человека озверевает... Ты согласен — буду за собаку?!

А часом позже выяснилось: пока сидели в траве, у меня из карманов бесшумно и, разумеется, бесследно повыкатывались все монетки. А так как крупных купюр не было с самого начала, то в итоге оказалось: нашей общей наличности не хватает даже на два билета метро...

— Поезжай,— сказал я Гале,— поздно. Мама будет ругать.

— А ты? — откровенно удивилась Галя.

— По долинам и по взгорьям,— попытался пропеть я,— шла дивизия вперед... Ну, и так далее, я — пешком...

Галя посмотрела на меня, будто впервые увидела, и ничего не сказала. Пересчитала еще раз всю наличность, улыбнулась:

— Слушай, нам всего-то пятачка не хватает.— Тогда билет метро стоил тридцать копеек.— Сейчас выберу душку-военного и попрошу...

— Чего попросишь? — не сразу сообразил я.

— Пятачок.

— Да ты в уме? — бурно запротестовал я. По понятиям, внушенным мне с молодых ногтей, просить считалось абсолютно безнравственным.

Мещанин считал себя бесконечно выше, благороднее самого лучшего нищего. И неудивительно: своей духовной нищеты он просто не сознавал...

Пока я бесполезно морщил лоб, делая вид, будто стараюсь что-то придумать, найти выход из положения, Галя подошла к военному со шпалой в петлице и вежливо сказала:

— Извините, можно у вас попросить пять копеек?

Военный смешно притормозил, резко качнувшись на длинных, обутых в хромовые сапоги ногах, козырнул Гале и осведомился:

— Именно пять?

— Если можно, именно пять... Не хватает...

— Держи! — И он протянул Гале две монетки — двух- и трехкопеечную...

Мы ехали домой. Галя, кажется, тут же позабыла о своем «подвиге», а я переживал: ну, что это за мужчина, позволяющий своей... девушке, даме...

И тут мысль почему-то перескочила на другое — но Галя сама сказала: я твоя собака...

Конечно, попрошайничать, клянчить, вымогательствовать...— батюшки, сколько, оказывается, на свете этих гнуснейших слов! — отвратительно и стыдно, но... моя «собака» готова на все.

Мы доехали до площади Маяковского и тихонько пошли по улице Горького, пока не свернули в полутемный переулок. Здесь, перед самым расставанием, сам того не ожидая, я скомандовал:

— К но-ге! — и похлопал себя ладонью по бедру.

Сначала Галя не поняла. А потом, когда до нее дошло, она прижалась боком к моему боку и пошла со мной шаг в шаг...

Я видел ее опущенную голову, видел напряженно следивший за мной, чуть прищуренный левый глаз...

Свинья я, свинья! Ведь ликовал.

У подъезда серого, надстроенного дома я небрежно поцеловал Галю в лицо — ткнулся куда попало — и поспешно ретировался...

Ее письмо разыскало меня на фронте. На конверте живого места не было — штампы, сопроводительные надписи, чернильные подтеки. Письмо было от Гали и шло ко мне почти год.

Так я узнал: она окончила ускоренный курс медицинского... вместо фронта, как мечтала и рассчитывала, получила назначение в сельскую больничку... Жизнь тяжелая... Кругом одни клюквенные болота. Деревенька маленькая, глухая... Ко всему: над головами то и дело самолеты летают, нагоняют тоску... Тоска, как клей.

«Хоть бы узнать, что ты жив,— писала Галя,— я боюсь самолетов и не могу вообразить, как ты, при твоем характере, сможешь удержаться в этой дурацкой авиации. И вообще — на войне...»

Странно — письмо Гали больно меня задело. Показалось обидным. Что она понимает в авиации? А кстати, и во мне?

А еще меня заинтересовало дважды упомянутое название деревни — Жужа. Определенно, я где-то встречал это странное буквосочетание — не жук, не жаба, а Жу-жа, жу... жа...

Неопределенность — наказание. Во всяком случае, для меня.

Видел я где-то... голову на отсечение даю, видел: Жужа. Видел? Но если видел, значит, на карте... Я развернул свою потрепанную полетную пятикило-

метровку и принялся прочесывать ее — с севера на юг, потом с запада на восток.

В конце концов я нашел эту Жужу. Она лежала в восьмидесяти семи километрах севернее нашего аэродрома на излучине безымянной речки, в районе болотистом и бездорожном, охваченная широким полукольцом лесного массива... Была там церковь. Дворов в деревне, если верить карте, насчитывалось девяносто. Далась мне эта Жужа! Что мне в ней?

Ну, учились мы с Галей в школе... допустим, между нами что-то намечалось... детское, наивное. Все это — прошлое!

Конечно, прошлое.

Было... а потом исчезло, рассеялось, растворилось, слиняло, уплыло... О чем думать? Думать, мечтать, ждать, предполагать, сочинять... врать... заполаскивать мозги... Как много на свете слов. Для чего столько?..

А тут мне подвернулось слетать в штаб армии. На По-2.

Я любил эту безобидную керосинку — сама, можно сказать, летала, только не мешай. И снижаться позволяла, как ни одна другая машина, и приткаться, если надо, на любом пятачке. Золотой был «ероплан».

На обратном пути из штаба армии пришло мне в голову: если уклониться градусов на тридцать вправо, то, не слишком увеличивая общую дальность полета, вполне можно выскочить на Жужу...

Зачем? Ну-у, так, поглядеть... Врешь! Глядеть там не на что. Себя показать хочешь. Допустим — себя. Так что?! Ничего...

Жужа оказалась еще меньше, чем представлялась по карте. Одна улица. Полуразрушенная церковь. Школа. Административное здание... Крыши тесовые, черные... Оконца крошечные. Словом, чего говорить, — сплошная северная унылость, усугубленная диким запустением. А улица широкая. Проспект. Снизился. Прошел метрах на десяти, разглядел — ровная улица, столбов нет и проводов нет.

Ну и что? Ничего. При необходимости вполне можно приземлиться. Поглядел на часы. Время позволяет.

Проверил остаток горючего... А ветер? Отличный ветер: дымок точно вдоль улицы тянет... не сильно. Сел. Двигатель, понятно, не выключал. Прибежали мальчишки.

— Жужа?

— Жужа!

— Кто доктор? Где?

— В район уехала, за лекарствами. Муж — здесь. — И предложили с охотой скликать мужа.

— Военные на санитарной машине приезжали? — спросил я. — Титаренко, полковник, был? (Все это я придумал по ходу дела.)

— Не было! — хором ответили ребята.

— Спасибо, ребята! Полечу искать дальше. Счастливо!

И улетел.

На сорокаминутное мое опоздание никто в полку не обратил никакого внимания: По-2! Ветром могло сдуть...

А я, как нетрудно догадаться, помалкивал и про себя радовался — с неопределенностью покончено!

Жужа — та самая. У Гали — муж. Вопросов никаких нет и быть не может.

Но тут я ошибся.

Дней через пять из штаба воздушной армии поступила в полк телефонограмма. «Самовольное отклонение от маршрута, посадку на улицу в Жуже оцениваю пятью сутками ареста. Получите подробное объяснение у Абазы...» И подпись — начальник штаба...

Я шел к Носову, не ожидая ничего худого, но стоило только взглянуть на командира, чтобы понять, — держись, Колька...

Носов выразительно прочитал мне телефонограмму и велел:

— Объясняй.

Конечно, можно было и соврать: отклонился, мол, засомневался, какая деревенька. Присел для уточнения ориентировки «методом опроса местных жителей». Но... не решился: у Носова был совершенно фантастический нюх на малейшую брехню. И вранья он не переносил.

— Виноват, — сказал я, поморгал, потупился и тихо-тихо: — Любовь...

— Этого не хватало! — вздохнул не без притворства Носов. — Ступай, Ромео, отсиживай и имей в виду — бо-о-ольшие неприятности у тебя еще будут от этой, от любви... при твоих-то замашках. Иди.

* * *

Впервые на охоту я попал по чистой случайности. Приятель отца предложил: «Хочешь поглядеть, как зайчишек стреляют?» И я из чистого любопытства согласился.

Отец не возражал. Мать — тоже: охота происходит на свежем воздухе, а свежий воздух ребенку — первая необходимость, к тому же заяц не тигр, так что опасности никакой... Получив родительское благословение, я очутился в зимнем пригородном лесу. Единственный мальчишка среди шести взрослых.

Прежде всего запомнился лес — холодный, кружевной, с седыми стрельчатыми ресницами. И сорочий гам запомнился. И цепочки заячьих следов. Мне объяснили: если отпечатки лап идут одна-одна-две, это заяц...

Взрослые были разные. Трое городских, хорошо одетых, в высоких мягких валенках, в пушистых шапках, с красивыми ружьями и сумками, трое деревенских, одетых хуже, с небогатыми ружьями, но с собаками. Мне, конечно, ружья не предложили, велели держаться рядом с отцовским приятелем, присматриваться, под выстрелы не лезть и вообще... не мешать...

Делать было нечего, пришлось подчиниться.

Городские охотники разошлись по каким-то «местам», а деревенские отправились сначала вдоль дороги, потом по краю поля и скрылись из глаз. Скоро сквозь лес покатился собачий лай: тихо, громче, опять тише и снова громче... На опушку, где мы притаились у старой почерневшей, подъеденной понизу копешки, заяц вылетел, словно очумевший. Он был маленьким, почти белым, с жалкими, прижатыми к спине ушами.

Тут я взглянул на отцовского приятеля и... испугался: был человек как человек, ну, толстый, красномордый, если по правде говорить — не красавец, а тут... по-лягушачьи приоткрытый рот, затуманенные незрячие глаза и мелко-мелко вздрагивающие пухлые руки... Я даже не сразу сообразил, что преобразило моего благодетеля — не со страху же так изменился человек, ведь правильно мать говорила: заяц — не тигр.

Просто человеку не терпелось выстрелить... попасть... убить...

Он и выстрелил, и попал, и убил...

Нет, я не особенно жалел зайчишку. Понимал — всякое мясо, что попадает на наш стол,

сначала пасется на траве, мычит или блеет... Словом, с убийством ради поддержания жизни, раз уж так заведено, я мирился, но покрасневший подле подстреленного зайца снег произвел все-таки неприятное впечатление.

В тот день были убиты и другие зайцы.

К вечеру я ужасно замерз. Меня трясло от холода, зубы выколачивали чечетку, и темная изба, наполненная кислой вонью и густым теплом, показалась великим счастьем. Взрослые суетились, хвастались, звенели посудой. Меня сморило, и я заснул прежде, чем подоспело время отведать зайчатины.

Охота не понравилась. Большие хлопоты, большой шум, ничтожные результаты. Это — раз. И два: долго вспоминалось лицо толстого человека, искаженное неодолимым желанием убить.

(Слава богу, на войне я был истребителем, летал в одиночку, без экипажа. И никто не видел моего лица, когда я нажимал на гашетки. И я сам не видел.)

С той охоты в качестве трофея я привез заячью лапу. Дал деревенский охотник, сказав — на счастье, чтобы фартило... Потом я в кино видел: заграничный боксер таскал точно такую лапку. Для непобедимости. Но лапа не помогала. А я так и не узнал — помогает или нет: Наташка выклянчила. Сказала... пудриться!

Во второй раз я попал на охоту под занавес моей летной службы. Пригласили... Отказаться не было причин. В самом деле, не скажешь ведь: да был я один раз в детстве и не понравилось... Смешно.

Мы долго ехали на вездеходе. Нам предстояло добыть лося... Вскоре я постиг суть э т о й охоты. Из леса по хорошо натоптанной тропке д о л ж е н был выйти лось. Полуручного зверя долго подкармливали, и теперь он просто не мог не выйти: его научили двигаться этой дорогой, прямиком к кормушке. Итак, лось д о л ж е н был выйти на охотника. И хозяин, естественно, д о л ж е н завалить сохатого из своего замечательного именного, дарственного «зауера» три кольца.

Не постиг я, однако, другого: мне, не охотнику, совершенно случайному, стороннему человеку, вся эта примитивная механика раскрылась через каких-нибудь полчаса. Как же мог не понимать ее охотник, ради которого устраивался весь спектакль?

«Странно,— думал я,— н е п о н и м а т ь он не может, но, если понимает, какой ему интерес стрелять в ручную скотину? Это же все равно, что охотиться на корову».

И тут я поглядел на самого. Он стоял прямо и прочно — пожилой, грузный, уверенный в себе человек.

В лесу затрещало.

Я видел, как мгновенно он ожил, проворно вскинув ружье, как он изготовился и напрягся. Я глянул ему в лицо и, словно жизнь не минула, увидел отцовского приятеля на той жалкой заячьей охоте — точь-в-точь такой же приоткрытый рот и засохшая в уголках губ слюна, такие же глаза без мысли... И этот дрожал от нетерпения — убить!..

А по тропе, едва касаясь земли, медленно-медленно плыл, грудью раздвигая ветки, приближался к нам лось. Он был не очень крупный, будто литой, словно струящийся в солнечном неровном освещении.

«Какая сила,— подумал я. И сразу: — Не дам... Черт с тобой, хозяин, я знаю — не простишь... да, плевать!» Я взвел курки, поднял ружье повыше и грохнул разом из обоих стволов над его головой: «Вот тебе, а не лось!..»

Ничего я этим, конечно, не достиг, не доказал и не изменил. Лосей били и бьют: стреляют браконьеры и по лицензии — законно... И ничью совесть я не задел. О какой совести можно говорить, если человек выходит убивать прирученную скотину?!

Единственно, чего я, пожалуй, добился: дал основание сомневаться в моих умственных способностях.

Недоумок этот Абаза — факт!

И все равно — не жалею. Такой я и не хочу быть другим.

* * *

Утро синее, ветерок, прохладно — живи, радуйся. И в школу я шел с самыми добрыми намерениями: не задираться, внимательно слушать на уроках, если спросят, отвечать по возможности наилучшим образом, короче — соответствовать самым высоким нормам...

Но до класса я не дошел: в коридоре меня окликнул старший пионервожатый. Звали его Веня, а больше о нем ничего толком не помню, если не считать защитных галифе, такой же рубахи навыпуск и двух ремней — одного поперек туловища, другого — наискось, через плечо.

Веня зазвал меня в пионерскую комнату и распорядился:

Галя подошла к военному:
— Извините, пожалуйста, можно у вас попросить пять копеек?

Тут я взглянул на отцовского приятеля и... испугался.

— Завтра в восемнадцать ноль-ноль будем приветствовать. Приготовишься. Чтобы синие штаны, белая рубашка и галстук выглаженный... Выступаем в клубе у шефов. Держи текст,— и сунул мне тонкий, на манер папиросного, листок с едва различимыми машинописными строчками.— Выучишь назубок.

Еще в классе я прочитал и легко запомнил:

«Дорогой товарищ мастер, Петр Васильевич Воронков, для меня большое счастье вам вручить букет цветов! Пожелать по поручению и от имени ребят достижений и свершений долгий непрерывный ряд. Ну, а мы пока за партой выполняем личный план, но готовы, хоть бы завтра, встать на смену мастерам...»

Дальше текст переходил к Нюмке Бромбергу, потом — к Ире, к Наташке и ко мне уже не возвращался.

В назначенный час мы, принаряженные, с тщательно прилизанными головами, вышли на ярко освещенную сцену и бойко приветствовали знатного стахановца — так именовались в то время самые лучшие, передовые рабочие — Петра Васильевича Воронкова.

Чествовали его по случаю награждения орденом или была какая-то юбилейная дата, не помню.

Затрудняюсь сказать, что чувствовали, что переживали другие ребята, я не слишком волновался и никакого особого душевного трепета не испытывал. Наверное, потому, что Петр Васильевич Воронков как был, так и остался совершенно посторонним мне человеком: никому ведь в голову не пришло рассказать нам о его жизни, достижениях этого выдающегося стахановца, показать его станок — если он работал на станке,— познакомить с продукцией, выходившей из его умелых рук, словом, хоть как-то раскрыть перед любопытными мальчишескими глазами мастера и дело, которому он служил наверняка самым лучшим образом.

Думаю, и остальные ребята отнеслись к нашему участию во взрослом торжестве примерно так же, если не считать Веню...

Он-то изрядно нервничал и все лез руководить:

— Значит, так... внимание! На выходе н и к т о не топает!.. Абаза! Не забудь повернуться к товарищу Воронкову, будешь смотреть ему в лицо! Все после слов: «...на смену мастерам» — хлопают...

Выступление прошло вполне благополучно: никто не свалился в оркестровую яму; никто не забыл слов; все читали достаточно громко и бойко... Словом, мы произвели самое благоприятное впечатление и, очевидно, понравились руководству района. Сужу столь уверенно потому, что недели через две Веня снова призвал меня и, как в прошлый раз, отрубил:

— В воскресенье, в шестнадцать тридцать, приветствуем. Штаны темные, рубашка белая, галстук глаженый... Держи текст.

«Дорогой товарищ мастер, Александр Борисыч Савин, для меня такое счастье подвиг ваш в труде прославить, пожелать по поручению и от имени ребят...» — дальше все шло, как в первый раз.

И опять все закончилось к всеобщему удовольствию. Только Веня суетился еще пуще и покрикивал на нас...

— Наташа! Дай улыбку во взгляде!.. Абаза, громче и задушевнее... Фортунатов, что у тебя во рту? Выплюнь немедленно...

Снова нам хлопали долго и дружно. Опять я видел умиление на усталых, жестких лицах взрослых, как-то слишком прямо сидевших в своих плюшевых креслах. Все было, как в первый раз, только... и следа радости не возникло, никакого намека на возбуждение не появилось: отзвонил — и с колокольни долой!

Скорее всего я бы и не сумел объяснить тогда причину тревоги, сомнения, какого-то стыда, закравшихся в душу. Видать, раздвоение так просто не дается.

Но как бы оно ни было, когда Веня потребовал меня в третий раз и безо всяких вводных сунул листок с текстом: «Дорогой товарищ мастер, Федор Дмитрич Казаков...» — что-то замкнулось.

Я положил листок на кумачовую, в чернильных пятнах скатерть и покачал головой:

— Нет.

— То есть как — нет? — очень тихо, не столько с угрозой, сколько с удивлением спросил Веня, дергая косой ремень, изображавший портупею.

— Не буду.

— Разве ты не понимаешь... последствия... резонанс... И вообще, а что случилось?

Я повернулся и молча пошел из пионерской комнаты. И было мне не так страшно, как неловко; не за себя — вообще.

— Подводишь коллектив! Пренебрегаешь доверием товарищей! Уклоняешься от участия в политическом мероприятии,— долетело мне вслед.

Кажется, только тут я оценил серьезность угрозы. И струхнул, не стану скрывать. И сразу обозлился. Впрочем, и к лучшему — когда я злой, голова работает яснее.

— Уклоняюсь? — заорал я в полный голос.— От политики уклоняюсь?! Пошли в райком! Пошли, и пусть мне там скажут, «дорогой товарищ мастер», что за политику делают твои приветствия! Кому они нужны?! — Я орал довольно долго и, видя, что старания мои не напрасны, вдохновлялся все больше, а Веня линял на глазах.

— Ну, ладно-ладно... будем играть в тихие игры... Не надо произносить лишних слов,— сказал он ворчливо.

И вдруг я понял: победа за мной.

Но радость была недолгой. Одержать верх в малюсеньком жизненном эпизоде, в штучной, так сказать, ситуации, еще не означает быть на высоте.

Мои отношения с учительницей химии, деликатно выражаясь, складывались не лучшим образом. Химичка густо награждала меня тройками, без конца иронизировала по моему адресу. Так, во всяком случае, мне представлялось.

Одержав победу над Веней, я возомнил, что и с Антониной Дмитриевной справлюсь без особого труда.

Мне не казалось, что я заношусь или хамлю учительнице, я искренне полагал, что всего лишь даю понять — перед вами человек, личность, и вы обязаны считаться с этой личностью. Я усердствовал в своих усилиях. Но никаких ощутительных результатов не достиг.

В какой-то день Антонина Дмитриевна велела мне остаться после уроков. Выдержала минут десять в пустом классе, видно, давая время обдумать положение и сосредоточиться, а потом спросила:

— Что происходит, Абаза, тебе не нравится химия?

— Почему? Наука будущего... Очень забавно — наливать и переливать, особенно когда окрашивается... И взорваться может...

— Так в чем дело, Абаза, раз предмет тебе нравится?..

— Предмет — да! Но вы, Антонина Дмитриевна, не очень мне нравитесь...— Я честно собирался объяснить, что именно мешает ей быть на высоте, но Антонина Дмитриевна слушать не пожелала; встала и ушла.

В результате в какой уже раз я очутился в директорском кабинете. За столом — седеющая, идеально невозмутимая Александра Гавриловна. Она посмотрела на меня как-то мельком, вскользь и сказала:

— Ну?

К этой встрече я готовился. И Александра Гавриловна получила самую уничижительную характеристику Антонины Дмитриевны: необъективное отношение к ученикам — первый грех, вспыльчивый характер — второй, язвительная манера обращения — третий, громадное самомнение по всем вопросам... Обвинения ширились и набирали силу. Каждое подтверждалось неоспоримым примером, свежайшим фактом.

Александра Гавриловна непроницаемо молчала.

А я, не переставая говорить, гадал: клюет или не клюет?

Покончив с главными грехами, их набралось не меньше десятка, я тут же перешел к второстепенным отрицательным чертам: неопрятна, не следит за своим примитивным лексиконом, не контролирует позы, особенно когда сидит перед классом...

И тут Александра Гавриловна в первый раз остановила меня:

— Ты знаешь, Коля, при таком отношении я бы не посоветовала тебе жениться на Антонине Дмитриевне, только при чем здесь химия? Все, что ты приписываешь Осевой,— не основание для увольнения. Педагог она знающий, учитель опытный.

И я был сражен. Мне сделалось невозможно смешно при упоминании женитьбы. Куда только обличительный запал девался?

Точно уловив это мгновение, Александра Гавриловна сказала задумчиво:

— Пойди в библиотеку, Коля, и посмотри «Энциклопедию», на «К». Подумай хорошенько, что же такое компромисс? Не проживешь иначе... шею себе сломаешь, Коля...

Увы, я не могу пойти сегодня к Александре Гавриловне — она давно умерла — и мне некому сказать: а я прожил! Ей-ей, прожил, так толком не поняв могущества компромисса и не овладев этим опасным оружием...

* * *

Старший пионервожатый Веня исчез из школы бесшумно, бесследно и вроде совершенно беспричинно: был, размахивал руками, суетился, создавал видимость буйной деятельности, а потом — раз... и испарился. Никогда больше судьба не сталкивала меня с Веней, но вот загадка человеческой души — вспоминаю о нем всю жизнь. Может, потому, что он остался в памяти этаким символом бесполезного болтуна?..

На смену Вене пришла Лена, добродушная, простоватая — во всяком случае, такой она показалась при первом знакомстве. И говорила не очень складно, и легко смущалась, и совершенно не выдерживала прямого взгляда — в упор: краснела и отворачивалась.

При первом знакомстве с Леной мы почему-то безо всяких особых причин и поводов ужасно расхвастались... Наверное, хотелось поразить новую вожатую: знай, мол, что мы за отчаянный народ!

Начал Сашка Бесюгин. Заявил, что он на спор выпил полтора стакана воды за неделю — всего. И сейчас же его перебил Митька Фортунатов:

— А врешь! Без воды человек может только три дня продержаться. И вообще — не в этом суть! Вот мы с Мишкой, старшим братом, и пили, и ели, но, не останавливаясь, прошли сорок семь километров! Попробуй!

Мне ничего подходящего вспомнить не удавалось, но отставать не хотелось, и я сказал: не в воде, мол, и не в пройденных километрах самое главное, а в — характере! У кого есть характер, тот все сможет, а у кого — нет, тот только языком...

Кажется, мои слова произвели на Лену нужное впечатление. Она даже улыбнулась. И не вообще — а мне улыбнулась.

— Так, может, проведем состязание... или проще сказать, поспорим: у кого характер крепче, то есть у кого он самый сильный? — сказала Лена и стала придумывать условия невиданного и неслыханного в нашей школе соревнования.

Если по правде, сначала мы слушали Лену без особенного внимания, но потом, и сами не заметив, начали «запускаться» и спорить... В конце концов решили: старт в четыре тридцать утра, на ступеньках концертного зала рядом со входом в метро «Маяковская».

Первый этап — Маяковская — площадь Восстания. Этап молчания! Кто произнесет хоть одно слово, из соревнования выбывает...

Второй этап — до Зубовской площади. Усилен-

ный марш. Тот, кто отстал больше чем на пятьдесят метров от лидеров, с дистанции снимается...

Третий этап — от Зубовской площади до входа в Центральный парк культуры и отдыха. Этап расслабления: разрешается рассказывать веселые истории, приводить ободрительные примеры, но нельзя есть, пить, сосать леденцы и тому подобное...

Так мы разделили все Садовое кольцо, все пятнадцать с половиной километров, которые было решено перебрать ногами, чтобы встретиться с собственным характером.

Признаюсь, промолчать от площади Маяковского до площади Восстания мне лично составило куда меньше труда, чем проснуться без четверти четыре и бесшумно выбраться из дому. Очень хотелось на все плюнуть и остаться в постели.

До Зубовской площади я добрался довольно бодро, с отвратительным удовлетворением отметив: «жертвы» есть! Отстал Левка Придорогин, смылся Леня Коркин... Сашка Бесюгин не сошел, но сделался таким красным и скользким, будто его накачали клюквенным морсом и вымазали мылом...

На подступах к Крымскому мосту я подумал: «А кому это надо? Детство все... Дойдем — не дойдем... Игра...» Анекдотов Митьки Фортунатова я не слышал: злился.

За Октябрьской площадью поглядел на Лену. Она шла свободным, легким шагом, вольно размахивая руками, и плиссированная синяя юбка ритмично похлопывала ее по икрам.

«Странно,— подумал я,— а Лене это зачем? Встала чуть свет, тащится с нами... Характер проверяет? Едва ли... сомневалась бы, что дойдет, не пошла...»

На подступах к Курскому вокзалу мне сделалось невмоготу: и ноги переставлять, и думать, и замечать, кто уже отвалил, а кто — вот-вот... Все разом опротивело.

«Плюнь, ну, плюнь! — уговаривал я себя.— Подумаешь — проверка... Чепуха! Плюнуть и сесть на троллейбус: поступить вопреки... куда как труднее, чем бараном тащиться в стаде...»

И все-таки я не отвалил, шел... Механически, как заводная кукла. И мыслей в голове оставалось все меньше: «Иди-иди... осел... Не отставай! Кто придумал: великие — хотят, обыкновенные — только хотят хотеть?.. А я?.. Не хочу!»

Около института Склифосовского обнаружилось: только человек пять или шесть тянутся за Леной...

А я? Держаться плечом к плечу с Леной я уже не мог, мог кое-как плестись...

Ничего ужасного не случилось. Никто потом меня не дразнил, не попрекал, вообще о походе этом не вспоминали. Может, потому, что победителей было мало, а побежденных много?..

Но сам-то я знал: кто рассуждал о силе воли, кто размахивал руками? Кто иронизировал над Фортунатовым? Кстати, Фортунатов-то как раз дошел! Мне всегда трудно признавать заслуги несимпатичных мне людей. И понимаю — объективность, простая честность того требуют, а душа сопротивляется. Но надо! Ради истины, ради справедливости...

Мы дрались, кажется, третий час подряд. Спину ломило, глаза отказывали, а Носов все тянул и тянул на вертикаль, и я терял его время от времени из поля зрения, потому что в глазах вспыхивало черное солнце. Ни о каких фашистах я давно уже не думал: не потерять бы ведущего, не отстать. А Носов как взбеленился, будто он только и старался оторваться от меня...

Ведомого на войне, не знаю уж с чьей легкой руки, окрестили щитом героя. Мне не особенно нравилось это название, но куда денешься — глас народа!..

Мы дрались, кажется, пятый час подряд, когда Носов, вцепившись в хвост «фоккера», пошел к земле. Я — следом... Успел подумать: «Не вытянет ... высоты не хватит»... И услышал придушенный голос Носова:

— Тянем... в горизонт... Резво.

«Фоккер» тоже тянул и тоже резво, но осадка у него была больше, и ему высоты не хватило — врезался в болото. Носов знал, что делал!

Мы сели через сорок семь минут после взлета.

Горючего оставалось маловато, и Носов, хватанув шлемофон оземь, ругал меня:

— У меня с часов стрелка слетела... А ты — слепой? Больной? Глупый? Не мог сказать: кончай свалку?! Время? Голова где? Не понимаешь?

— Ведомый — щит героя,— сказал я и выдал тупо-подобострастное выражение.

— По Сеньке — шапка, по герою, видать,— дурак,— огрызнулся Носов. И ушел со стоянки.

Я сел в траву и никак не мог прийти в себя. А тут оружейник пристал:

— Почему не стреляли, командир? — Ясно: он беспокоился за исправность пушек. Но я этого не оценил, не мог: во мне все еще дрожало — и я взъярился.

— Почему-почему? Куда стрелять, в кого? За-

— Ну, ладно-ладно... будем играть в тихие игры... Не надо произносить лишних слов,— сказал Веня ворчливо.

чем? Что ты понимаешь? Стрелять! Не видел ты черного солнца в глазах... И не лезь с дурацкими вопросами... Стрелять!

Справедливость, увы, это не дважды два. Дважды два — всегда четыре, а справедливость многолика. И нет ничего труднее, чем быть справедливым в чужих глазах.

Я уже говорил: всю жизнь, но особенно в детстве, меня ругали. Иногда гневно, иногда так... для порядка, чаще — за дело, реже — зря. И не мог я никак привыкнуть, приспособиться к «законному» порядку вещей: допустим, мне объясняют: разговаривать во время урока с соседом по парте стыдно, плохо... и так далее, а я должен хлопать глазами, соглашаться, обещать исправиться и никогда больше не повторять...

У меня так не получалось.

Прав, не прав, я лез оправдываться, доказывать свое и чаще всего схлопатывал дополнительное вливание.

Кто много говорит о любви к самокритике или уверяет, что жить не может без принципиальной товарищеской взыскательной критики, врет. Нормальный человек не может обожать осуждения, хотя бы и самого дружеского. Стерпеть и принять во внимание — куда ни шло. Но не более. Нормальному человеку должно быть приятно слышать слова одобрения, сочувствия, тем более — восторга...

Но я думаю, каждый, делая что-то не так, как следует, выкатывая из общего ряда, понимает — он неправ.

Понимал и я. И много-много раз старался начать совершенно новую жизнь: безошибочную!

Как мне это представлялось? С первого числа буду делать физзарядку, говорил я себе, придумывал «железные клятвы» и ждал первого числа в твердой и искренней уверенности: начну полнейшее обновление.

Но почему-то накануне заветной даты я заболевал, мне предписывалось лежать в постели. Ни о какой школе не могло быть и речи, тем более о физических нагрузках... Потом я выздоравливал, надо было наверстывать упущенное, и «старое» первое число давно прошло, а новое было где-то в туманной дали.

Или: дал я себе твердое слово — бросаю курить! Мне казалось, будто врачи поглядывают на меня как-то не так, вроде с подозрением... А в авиации слова доктора достаточно, чтобы человек распрощался с полетами если не навсегда, то надолго...

Короче говоря, надо было бросать. Пора... Решил: сначала отлетаем инспекторскую проверку, схожу в отпуск, а вот вернусь и с первого числа брошу. Проходила инспекторская, проходил отпуск, я возвращался в часть, а там меня ждал приказ: «Назначить членом аварийной комиссии по расследованию катастрофы...» И надо было лететь в Н-ск. Копаться в обломках вдребезги разнесенной машины, по многу часов напряженно опрашивать свидетелей, искать виновников. Словом, никому такой работенки не пожелаю. Но приказ есть приказ. И вот неделю, дней десять живешь на нерве. Как бросить курить?

А первое число — мимо.

* * *

Полк принял новый командир. И на первом же офицерском собрании дал нам понять: порядки в части — никуда... Он таких не потерпит.

Я встал, назвался и спрашиваю:

— Как вы можете объяснить, товарищ подполковник, что часть при старых порядках сбила за время войны шестьсот восемьдесят шесть самолетов противника?

— Пока — не могу, — мгновенно парировал Шамрай.

Прошло сколько-то времени, командир приглашает меня в кабинет:

— До меня дошло, Николай Николаевич, что вы стремитесь покинуть полк?

— Никаких официальных шагов...

— Помилуйте, я не в осуждение. Просто хотелось знать: это соответствует вашему желанию?

— В полку я закончил войну, здесь стал тем, кто есть...

— Понимаю и ценю. Но открылась, как мне кажется, очень подходящая для вас вакансия... Приемщиком на завод не желаете?

И все во мне задрожало. Испытателем! Господи, какой же летчик не мечтает об этом?..

Но я виду не подал, спросил:

— Ваше предложение — теоретическое или с адресом?

— С адресом.

И Шамрай назвал мне, правда, не завод, а скорее ремонтные мастерские, где приводились в порядок хорошо мне знакомые самолеты и двигатели.

— Подумать можно? — спросил я, выдерживая правила игры.

— Сутки, — откровенно усмехнулся Шамрай.

Первого числа я приступил к исполнению своих новых обязанностей. Теперь я был сам себе начальник. То есть формально надо мной стояло достаточно много старших. Только практически за все хорошее и за все плохое, что могло и должно было случиться, ответственность лежала на мне.

Наконец-то жизнь вошла в желанные берега.

Ни утренних построений, ни долгих предполетных подготовок и тем более разборов полетов. Я приходил утром на свой заводик, узнавал, сколько машин готово, что на них делалось, составлял таблицу облета, нес эту единственную официальную бумагу к главному инженеру, он обычно, не заглядывая, ставил свою подпись и произносил торопливо:

— Только, мил-друг, осторожненько, прошу. — И отпускал меня с миром.

Потом я летал, стараясь быть на самом деле осторожным: мне вовсе не хотелось лишаться этого сказочного места. После полетов я делал замечания по работе материальной части ведущему инженеру, механикам, заполнял отчеты и был свободен.

Вначале меня даже сомнение брало: ну что это за испытательная работа, когда ничего не случается? Давила на сознание расхожая литература, охотно изображающая испытательные полеты как некую разновидность боя быков или показательного выступления гладиаторов.

Но постепенно я привык, втянулся и вовсе не искал приключений на собственную голову. Давно уже и твердо я усвоил: главный показатель успехов в авиации — отсутствие «чепе» и предпосылок к оным! И старался.

В тот день я взлетел, как обычно, и сразу после отрыва перевел кран уборки шасси на подъем. Видел: погасла левая зеленая лампочка, следом — правая. Малость спустя почти одновременно загорелись красные огоньки: шасси убралось, стойки встали на замки. Все в порядке.

Набрал положенную высоту, прогнал площадку и убедился: максимальную скорость мой «ероплан» хоть и без удовольствия, но все же дает. Выполнил

десяток фигур. Отклонений не обнаружил и начал снижение.

Подошло время выпускать шасси. Давление в гидросистеме соответствовало. Мне следовало перевести кран в положение «выпуск» и ожидать... Погасли красные лампочки. Чуть позже загорелась левая зеленая, а правая не включалась.

«Здрасте! — сказал я себе и подумал: — Может, лампочки не в порядке?» Нажал на кнопку контроля: зеленый глаз засветился... Значит, стойка шасси не становится на замок. Почему? Доложил ситуацию земле, попросил:

— Я пройду над стартом, поглядите и скажите, в каком положении правая нога.

Земля сказала:

— Стойка убрана, встречный щиток колеса закрыт.

Если замок не открылся, аварийный выпуск применять нельзя. Но... красный свет погас, стало быть, замок открылся...

Я проверил положение крана и открыл вентиль аварийного выпуска. Положение не изменилось.

Что же могло произойти? На взлете, после того, как погасли зеленые лампочки и еще не зажглись красные, до меня дошел... Нет-нет, «дошел» — слишком сильно сказано... мне почудился легкий, скрежещущий звук... собственно, даже не звук — сотрясение... Так бывает, когда на колесах вместе с грязью поднимается какой-нибудь посторонний предмет — прилепившийся камушек, железка... Но я взлетел с сухого бетона.

«Запомни!» — велел я себе. А сам набрал высоту и начал вытряхивать колеса перегрузкой: снижение и резко — вверх. Еще раз, еще... Машина кряхтела, а нога не сдавалась.

Я уж начал с тревогой поглядывать на бензиномер, как бы не остаться без горючего, но тут, не знаю на каком по счету выводе из пикирования, тряхнуло, и я, раньше чем увидел загоревшийся зеленый глазок, понял: нога вышла и встала на замок.

На земле самолет вывесили, произвели контрольное опробование гидросистемы: шасси убиралось и выпускалось беспрепятственно.

Тут я и заметил первый косой взгляд, брошенный в мою сторону. Долго не думая, спросил механика:

— Давай вариант действий летчика, при котором одна нога выходит, а другая остается в куполе.

Механик смутился:

— Да, я ничего... но видите: гоняем — убираются и выпускаются...

Меня отозвал в сторону ведущий инженер:

— Слушай, Николай Николаевич, месяц кончается... подпиши приемку... А мы все в лучшем виде отладим, и завтра машина будет как штык.

— Нет, — сказал я, — сначала найди дефект и устрани, потом я слетаю и тогда подпишу.

— Но план... и премия, — слабо возразил он.

— Нет, — сказал я, твердо убежденный: все правильно, только так я должен поступить. И сразу мысли ушли в сторону: а почему все-таки могла не выйти стойка при открытом замке?..

Из всех перебранных вариантов остановился на одном: неправильная установка встречного щитка колеса. В убранном положении щиток заедало да еще скоростной напор добавил в полете свое усилие, вот стойка и не вышла. А на земле без воздушного потока гидравлика справляется...

С этим я вернулся к машине и высказал механикам мое предположение.

— Проверьте, устраните, ребята, а я слетаю... моментом обернусь!

— Сегодня не успеть. Светлого времени не остается.

Обращение к совести и энтузиазму воздействия не имело. Рабочий день истек.

Вечер был как вечер. А радость куда-то ушла: все вроде правильно, да мне тошно.

Тогда я часто встречался с Шалевичем. Он, отлетав свое, перешел на новую, преподавательскую работу и много занимался проблемами психологии летного труда.

Позвонил Дмитрию Андреевичу, пожаловался на судьбу: вот-де все шло хорошо, никаких сомнений, а тут такая оказия... И не пойму, в чем, собственно, мой просчет.

— Формально, — сказал Шалевич, — ты стопроцентно прав. Но люди, что делать, не любят, когда им демонстрируют свое превосходство, даже самоочевидное. С наземной службой выгоднее разговаривать в примирительном ключе: давайте-де, братцы-механики, пособображаем вместе... А не могло ли так быть?.. И пусть бы так все выглядело, будто они тебя, а не ты их просвещаешь.

Скорее всего Шалевич и на этот раз был прав. В мудрости ему не откажешь. Но соглашаться не хотелось.

Я помнил: еще Александра Гавриловна — директор школы — отсылала меня к энциклопедии. Велела взять том на «К», прочитать про компромисс.

Кто-то гениально сострил однажды: стрельба — это тоже передача мыслей на расстоянии. Вот ведь куда может завести компромисс...

* * *

Мы были в полосе очередного перемирия. Правда, я ни на что уже не надеялся, но все-таки... если совсем-совсем честно, чего-то ждал, ну хотя бы ясности.

Но когда Наташка сказала наигранно бодрым голоском: «Колюшка, а Колюшка...», — я сразу, не обольщаясь, понял: сейчас чего-нибудь попросит...

— Ты меня хоть чуточку еще любишь?

Точно, попросит, решил я, но вслух пробубнил что-то совершенно бессмысленное: спрашивай у больного здоровья!

И она сказала своим нормальным голосом:

— Ты не съездишь со мной на дачу? Манатки кое-какие перекинуть? Личное поручение гневающегося родителя.

Конечно, я сразу решил: поеду. Может, это как раз тот случай, что внесет, наконец, ясность в наши отношения. Но вслух спросил:

— А манатки — это?

— Да-а, мелочь разная — рюкзак, две сумки.

Не вдруг досвистел нас старенький паровичок до платформы «42-й километр». Но по дороге ничего не случилось. Болтали о разной всячине, жевали кислые яблоки, старательно (для кого только?) делали вид: мы — закадычные друзья!..

От платформы надо было прошагать километра с три, до Сельца, частью лесом с густым орешниковым подлеском, частью открытым полем, сквозь овсы. Я навьючился рюкзаком, взял одну сумку, хотел прихватить и другую, но Наташка не дала:

— Ты же не ишак! Я, конечно, бессердечная эгоистка, как любит говорить мой родитель, но все-таки не до такой степени.

И мы пошли.

В лесу было дьявольски душно, и густая орешниковая тень мало спасала от жары: воздух сделался

Мне фантастически повезло: когда я уже собирался ложиться на обратный курс и нырять в облака, я увидел линкор.

каким-то неполноценным, вроде обескислороженным. Через какие-нибудь четыре сотни шагов я взмок и стал дышать ртом.

Наташка все время перекладывала сумку из руки в руку и то и дело заботливо спрашивала:

— Устал, Колюшка? Отдохнуть не хочешь? Ты еще жив, Колюшка?..

О господи, ну что за дурацкое слово — Колюшка?! Колюшка — Корюшка — Коклюшка... Надо ж придумать.

Я мужественно молчал или отвечал односложно:

— Ничего... Тяну пока...

В поле жарило тоже вовсю, но было хоть не так душно. До Сельца мы едва-едва доползли. Разгрузились.

Наташка провела каким-то странно скользящим движением руки от горла к поясу — и взвыла... Никогда я не слышал такого безнадежного плача. Она ревела, захлебываясь слезами, подвывая. А я решительно не мог понять, из-за чего.

Наконец, сквозь непонятные причитания и чуть притихшие всхлипывания до меня дошло одно слово — жук. В первый момент я подумал: может, Наташку укусила какая-то тварюга — клещ или кто там еще кусается? Я хотел помочь Наташке освободиться от кофточки, но она махнула рукой, дескать, не надо, и тут я разобрал еще одно слово: потерялся.

От платформы надо было прошагать километра три...

Короче говоря, у Наташки на кофточке была брошка — жук с блестящими, вроде позолоченными лапками. Иголка расстегнулась, и жук — тю-тю...

— И ты из-за такой мути ревешь, как ненормальная? — чистосердечно удивился я.

— Но если бы ты знал, если бы только ты знал, — отвратительным шепотом прошелестела Наташка, — что он для меня значит.

— Дура, — сказал я, — не реви, найду я этого идиотского жука, если он на самом деле был.

И я пошел по дороге от дома к платформе «42-й километр», стараясь шаг в шаг повторить наш путь.

Голова моя была низко опущена, глаза прилежно обшаривали пыль. А солнце пекло с непередаваемой яростью, словно решило наказать меня за нахальную самонадеянность. Иголку в стоге взялся найти! Трепло.

Я шагал медленно и думал: если найду, все будет хорошо; если не найду — дело табак! Какое дело? Почему табак? Никогда я не был суеверным, и всякие там черные кошки, сплевывания через левое плечо, тринадцатые числа вызывали во мне только легкие приливы брезгливости.

А тут втемяшилось: должен найти!

Поле кончилось. Я вступил в душную тень орешниковых зарослей. У меня уже ломило в глазах, и обожженная солнцем шея, казалось, вздувается резиновым пузырем.

Подумал: «А может, Наташка этого жука в вагоне еще потеряла?» И еще: «Если не найду, можно не возвращаться... С платформы — прямиком в город... Нет, так нельзя, выйдет: сбежал, струсил».

Это была полная чушь: кого струсил? Чего струсил? Наверное, от жары и усталости голова моя варила все хуже и хуже.

Пожалуй, я прошел уже половину леса, когда споткнулся о торчавший высоко над дорогой сосновый корень и шлепнулся. Чертыхаясь, хотел было тут же вскочить, но увидел: блестит.

Да-да-да, хотите верьте, хотите нет: блестел. Наташкин жук. Он валялся в пыли, на самой обочине дороги.

Я взял брошку в руки. Повертел в пальцах. Видно, кто-то успел наступить на жука: булавка погнулась, и передние лапки — тоже. Не вставая с земли, я достал из кармана нож и стал осторожно разгибать лапки. И увидел: на пузике гравировка, два слова: «Наташе — Саша». Вот так: простенько, но со вкусом!

Закинуть этого жука подальше в орешник? Кто узнает: нашел — не нашел?

Какой такой Саша?

С годами я излечился от приступов ревности. Но тогда меня колотило на этой коварной и подлой волне так, что и сегодня вспоминать неприятно.

Я поднялся, кое-как отряхнул пыль с брюк и пошел в Сельцо.

Наташка получила своего жука.

А я еще раз прошагал всю дистанцию, теперь уже в обратном направлении, благополучно дождался паровичка и отбыл домой.

Мог ли я вообразить, что спустя многие годы в обстоятельствах куда более драматических мне придется вспомнить про «иголку в стоге» и в глазах моих вновь мелькнет золотой отблеск минувшего детства.

Меня, только что разжалованного, вызвал командир полка.

Для чего, я понять не мог. Шел, сопровождаемый адъютантом эскадрильи. С тупым равнодушием шел: спешить было некуда.

Носов взглянул на меня как-то вопросительно, без неприязни или осуждения и спросил:

— Хочешь рискнуть, Абаза? Слетать надо... и я вроде за тебя согласился, хотя такого права...

Стоило услышать слетать — как голова заработала с поспешностью необычной... Сказано — слетать?! Или я ослышался?

— Командующий флотом берет тебя напрокат и поставит задачу лично,— вновь услышал я Носова,— ты можешь и отказаться... Дело исключительно добровольное...

Командующий имел вид либо больного, либо смертельно замученного человека. Адмирал подвел меня к карте, указал в едва различимую точку, лежавшую на севере, и сказал, хрипло растягивая слова:

— По нашим не вполне достоверным данным, они прячут здесь свой подраненный линкор. Надо уточнить, так это или нет... Бухта перекрыта зенитками... Посылал на разведку «Петляковых»... не пробились... ни первый экипаж, ни второй...

Адмирал замолчал.

Я смотрел на карту и понимал: так сказать, нормальным порядком в бухту не проскочить. Гробовитое дело...

— Задача приобретает стратегическое значение,— возвысил голос адмирал,— если мы скидываем со счетов этот линкор, у нас высвобождаются бо-о-большие подлодочные силы, что позволяет...

Но это ко мне отношения уже не имело, и я не стал слушать, а думал: согласиться на разведку — проще всего, накрыться — тоже недолго. А вот как слетать — узнать, что надо, и вернуться?

— Разрешите вопрос,— спросил я, когда адмирал закончил, и, получив разрешение, сказал: — Можно получить фактическую погоду в районе цели, прогноз на ближайшие сутки, ветер по высотам и подробную карту?

— Вы получите все, чего пожелаете,— сказал адмирал,— все и даже больше, только ответьте до двенадцати ноль-ноль завтрашних суток: там он или нет?

Я решил лететь за облаками. И снижение начать по расчету времени, чтобы оказаться над поверхностью моря километрах в тридцати от цели. Здесь надо будет снизиться и идти к бухте на высоте, зениткам практически неподвластной.

Синоптики обещали нижнюю кромку облаков метрах на двухстах пятидесяти. Это обнадеживало. Ветер гарантировали устойчивый, на высоте — умеренный, у земли — слабый.

Когда я уже сидел в кабине, провожавший меня Носов поднялся на крыло, протянул неожиданно руку и сказал:

— Ну, будь паном, мужик! И пошли меня к черту.

Я набрал две с половиной тысячи и вышел за облака. Секундомер, пущенный на взлете, отсчитывал время до точки снижения. Делать было нечего. Только ждать. И сохранять режим полета. Когда расчетное время кончилось, дважды проверил себя и, тщательно сохраняя скорость, начал снижение.

Тихо ползла стрелочка высотомера, вариометр показывал: спуск десять метров в секунду.

Оставалось двести метров. Воды не было видно. Я уменьшил вертикальную скорость до пяти метров в секунду. Подумал: превышение аэродрома вылета над уровнем Мирового океана — восемьдесят пять метров. Значит, пятьдесят метров плюс восемьдесят пять — сто тридцать пять... Или я сейчас увижу море, или через минуту двенадцать секунд я в последний раз искупаюсь.

Наконец вода открылась — тяжелая, зеленоватая, разузоренная легкой пеной. Стрелка высотомера показывала чуть меньше нуля высоты. Но это уже меня не занимало. Если расчет был верным, через пять — пять с половиной минут должен открыться берег.

Я снизился еще немного, предварительно проверив по компасу курс, и представил, как все должно идти дальше: из воды поднимается черно-серая рваная гряда камня... Изначальная твердь, прорезанная глубокими расщелинами, подточенная промоинами, она надвинется на меня и закроет полнеба. Я довернусь чуть влево и буду ждать мыса.

Мыс, скошенный, довольно длинный, должен оказаться слева. А сразу за мысом — горло... Если в этот момент меня не собьют, я проскочу в бухту и там под дальним береговым обрывом увижу линкор — серую стальную коробку...

Тут я усмехнулся: иголка в стоге сена! На самом деле, что там каких-нибудь тридцать тысяч тонн водоизмещения... в сравнении с миллионами, а скорее миллиардами тонн неистребимого камня.

Найду! Один раз у меня с иголкой уже получилось! И опять найду!

На высоте, не превышавшей тридцати метров, я проскочил в бухту. Берег грохнул во все две или три сотни стволов с крохотным, но для меня вполне достаточным запозданием, когда я уже очутился в бухте.

Полосуя все окрест дымными хвостатыми следами, разрывы цепляли за облака и пропадали из глаз. Вспомнил Носова: «Если разрыв видишь, это не твой снаряд».

Бухта тускло блестела под ногами, огромная акватория была совершенно пуста.

Зенитки зенитками, но меня аж в пот ударило: куда ж этот чертов линкор девался?

Я не знал и не мог догадаться, что больше устраивает адмирала: линкор в бухте или линкор не в бухте... Мог предположить, лучший из вариантов — линкор на дне, но такое не под силу одиночному истребителю, даже если он готов пожертвовать собственной жизнью.

Горючего оставалось только до дому. Я обязан был вопреки зениткам и чему угодно еще вернуться: от моих сведений зависело, как дал понять командующий, больше чем многое.

Едва не цепляя винтом за воду, вылезал я из бухты. И благополучно выскочил, но... этого мало!

Мне фантастически повезло: когда я уже собирался ложиться на обратный курс и нырять в облака, я увидел его.

Оставляя закрученный бурун за кормой, угрюмый, здоровенный утюг вспахивал море.

Я глянул на компас, сообразил, как далеко отошел от базы, хватанул ручку на себя и, вознесясь на высоту верхней кромки первого яруса облаков, заорал открытым текстом:

— «Гранит», утюг чешет по квадрату двадцать два шестьдесят четыре, курсом двести пятнадцать. Повторяю...

— «Чайка-11», ты? — неодобряющим голосом откликнулась земля и замолчала. Потом я услышал, как снова включился передатчик, и узнал Носова.

— «Одиннадцатый», спасибо за натугу... Ветерок усиливается, учти... Поглядывай за горючим...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

**Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат
Государственной премии СССР
и премии
Ленинского комсомола**

СРОЧНАЯ ПИОНЕРСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Рисунок С. Трофимова к повести З. Воскресенской «Пароль — Надежда».

Итак, журналу «Пионер» 60 лет! Я выписываю и читаю этот журнал с первого номера, когда стала пионервожатой. И не думала и не мечтала я тогда, шестнадцатилетняя комсомолка, что наступит время, когда я буду постоянным сотрудником этого уникального журнала. Двадцать лет назад я пришла в его редакцию со своей очередной повестью «Встреча», и с тех пор почти все мои повести и рассказы начинали свою жизнь в этом журнале.

Большое счастье для писателя — публиковаться в журнале. Когда рукопись принята редколлегией, то произведение появляется в свет через два-три месяца и сразу обретает миллионную читательскую аудиторию, выносится на ее суд. А книга рождается медленно. Проходит два — четыре года, прежде чем она ляжет на прилавки книжного магазина и не миллионным тиражом, а самое большое — стотысячным. Пишешь повесть для пионеров, а они за это время становятся комсомольцами, и ее читает уже другое поколение. Недаром Владимир Даль назвал журналистику «срочной словесностью».

Я испытала на себе эту «срочную словесность». Приведу пример с повестью «Надежда» (в «Пионере» она печаталась под названием «Пароль — Надежда»). Я долго собирала для книги материалы и, когда написала первые главы, отдала в «Пионер». Там ознакомились с ними и сказали: «Будем печатать, готовьте следующие главы». Рукопись для издательства я могу сдать и позже установленного договором срока, а вот журнал никаких отсрочек не терпит. Подписчики должны получить его вовремя.

И вот я сижу в Ленинграде в архиве и разыскиваю недостающее мне для следующих глав судебное дело отца Надежды Константиновны — Константина Игнатьевича Крупского, а из редакции «Пионера» летят телеграммы: «Срочно высылайте продолжение «Надежды». Наконец-то в моих руках протокол Правительствующего сената. Но нужно осмыслить события, представить себе поединок Константина Игнатьевича с «первоприсутствующим сената», войти в мир семьи Крупских, понять их волнение за исход этого финального судебного разбирательства, а тяжба длится уже семь лет.

Бессонная ночь... Утром иду с Литейного к Сенату дорогой, которой шел Константин Игнатьевич, вхожу в здание Сената. Оживают картины прошлого. День и ночь трещит пишущая машинка, переписываю главу второй и третий раз, авиапочтой отправляю рукопись в редакцию, а в конце ее стоит «продолжение следует». Через месяц надо сдавать следующие главы, а всегда чего-то «чуть-чуть» не хватает. А из журнала телеграмма: «Ждем... срочно...» Даю себе клятвенное обещание не показывать неоконченных рукописей и вторую и третью части повести «Надежда» сдаю в «Пионер», когда рукопись готова, переписана раз пять, выверена.

Работала я над этой повестью семь лет.

В 1977 году в нашей стране проходило всенародное обсуждение проекта новой Конституции, и еще в ходе этого обсуждения получаю из «Пионера» почетный заказ: «Как только Конституция будет утверждена на сессии Верховного Совета СССР, ждем от Вас «Слово о Великом Законе». Начинаю писать загодя, мучаюсь и проникаюсь глубочайшим уважением к журналистам, к этим мастерам «срочной словесности», умеющим быстро отозваться на любое важное событие в нашей стране и в мире.

Срочная пионерская словесность — сиречь журнал «Пионер» — энциклопедична и отражает мир детства сегодня. И так любопытно перелистать старые комплекты журнала, понять, что волновало и занимало нас, затем наших детей, внуков, а теперь и моих правнуков.

«Пионер» всегда молод, и шагает в ногу с детством, и ставит ему вехи на пути в Будущее.

Скажем «Спа-си-бо!» журналу «Пионер» и пожелаем ему дальнейших больших творческих успехов.

Выступление первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина на вручении Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина первого ордена Ленина 18 мая 1962 года в Кремлевском Дворце съездов.

Дорогие ребята, позвольте поздравить вас с вашим славным юбилеем, с 40-летием пионерской организации, позвольте поздравить с высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Позвольте передать вам поздравление и самые лучшие пожелания в вашей учебе, в вашей жизни, в вашем труде от имени наших советских космонавтов.

Человечеством открыта новая эра, эра полета в космос. Но эта эра только началась и, очевидно, некоторые из присутствующих здесь, в зале, а может быть, даже многие, обязательно побывают в космическом пространстве, слетают к другим мирам, откроют новые планеты. Но для этого, дорогие друзья, нужно хорошо учиться, учиться упорно, терпеливо. Нужно учиться, хорошо трудиться, чтобы быть достойными строителями коммунизма, чтобы быть достойными людьми тех великих свершений, к которым ведет нас наша любимая партия.

Публикуется впервые.

Фотография В. ГУСЕВА.

Юрий КАМЕНЕЦКИЙ

ЗВЕЗДА

Рисунок В. ДУДКИНА.

Всю свою сознательную жизнь Валька Морозов играл в войну. Впрочем, его одноклассники Колька, Степка и Андрюша тоже уважали порубать врага саблей или пострелять, например, из «брызгалки» водой. Именно этим они и занимались в теплый летний вечер во дворе.

«Красные», Валька и Степка, незаметно подкрались к «белым», Кольке и Андрюше, и было собирались окатить врага водой: один—из давно использованного баллона от шампуня, а другой—из клизмы-груши, но...

Заметив их, Андрюша лихо повернулся и с вытянутых рук, слегка присев по-ковбойски, выстрелил из водяного пистолета.

Степка схватился за сердце и, тяжело осев на землю, прошептал:

— Передайте милой, чтоб не ждала.—И, уже закрыв глаза и выпустив из рук клизму, добавил:—Так умирают герои!

Валька утер мокрое лицо и, мрачно глядя на счастливых «белых», бросил:

— Красные проиграть не могут!

— Точно,—растерянно проговорил погрустневший Колька.

— Значит, мы выиграли.—Степка вскочил и торжественно добавил:—Герои не умирают!

— Точно,—промямлил Колька.

— А вот и не значит,—заявил Андрюша.—Просто, раз мы победили, значит, мы красные!

— Точно!!!—завопил радостно Колька.

Неожиданно хлынул дождь. Небесная водная артиллерия явно превосходила силы и «красных» и «белых», которым осталось лишь укрыться в подъезде.

— Мой дедушка, он фашистов гнал от Москвы до Праги. На танке. Как из пушки ба-а-х-хх, и все, и никаких,—хвастался Степка.—Так стреляют герои!

— Точно! И мой!—поддакивал Колька.

— Это что! Вот мой дед на самолете тра-та-та-та.—Валька изогнулся, расправив руки, как крылья, и сделал на ступеньках крутой вираж. Стянул сандалеты и сбросил их по одному на лестничный пролет.—Траа-а-ах, бах! Берлин бомбил.

— Точно! И мой!—как всегда, согласился Колька.

— А твой чего?—спросил у Андрюши Степка.

Андрюша втянул голову в плечи и грустно объяснил:

— Мой дедушка еще до войны умер.

— А батя?—допытывался Валька.

— Папа маленький был, как мы,—еще тише ответил Андрюша.

— Да, не повезло человеку,—покровительственно заметил Степка.

— Точно!—сочувственно заключил Колька.

Андрюша и Валька шли по улице. Дождь уже не шел, но умытый асфальт все еще светился.

— Валя?—стесняясь, заговорил Андрюша.

— Че...

— А у твоего дедушки жена есть?

— Не-а...

— И у моей бабушки мужа нет...

— Ну?..

— А давай их поженим?! А?

— Чего еще?

— Очень надо...—прошептал Андрюша,—я тоже хочу дедушку-героя.

Валька окинул взглядом приятеля.

— Дай-ка сюда.—Взял водяной пистолет, покрутил в руках.—Да, классная штуковина.

— А я тебе его подарю,—предложил Андрюша.

— Идет,—быстро согласился Валька,—когда знакомить будем?

— Завтра! После уроков! У школы в тринадцать ноль-ноль.

Дед смотрел телевизор и возмущался:

— Это откуда ж у Штирлица наш пистолет? Соображаешь, Валек?

— Соображаю,—ответил Валька.—Ну, подойдешь к часу-то?

— Сказал же, да.

— Только при параде!

Андрюша подул на блюдечко и, так и не отпив чай, посмотрел на бабушку.

— Бабулечка, только не опаздывай!

— Что-то случилось?—неспокойно произнесла старушка.

— Нет, нормально все! Только надень самое дорогое! Я тебя очень прошу. Самое-самое!

Валька и Андрюша, мотая портфелями, переминались у школьных дверей. Вдруг Валька встрепенулся.

К ним подходил дедушка. Он был в черном костюме, и на груди у него четко были видны три медали...

Андрюша повернулся.

...Перед ним стояла бабушка. Его бабушка! В старой, военного времени гимнастерке, на которой в три ряда были приколоты ордена, медали. И звезда. Она висела над ними.

Большая.

Золотая.

Геройская.

— А это все откуда? Ты разве тоже...—ошарашенно прошептал Андрюша.

— Ну ты же сам просил надеть самое дорогое,—почему-то виновато ответила бабушка.

Инна ГАМАЗКОВА

По веснушки

Еще земля покрыта снежной коркой,
Но в лужах мокнут первые ботинки.
На солнце выгибаются пригорки
И расправляют первые травинки.

На речке лед стреляет, как из пушки,
В скворечниках веселая возня...
Гляжу на солнце,
Солнце—на меня:
Я собираю первые веснушки.

Владимир КРЕМНЕВ

Весенняя страда

Мороз, как будто старец древний,
Вконец умаявшись, ослаб.
Задорней, радостней, напевней
Капель веселая—кап-кап!

Худеют, тая, бабы снежные.
Пришел, должно быть, их черед.
Звенят ручьи—посланцы вешние
И пробуждают ледоход.

Высь неба—океан глубокий.
В нем синь—сорочки хоть сини.
Апрель нагрянул светлоокий,
Хрустальные рассыпав дни.

Прорежутся поспешно травы
И хлынут на луга стада.
И, как царица, величаво
Идет весенняя страда.

**Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола,
командир пионерского
пресс-центра
и парусной флотилии
«Каравелла»**

ТОТ, КТО ВПЕРЕДИ

Мартовским днем шестьдесят четвертого года я пришел в редакцию «Пионера». Мне приходилось бывать здесь и раньше, но этот день запомнился особенно. Он был праздничным и для журнала, и для меня. «Пионеру» исполнилось сорок лет, а я впервые стал его автором.

Литературным отделом тогда заведовал молодой Олег Тихомиров. Сейчас он писатель, автор многих интересных книжек для ребят. Олег вручил мне мартовский, юбилейный номер, в котором я увидел свой напечатанный рассказ.

Отчетливо помню то радостное, праздничное и немного недоверчивое ощущение: неужели это мой рассказ напечатан в журнале, которым я зачитывался с детства? Неужели это моих героев рисовал художник Ф. Лемкуль, чьи иллюстрации я помню по многим детским книгам? Неужели это меня будут читать миллионы ребят по всей стране?..

Олег посмотрел на меня и следом за журналом подарил значок — серебристый квадратик с красными буквами:

ПИО
НЕР

Он сказал:

— Это выпустили к сорокалетию. Носи...

Я смущенно забормотал, что, конечно, большущее спасибо, но я, наверное, еще не заслужил, я ведь только первый раз...

— В залог будущего сотрудничества,— улыбнулся Олег.

Ну, если ради будущего... Через полчаса я осмелел настолько, что спросил у Олега: не найдется ли еще два-три значка — тоже ради будущего. Для ребят из пионерского спецотряда, который мы организовали в Свердловске и который тогда только-только набирал силу. Олег дал...

Даже не верится, что двадцать лет прошло... Но они прошли, эти годы, и я с радостью вспоминаю, что оправдал свою первую редакционную награду: не было ни одного года, когда я не принес бы в редакцию рукопись. Жизнь «Пионера» стала частью моей жизни. И частью жизни ребят юнкоровского и морского отряда «Каравелла», который в течение всех этих лет тоже был постоянным корреспондентом журнала.

Годы шли. Ребята-юнкоры становились журналистами, офицерами, моряками, рабочими, врачами, геологами... Но отряд оставался молодым, так же, как всегда молодым остается наш «Пионер». И только когда ветераны отряда появлялись среди нынешних мальчишек и девчонок (а иногда и приводили своих сыновей и дочерей), я спохватывался: сколько же лет прошло! А потом утешал себя: но и сделали, кажется, немало, хорошие были годы.

...Бывают интересные совпадения. Когда звонили из редакции, чтобы я написал в юбилейный номер эти заметки, в кают-компанию «Каравеллы» влетел вахтенный и сообщил: в отряде появился какой-то дядька по фамилии Бабушкин, ведет себя по-хозяйски и спрашивает главного начальника.

«Дядькой» оказался Саша Бабушкин, капитан «Каравеллы» шестидесятых годов, один из основателей отряда, юнкор «Пионера», не раз готовивший материалы для журнала. Теперь это человек военный, командир. Приехав в отпуск, он много рассказывал о своей жизни, о товарищах, о том, как на недавних учениях десантировались на берег с кораблей («Почти как с наших яхт на остров на Нижне-Исетском пруду в той военной игре! Помнишь?»). Мы посмеялись. Понимали, что это не совсем «почти». Но все-таки наши парусники, построенные ребячьими руками, дали закалку не одному пионерскому поколению. И всегда рядом с нами был наш журнал.

...Меняются в отряде поколения юнкоров и юных моряков, меняются и поколения наших «кораблей». Но всегда среди яхт флотилии «Каравелла» есть кораблик с названием «Пионер». И не так давно, начиная строительство новой эскадры, ребята первым на стапеле заложили парусник именно с таким названием. В честь нашего журнала..

Иногда нас спрашивают:

— Почему такое имя? У остальных яхт имена понятные: «Румб», «Экватор», «Меридиан», «Пеленг» и так далее. Штурманские названия, потому что яхты типа «штурман». А «Пионер»-то при чем?

Но такие вопросы задают те, кто не понимает. А на самом деле «Пионер» — самое штурманское название. «Пионер» — тот, кто впереди...

Рисунок Е. Медведева к рассказу В. Крапивина «Штурман Коноплев».

В доме писателя Сергея Михайловича Голицына стоит удивительный стол, похожий на площадь. Всякую всячину можно увидеть на этом столе: фотографии, книги, папки с рукописями, рисунки, документы, письма.

Откуда что взялось на этом столе? А взялось из разных мест, от разных людей пришло: пионеров, учителей, сотрудников журналов и газет, ветеранов войны, художников. Интересно!

В этом месяце на чудесном столе появятся и десятки поздравлений, телеграмм: Сергею Михайловичу исполняется семьдесят пять лет.

...Соберутся за площадью-столом самые близкие писателю люди, будут беседовать. И, конечно же, не забудут вспомнить о книгах Сергея Михайловича: «Сорок изыскателей», «Слово о мудром мастере», «Тайна старого Радула», «Страстный крокозавр и его дети», «За березовыми книгами», «Солнечная палитра».

За окном будут качаться ветки деревьев в нежных мартовских сосульках. В дверь позвонит почтальон и скажет: «Вам еще одно поздравление. Из журнала «Пионер». И вместе с телеграммой вручит мартовский номер журнала. А в нем — новое произведение Сергея Михайловича.

Прочитайте его, ребята. Для писателя это самый большой подарок. Поверьте.

Сергей ГОЛИЦЫН

Сказание о Евпатии Коловрате

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Давно то было. Осенью 1237 года внезапно подошли с юга к самым границам земли Рязанской несметные полчища разноплеменных войск и встали на берегу реки Воронеж. Откуда они явились — никто на Руси не знал, а привел их покоритель многих царств хан Батый.

Услышал Рязанский князь Юрий Игоревич о незваных гостях и направил в их стан посольство с богатыми подарками. Многие дорогие собольи и бобровые меха, драгоценные серебряные сосуды повезли послы, два табуна резвых коней-скакунов повели. Думал Юрий Игоревич откупиться подарками, надеялся: останется хан Батый доволен, не пойдет воевать землю Русскую. А во главе посольства он поставил молодого сына своего — Федора.

Прибыли послы в стан Батыев, посмотрели направо, посмотрели налево и увидели, что вдоль реки Воронеж на многие версты войлочные шатры раскинулись: тысячи костров дымились, бараньи туши на вертелах жарились. Смутились послы. Сколько же тут рати стоит — не сосчитать!

Подвели их к малиновому шелковому шатру повелителя всего этого воинства. Встали они в ряд, опустив головы, впереди встал княжич Федор, скрестив руки на груди.

Вышел хан Батый из шатра, залюбовался статными конями в дорогой сбруе. А кони хвостами тревожно обмахивались, позванивали бубенцами на уздечках.

Княжич Федор ступил шаг вперед, поклонился хану. Выпрямился и опять встал, скрестив руки. Смело взглянул он в раскосые, черные, как два уголька, глаза хана.

А тот приказал подарки принять. Но счел он дерзким взгляд княжича, и поклон его показался ему небрежным. Нахмурил он свои вытянутые в ниточку, черные, сросшиеся брови и через толмача-переводчика велел передать:

— Мало мне ваших даров.

Потемнел лицом княжич Федор и ответил:

— Если нас одолеете — все будет ваше. А встретим вас, как незваных гостей встречают.

Хан Батый махнул рукой своим стражам. Наскочили они на княжича и на его свиту и тотчас зарубили их всех саблями.

Двинулись несчитанные полчища воевать княжество Рязанское, покорять землю Русскую. Ехали они на своих лохматых конях медленно. Одна рать держала путь правее, другая — левее, а сам хан Батый вел лучшие полки по средней дороге.

Послал князь Юрий Игоревич гонцов в стольный город Владимир, что на реке Клязьме. Правил той соседней землей, многими городами и селами великий князь Владимирский и Суздальский Юрий Всеволодович. Передал ему через гонцов тезка:

— Поспешай, князь, собирай полки на подмогу. Идет на Русь сила небывалая. Сына моего любимого убили.

В стародавней неприязни с Рязанью были князья

владимирские. Надумал князь Юрий Всеволодович недобрую думу: «Не сыщут Батыевы воины дороги на город Владимир. Преградит им путь река Ока широкая. Леса и болота меж Владимиром и Рязанью раскинулись. К нам никакая рать не доберется. А коли будут соседи побиты и пожжены, видно, такова им судьба».

Так и не дождался помощи от владимирцев князь Юрий Игоревич. Собрал он все рязанское воинство, пошел навстречу полчищам хана Батыя...

Зима наступила. Морозы землю сковали. Двигались завоеватели по земле Рязанской легко. Все деревни, какие им на пути попадались, сжигали. Кто не успел убежать — тех убивали без пощады. И алые зарева все ночи полыхали на темном небе...

Встретились обе рати. Отважно сражались рязанцы, князь Юрий Игоревич в первых рядах бился. На одного рязанского воина десять вражеских приходилось. Пал смертью храбрых князь Юрий Игоревич, пали все его воины.

Дальше на север двинулись полки хана Батыя.

Первым городом на их пути была Рязань. Кремль там на крутом берегу Оки меж двух оврагов высился дубовый, с деревянными островерхими могучими башнями, глубокий ров шел от оврага до оврага. А внутри Кремля красовались боярские терема узорчатые да храмы, что сверкали главами на морозном солнце, будто серебряные.

Оставалось в Рязани совсем мало войска — все больше старики. Заперлись накрепко в Кремле городские жители, отважились сражаться и старые, и жены, даже дети. Поднялись старые воины на стены и в башнях засели, кто меч точил, кто стрелы в колчане пересчитывал. Ждали врагов, решили не отдавать родного города, биться до последнего.

Подошли полчища хана Батыя, окружили Кремль, подожгли избы посада. Подтянули к стенам камнеметы — хитроумные станки из деревянных брусьев с перетянутыми от одной стороны на другую верблюжьими жилами.

Пять дней враги к приступу готовились. На шестой день принялись камни паклей обертывать, поджигать паклю и закидывать за стены Кремля. Заполыхало то тут, то там. Осажденные бросились тушить пожары.

Хан Батый махнул шелковым платком, и его воины тотчас же понесли к стенам Кремля лестницы и полезли на приступ. А сверху защитники города осыпали их стрелами, лили на них кипяток и горящую смолу. Но ворвались в город враги.

Было это двадцать первого декабря...

Короток зимний день. С утра до вечера кипела битва на узких кремлевских улицах. Рязанцы бились за каждую церковь, за каждый терем, избу, землянку, бились, пока рука меч или топор держала, пока глаза видели. К вечеру не осталось среди пожарищ ни стонущего, ни плачущего, все вместе мертвыми лежали. Погиб славный город Рязань, весь погорел дотла, до последней землянки. Двинулась Батыева рать дальше на север.

По всей Руси полетела молва о гибели Рязани. Добралась злая весть и до города Чернигова. А в ту пору некий рязанец по имени Евпатий Коловрат собирал там подати своему князю. Был он могуч в плечах, кудри и борода светлые, очи ясные. Славился он отвагой, а сердцем был легок.

Созвал Евпатий Коловрат семерых своих дружинников и рассказал им о страшной беде. Тотчас же взнуздали они коней и помчались к родному городу. Скакали днями, часть ночей захватывали, пересаживались с коня на коня. Скакали сквозь леса и болота, не знали устали, а коли встречали на пути каких молодцев, звали их с собой.

Прискакали в Рязань уже семьдесят воинов.

Увидели они перед собой город мертвый, снегом засыпанный. Всюду, и на кремлевских развалинах, и на посадах, грудились обгорелые бревна, торчали печные трубы, как столбы закоптелые.

Спешился Евпатий Коловрат и в страшном волнении пошел искать свою избу.

Вспомнил он, как, бывало, сиживал на лавочке под слюдяными окошками, а рядом с ним сидели, грелись на солнышке отец, мать и любимая молодая жена. Держала она на руках запеленатого младенца-сына и убаюкивала его тихими песнями...

Так все перемешалось в пламени пожара, так все было засыпано снегом, что Евпатий не только своей избы, даже своей улицы не смог найти.

Распалился он сердцем, встал у обгорелого дерева, стер пот со лба. А глаза его оставались сухими. Так велико было его горе, что он и плакать не мог, только рука его крепче сжимала меч.

Вернулся он к своим воинам, какие ожидали его на берегу реки Оки, и сказал им такие слова:

— Други мои милые, воины верные, храбрые. Нет нашего родного города, нет наших отцов, матерей, братьев, сестер, жен и детей. Мало нас набралось, всего семьдесят. Но мы отважны и хитры. Помчимся следом за ненавистным ханом Батыем и за его полчищами, нагоним, будем темными ночами пробираться к их станам, нападать на отсталых и сонных. Отомстим за землю Русскую, за сынов, безвременно погибших, или все до одного ляжем костьми.

И поскакали мстители по льду замерзшей реки Оки, от одной погорелой деревни к другой. По дороге к ним присоединялись те молодцы, кому удалось скрыться от врагов.

Прискакали они к городу Коломна. Их, удальцов, набралось уже сто семьдесят.

Была Коломна городом славным, стояла на высоком берегу Москвы-реки. Издали виднелись островерхие башни Кремля, храмы, терема, избы. А теперь перед Евпатием Коловратом предстали одни пожарища.

Притомились Евпатиевы кони резвые и его верные воины. Решили они день отдохнуть. Пошли искать хоть какую еду и наткнулись на седого деда.

Был дед от ран, холода и голода едва живой. Рассказал он, какая яростная битва в Коломне кипела. Великий князь Владимирский послал рать защищать Коломну, да невелико войско послал, на одного русского десять врагов пришлось. Храбро сражались русские воины и все до одного полегли. И все коломенцы полегли, один он жив остался.

На другое утро поскакали Евпатиевы воины дальше на север, куда указал старый дед,— к городу Москве.

К вечеру следующего дня завидели они — дымились вдали развалины.

В ту пору совсем малым городом была Москва. Стояла она на высоком берегу Москвы-реки при впадении в нее речки Неглинной. А считали Москву краше многих других городов русских. Кто туда попадал, всегда любовался ее деревянным Кремлем, ее посадами на семи холмах.

И была разрушена Москва, пали ее храбрые защитники.

Раз дымились еще развалины и тлели кое-где уголья — значит, Батыевы полчища недалеко ушли.

Двинулись несчитанные полчища покорять землю Русскую.

М.П.

Выстроил Евпатий Коловрат своих ратников, стал считать — и насчитал их уже семьсот. Вот сколько люду присоединилось по пути!

Обратился Евпатий к своим воинам:

— Братья мои милые! Скоро догоним незваных пришельцев. Мало нас, но будем сражаться до последнего. Вперед!

А Батыева рать от Москвы повернула прямо на восток, на город Владимир.

Был Владимир старшим над городами Суздалем, Ростовом, Тверью, Переславлем, Юрьевом, Дмитровом, над поверженной Москвой.

Двигались враги медленно, устраивались ночевать прямо на снегу, у костров. На седьмой день утром воины одного из полков встали и удивились, недосчитавшись нескольких своих ратников. И решили, что те, наверное, к передовым отрядам присоединились.

Не догадывались они, что позади их войска, крадучись, пробирались удальцы Евпатия Коловрата.

И на восьмой, и на девятый день в разных полках пропадали воины. Но тревоги никто не поднимал. Ни у кого из военачальников и в мыслях не было, что кто-то идет по их пятам...

Как узнал великий князь Юрий Всеволодович что Батыевы полчища приближаются, так оставил в городе Владимире войско, а сам поехал набирать новые полки.

Мыслил он: подойдут враги к стенам Владимирским, что на семь верст раскинулись, и встанут. Надеялся он — крепки и неприступны дубовые стены, двое ворот белокаменных, пять ворот деревянных. Выдержит город любую осаду. А там он с новым войском подойдет и ударит по врагу с тыла. Тут и осажденные откроют ворота. И владимирцы победят.

Не знал великий князь Юрий Всеволодович, какие несметные полчища привел хан Батый на землю Русскую и какие хитроумные стенобитные орудия и камнеметы они с собой привезли.

Подошла Батыева рать к городу Владимиру; подожгли враги посады, обложили кремлевские стены со всех сторон. Увидели они издали храмы белокаменные, терема высокие, узорчатые, яркими красками разукрашенные. И догадались они, что город Владимир куда богаче, чем Рязань, и несметных сокровищ там столько бережется — коней не хватит навьючить. Стали они к приступу готовиться, разбирать избы посада, таскать бревна, заваливать ими рвы перед кремлевскими стенами, а свои хитроумные камнеметы подтащили и расставили вокруг, по разным местам.

Хан Батый послал один полк к недальнему городу Суздалю. А в Суздале никакой русской рати не было. Взяли Батыевы воины город беззащитный без всякого боя.

Ночь наступила. Спокойно легли воины прямо на снег. Горящие избы и костры их согревали. А часовых выставлять не стали. И не знали, что тихо-тихо подошла к их стану рать Евпатия Коловрата.

А было в его полку уже тысяча семьсот удальцов.

Послал Евпатий двух дружинников на разведку. Вернулись они и рассказали, что спят враги крепко. Подкрались мстители к спящим. Иные просыпались, вскакивали, но от страху даже сабли не успевали вынимать из ножен и в ужасе кричали:

— Убитые русы оживают, нападают на нас! Спасайся, беги!

Смутился хан Батый, когда прибежали в его стан немногие уцелевшие. Собрал он своих военачальников и сказал им такие слова:

— Откуда же явились русы? Мы думали, всех их сокрушили в Рязани, Коломне и Москве. Придется нам, видно, повременить брать приступом город Владимир, пока не уничтожим врагов наших.

Вышел вперед могучий воин Хостоврул, брат жены хана Батыя. Был он велик ростом и свиреп лицом. Его раскосые глаза огнем сверкали. Сказал он:

— Великий хан! Многие царства твои воины покорили, неужели на этот раз мы испугаемся русов? Пошли меня с моим верным полком, я их главаря в плен возьму, к тебе живым приведу.

И поскакали Хостовруловы воины к городу Суздалю. Издали заметил их Евпатий Коловрат. Выстроил он своих удальцов и сказал им:

— Братья мои любимые! Сами видели, что не так непобедимы полчища Батыевы, как кажется. Целый полк мы почти посекли и ни одного своего ратника не потеряли. А с этим полком придется нам сражаться в открытую. Пусть их много больше, но мы храбры, мы мстим за родную землю.

Выстроил он своих воинов дожидаться приближения врагов.

Встретились обе конные рати посреди поля. Была сеча зла и ужасна. Воины Хостоврула рубились короткими кривыми саблями, стрелы издали метали. Русские воины рубились мечами и кололи копьями. Бились столь неистово, что тупились мечи и ломались копья. Тогда хватали они сабли убитых врагов и снова кидались в бой.

В самой гуще битвы сражался светлоокий витязь, храбрейший из храбрых, Евпатий Коловрат. Смело налетал он на врагов, шестерых копьем пронзил, да сломалось копье, выхватил меч из-за пояса... И тут увидел он, с какой яростью размахивал Хостоврул своей саблей острой — серебром и драгоценными каменьями сверкала ее рукоять.

Направил Евпатий Коловрат своего коня прямиком на Хостоврула. Тот едва успел саблей взмахнуть, а уж Евпатий на всем скаку одним ударом меча перерубил врага от плеча до пояса.

Воины Хостоврула увидели, что их военачальник пал, в страхе повернули они коней и помчались вспять.

Как узнал хан Батый, что убит его храбрейший и любимый военачальник и много его войска полегло, сдвинул свои тонкие брови, сверкнул глазами:

— Горе мне! Лучший мой батыр погиб! — Взглянул он на уцелевших Хостовруловых ратников:— А вы трусливые зайцы! Вы недостойны оставаться в моем воинстве! Утопить всех в проруби на Клязьме-реке!

Тут выступил вперед один военачальник, поклонился и сказал:

— Великий хан! Может, и правда убитые русы оживают и вновь кидаются в бой. Ни саблями, ни стрелами в открытом бою, видно, их не победить. А направь на них три полка с камнеметами, чтоб издали закидать русов камнями.

Хан Батый в раздумье покрутил свои усы и

В самой гуще битвы сражался светлоокий витязь, храбрейшии из храбрых, Евпатий Коловрат.

М.П.
1983

согласился со столь мудрым советом. И двинулись три полка тремя дорогами с камнеметами, с обозом саней, наполненных булыжниками.

Увидел Евпатий Коловрат, что к ним столько войска приближается, окружить хотят... и обратился он к рати своей:

— Братья мои милые! Вперед, за землю Русскую!

А враги спешились, поставили свои камнеметы, натянули верблюжьи жилы, нацелились на Евпатиевых воинов, принялись кидать в них камни.

— Вперед! — бросил зов Евпатий Коловрат.— Видите, боятся враги с нами грудь о грудь сражаться! Лучше смерть принять, чем в плен попасть!

И поскакали они на средний полк.

Тут на помощь врагам справа и слева оба крайних полка подоспели. С трех сторон стали они Евпатиевых воинов камнями закидывать.

Падали всадники один за другим, оглушенные камнями. Упал с коня и Евпатий Коловрат. Закрылись его светлые очи.

Враги победили. Разошлись они по полю в разные стороны — искать главного руса, кто так храбро против них сражался. Набрели они на пятерых оглушенных, но живых, опрыснули их ключевой водой, заставили подняться и с ними идти.

Лежал под кустом витязь могучий, руки-ноги раскинул, шлем пробит, алая кровь на виске и бровях запеклась.

Русы, проходя мимо богатыря, низко головы свои наклонили.

Поняли враги — вот он, самый главный рус.

Повели пленных к стану хана Батыя, а тело Евпатия Коловрата в сани положили, с собой повезли.

Подошли они к шатру хана Батыя, положили тело убитого на снег, пленных рядом поставили.

Вышел хан Батый из шатра, велел позвать своих военачальников, а сам встал перед мертвым. Долго стоял молча, все усы теребил, наконец заговорил:

— Вот каков богатырь русов, кто моего лучшего, любимого военачальника одним ударом меча сразил, стольких моих воинов погубил. Многие царства во многих битвах мы покорили, а таких храбрецов ни мы, ни отцы наши не видывали.

Обернулся хан Батый к пятерым пленным и велел им через толмача передать такие слова:

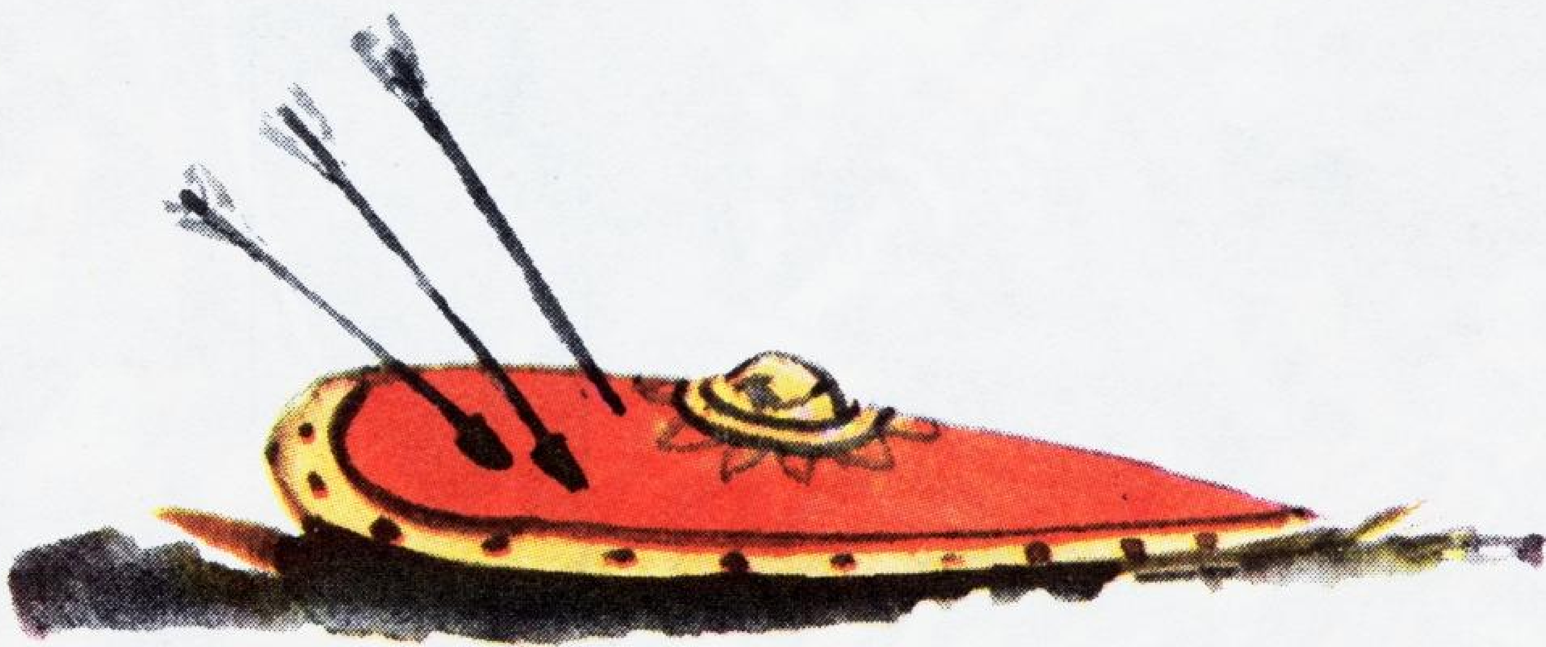
— Обещаю вам, ничего с вами не будет, только скажите мне чистую правду: не ожившие ли вы мертвецы? И скажите, кто таков ваш военачальник, откуда он родом, как его имя?

Рассказали пленники про славного Евпатия Коловрата, как был он в славном городе Чернигове; как узнал он, что родной его город погиб, и повел малое войско к Рязани, оттуда на Коломну, потом на Москву; как скакали они днями и ночами, с коня на коня пересаживались, все старались догнать незваных гостей, и догнали их только у города Владимира. Было их сперва семеро, а сюда явилось тысяча семьсот.

Обернулся Батый к своим военачальникам, кивнул на мертвого Евпатия Коловрата и сказал:

— Служил бы в моем войске такой батыр — держал бы я его у самого своего сердца,— и приказал отпустить пленных.

Подняли пятеро Евпатия Коловрата на плечи, вынесли из стана врагов и на высоком берегу Клязьмы-реки похоронили с честью.

На следующее утро направил хан Батый свои рати на приступ города Владимира. Было это седьмого февраля 1238 года.

Проломили его воины крепостные стены справа от Золотых ворот. Страшное побоище, куда страшнее и злее, чем в Рязани, закипело на улицах. И, как рязанцы, сражались владимирцы, кто чем сумел, сражались за каждую церковь, терем, избу, землянку.

Погиб, до последнего бревнышка погорел славный город Владимир. А хан Батый разделил свои полчища на четыре рати. Двинулись враги на четыре стороны — на северо-запад, на север, на северо-восток и на восток. За один месяц четырнадцать городов взяли и сожгли, множество людей убили, много драгоценностей награбили.

В ярославских лесных дебрях на реке Сити они встретились с полками великого князя Юрия Всеволодовича. Закипела страшная битва. Столько крови не лилось на земле Русской никогда. Много русских воинов пало, а врагов было побито как бы не в три раза больше. Великий князь был обезглавлен.

Победил хан Батый. Победил потому, что не было на Руси между князьями согласия. Не послал подмоги Рязани Владимирский князь, а в Коломну он направил малое войско, и было оно там разбито, а другое малое войско направил в Москву, и было оно там также разбито. И к его стану на реке Сити не все русские князья собрались на подмогу.

Побеждал хан Батый все русские рати порознь.

Тяжко пришлось русским людям под игом Батыя. Но не приуныли уцелевшие жители городов и селений. Вернулись они на старые пожарища и тотчас принялись землянки копать, чтоб от дождя и мороза было им где укрыться. И не отдали они врагам мечи, да копья, да колчаны со стрелами, а припрятали.

И долгими зимними вечерами собирались они вместе, и при свете лучины кто-нибудь рассказывал повесть о славном витязе Евпатии Коловрате, как он, не зная страха, повел свой малый полк на врагов, многих побил и в конце концов погиб в неравной битве.

Повесть о Евпатии Коловрате передавалась устно от одного рассказчика к другому. Она утешала побежденных, но не покоренных людей, укрепляла их надежду на лучшие времена.

А победили русские захватчиков только в 1380 году, в знаменитой Куликовской битве.

Повесть о Евпатии Коловрате продолжали устно рассказывать, а нашелся грамотей — и догадался ее записать.

Когда же в не столь давние времена фашистские орды Гитлера внезапно напали на нашу прекрасную Родину и загорелась во вражьих тылах партизанская война, то иной раз народные мстители после успешных схваток с коварными захватчиками собирались у костра или в землянках, и кто-нибудь из них рассказывал о первом русском партизане Евпатии Коловрате. Подвиги Евпатия Коловрата вдохновляли партизан на новые битвы с фашистами, помогали одерживать победу за победой.

Юрий ЯКОВЛЕВ

УДАЛОЙ ОТРЯД

У каждого воспоминания есть свои позывные. Когда я думаю о первых годах моей дружбы с журналом «Пионер», во мне оживают строки:

Пыль клубилась на дороге.
В ногу, к ряду ряд
Шел вихрастый, босоногий,
Удалой отряд.
В путь отряд собрался рано,
Зашагал чуть свет.
Ни трубы, ни барабана
У отряда нет...

Эти строки приводят меня к моей литературной юности. И я вспоминаю, как принес в «Пионер» новую поэму — «Шел отряд». Я шел в редакцию с добрым напутствием моего учителя Льва Абрамовича Кассиля. И это напутствие принесло мне счастье. Поэму приняли как большую удачу, и вскоре я держал в руках и, вдыхая запах свежей типографской краски, перелистывал журнал с моей поэмой.

И зашагал мой отряд по большой и прекрасной стране Пионерии.

Свою литературную деятельность я начал как военкор фронтовой газеты «Тревога». И всю жизнь по настоящее время считаю себя не только писателем и поэтом, но и журналистом. У меня, как у каждого журналиста, свое особое отношение к журналам и газетам. И в ряду моих любимых органов печати стоит «Пионер».

Моя литературная судьба крепко связана с «Пионером». Редкий год, когда в «Пионере» не были напечатаны моя повесть или рассказ. Напомню только о последних публикациях. В «Пионере» были напечатаны новые главы повести «Балерина политотдела»: «Приказ начальника политотдела», современная сказка о мальчике Олежке и его военных друзьях — «Семеро солдатиков», повесть «Остаешься за меня, или Иван-виллис».

За что я люблю «Пионер»? За то, что его любят дети! За то, что дети доверяют своему любимому журналу и не откладывают в сторону, посмотрев картинки, а внимательно читают от корки до корки. Если произведение напечатано в «Пионере», то автор может быть спокоен: оно будет прочитано! Все мои произведения, напечатанные в «Пионере», имели хорошее продолжение: становились книгами, затем фильмами, спектаклями. А главное, мой читатель — требовательный и откровенный — пока еще не упрекнул меня в том, что я заставил его скучать или исказил правду жизни.

Журнал «Пионер» пользуется не только читательской любовью, но и доверием всей читательской братии. И в этом большая заслуга тех, кто повседневно делает журнал. За последние годы сменились многие сотрудники журнала — на смену старым пришли молодые, но те замечательные традиции, которые были заложены во времена Гайдара, Кассиля, Маршака, Чуковского, Житкова — традиции глубокого уважения к юному читателю,— живы и теперь.

Что пожелать нашему «Пионеру» в год его юбилея? Очень хочется, чтобы он «поправился», «растолстел», чтобы в нем стало вдвое больше страниц, чтобы он мог каждый месяц дарить пионерии больше новых произведений и чтобы на его страницах хватало места всем молодым талантам, которые стучат в дверь детской литературы.

...И уже пришли другие
Ленинцы в отряд —
Молодые, боевые
Смело встали в ряд.
Огласилась площадь рано
Новой песней их.
Трубы есть и барабаны,
Знамя есть у них.

Рисунок М. Лисогорского к повести Ю. Яковлева «Остаешься за меня, или Иван-виллис».

Валентин БЕРЕСТОВ

Дети и звери

Петухом горластым стал цыпленок,
Жеребенок сделался конем.
А ребенок —
Все еще ребенок.
Как мы, люди, медленно растем!

Но, как прежде, нам послушны эти
Выросшие рядом существа,
И над ними маленькие дети
Сохраняют прежние права.

И, быть может, мальчик любопытный
(К малышам животные добрей),
Выйдя из пещеры первобытной,
Приручил играючи зверей.

Музыка машин

Мы знаем песенки лесов,
Лугов, полей, степей, предгорий.
Но песни есть и у цехов,
У строек и лабораторий.

Ревут моторы и урчат,
Стучат машины и грохочут.
Приборы — шепчут и бормочут.
Станки — стрекочут и строчат...

Что означают эти звуки?
Серьезна музыка труда.
Поют машины не от скуки.
Но и не шутят никогда...

ОГНИ

Лучина

Меркнет небо. Гаснет солнце.
Загорайся, свет, в оконце!

Вот лучина зажжена,
Словно луч, остра, длинна.

Зимние глухие ночи
С нею делались короче.

И живут до наших дней
Песни грустные о ней.

Светильник

В глиняной лампе, наполненной жиром
иль маслом,
Самое главное — скромная нить фитиля.
В Греции Древней и в Риме, на древнем Востоке
Ты мудрецам и поэтам светила в ночи.

Волны

Все, что живет в морском просторе,
Похоже чем-нибудь на море.
Как волны, рыбы заблестели,
Как волны, котиков тела,
Как будто их и в самом деле
Волна морская родила.

Синицы

Зимы последний след исчез.
Синицы улетают в лес:
— Пинь-пинь,
Подружки!
Кинь-кинь
Кормушки!

Рисунок А. БОРИСОВА.

Свеча

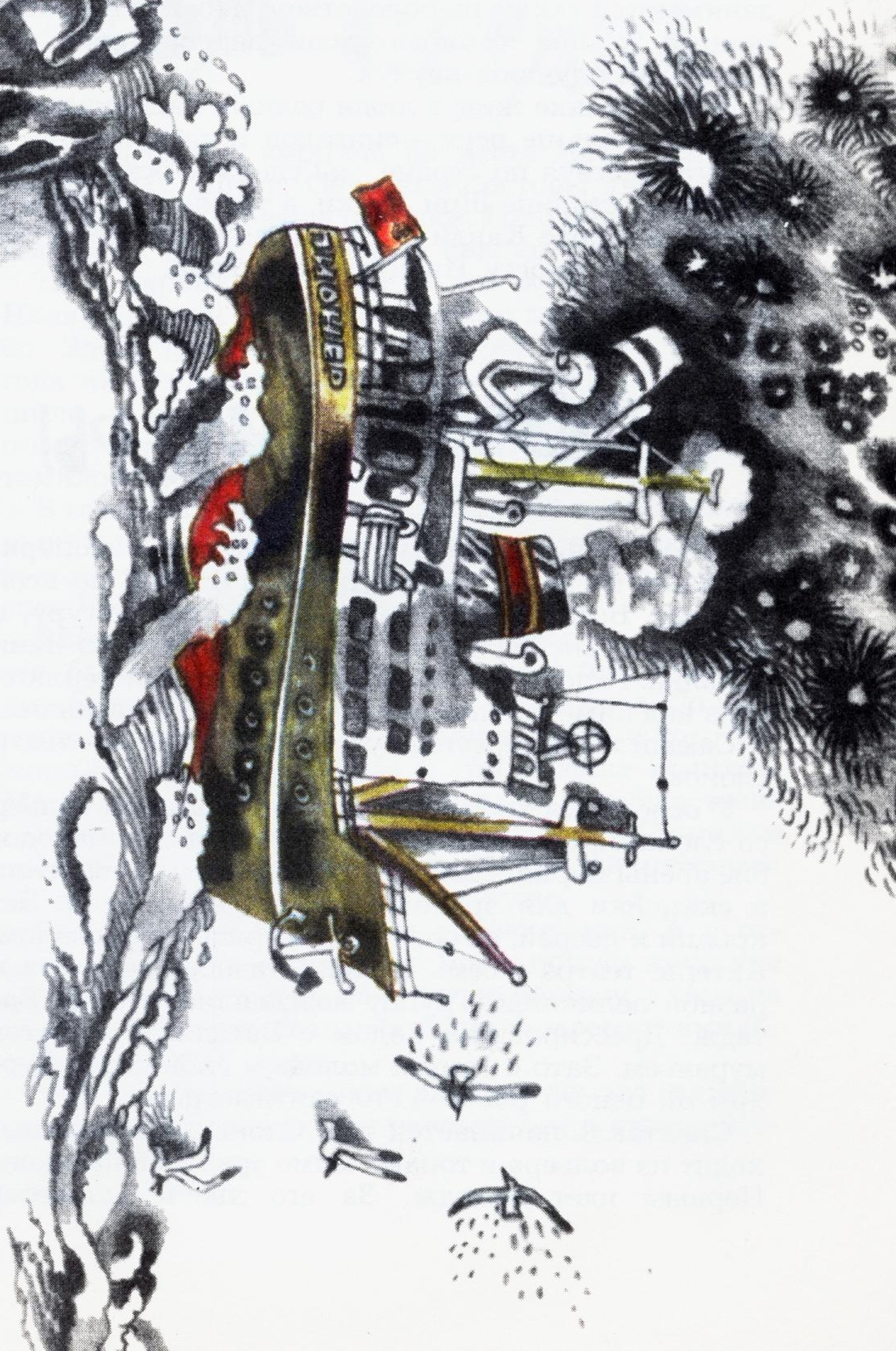
В восемнадцатом веке в домах зажигаются свечи.
В девятнадцатый век человек со свечою вступил.
При свечах декабристов звучали мятежные речи,
И «Онегина» Пушкин при свете свечи сочинил.

Керосиновая лампа

Керосиновая лампа, хоть она порой коптила,
Но и свечку и лучину очень скоро победила.
И при ней по всей России наши прадеды и деды
Пели песни про свободу, спорили, вели беседы.

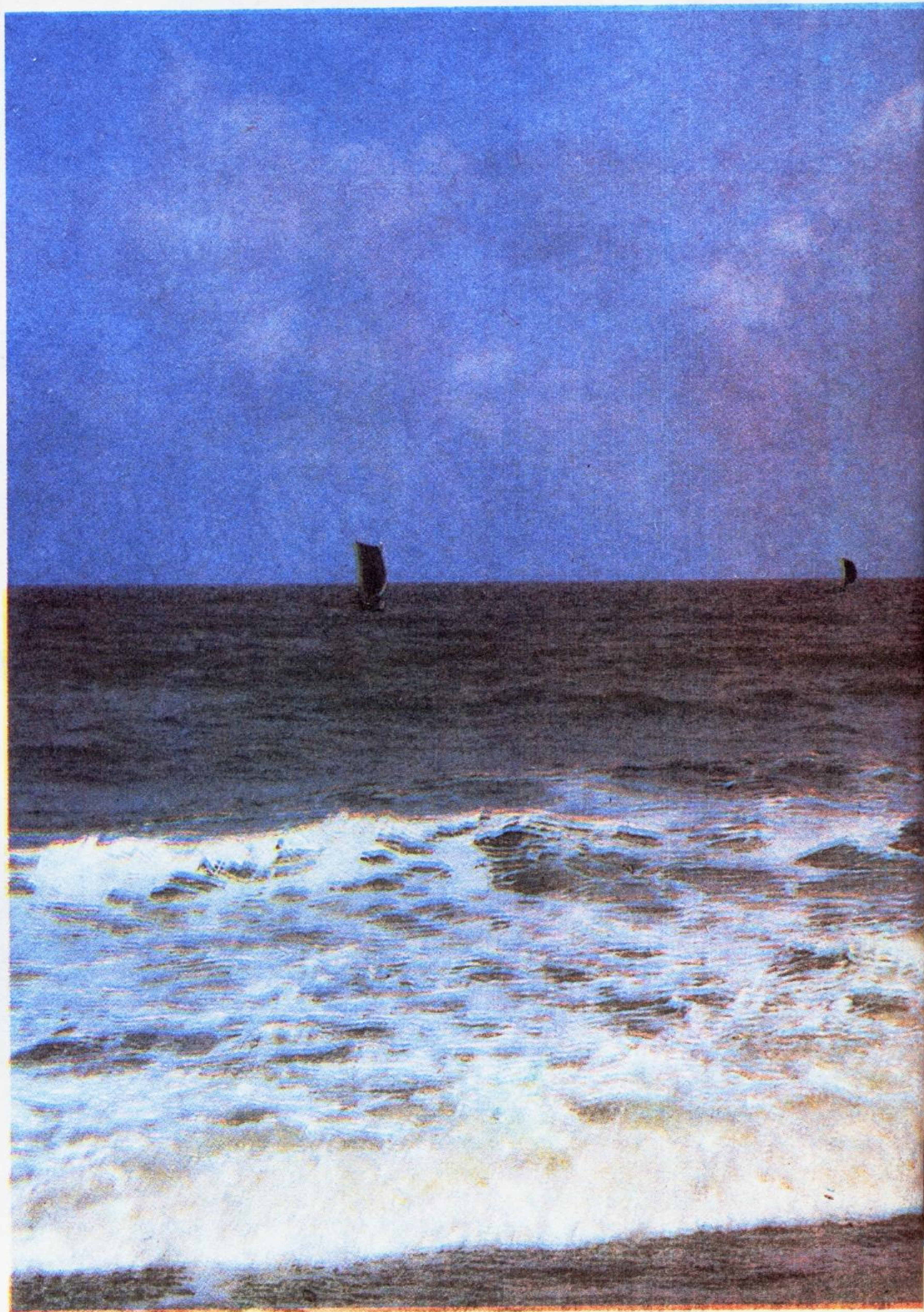
Огни нашей улицы

Днем работают люди, а ночью — огни.
Освещают нам путь и сигналят они.
Светофоры меняют цвета деловито,
Держит строй фонарей лучезарная свита.
Огонечки машин меж собой говорят.
Ряд за рядом уютные окна горят.

ОСТРОВ,

Дорогие ребята!

Мы получаем от вас много писем, в которых вы просите рассказать о Шри Ланке, островном государстве в Индийском океане. Недавно с группой советских туристов там побывал наш корреспондент, заведующий международным отделом «Пионера» Виктор РЫБИН. Прочитайте его путевые заметки.

Так часто переводят с сингальского языка название этого острова-государства. А прежде, во времена английского владычества, он именовался Цейлоном.

Территория острова 65,6 тысячи квадратных километров, а населяют его более 15 миллионов человек.

Шри Ланка — аграрная страна. Здесь выращивают чай, рис, кокосовые орехи. Жители острова занимаются также рыболовством, добывают драгоценные камни, собирают сок дерева гевеи, из которого получают каучук.

В Шри Ланке живут люди разных национальностей, но больше всех — сингалов и тамилов.

Путешествуя по стране, мы сделаем остановку в Коломбо, столице Шри Ланки, а также побываем в древнем городе Канди и в туристическом местечке Негомбо на берегу Индийского океана.

СЛОНЫ-АКТЕРЫ

Самое удивительное место в Коломбо — зоопарк. Гуляешь по нему, словно путешествуешь по всей планете. Вот вольер с австралийскими кенгуру, а вот африканские львы сонно жмурятся в тени баньяна. Рядом европейские олени силами меряются, а над ними трещат попугаи далекой Амазонии...

Самый же интересный уголок в зоопарке — театр слонов.

У основания холма, на котором покоится вольер со слонами, соорудили когда-то площадку наподобие арены цирка. Склоны расчистили и превратили в скамейки для зрителей. Вот и весь театр. Без крыши и дверей, но со сценой и зрительным залом. Актеры театра — семь слонов. Разного возраста и разной величины. Труппу возглавляет гигант Ватадж. Дрессировщик рядом с Ватаджем кажется муравьем. Зато с самым молодым слоненком Сурхом он одного роста — 170 сантиметров.

Спектакль начинается так. Слоны цепочкой выходят из вольера и топают мимо зрителей на сцену. Первым идет Ватадж. За его хвост цепляется хоботом Рей, за хвост Рея — Грант. Замыкает цепочку кроха Сурх.

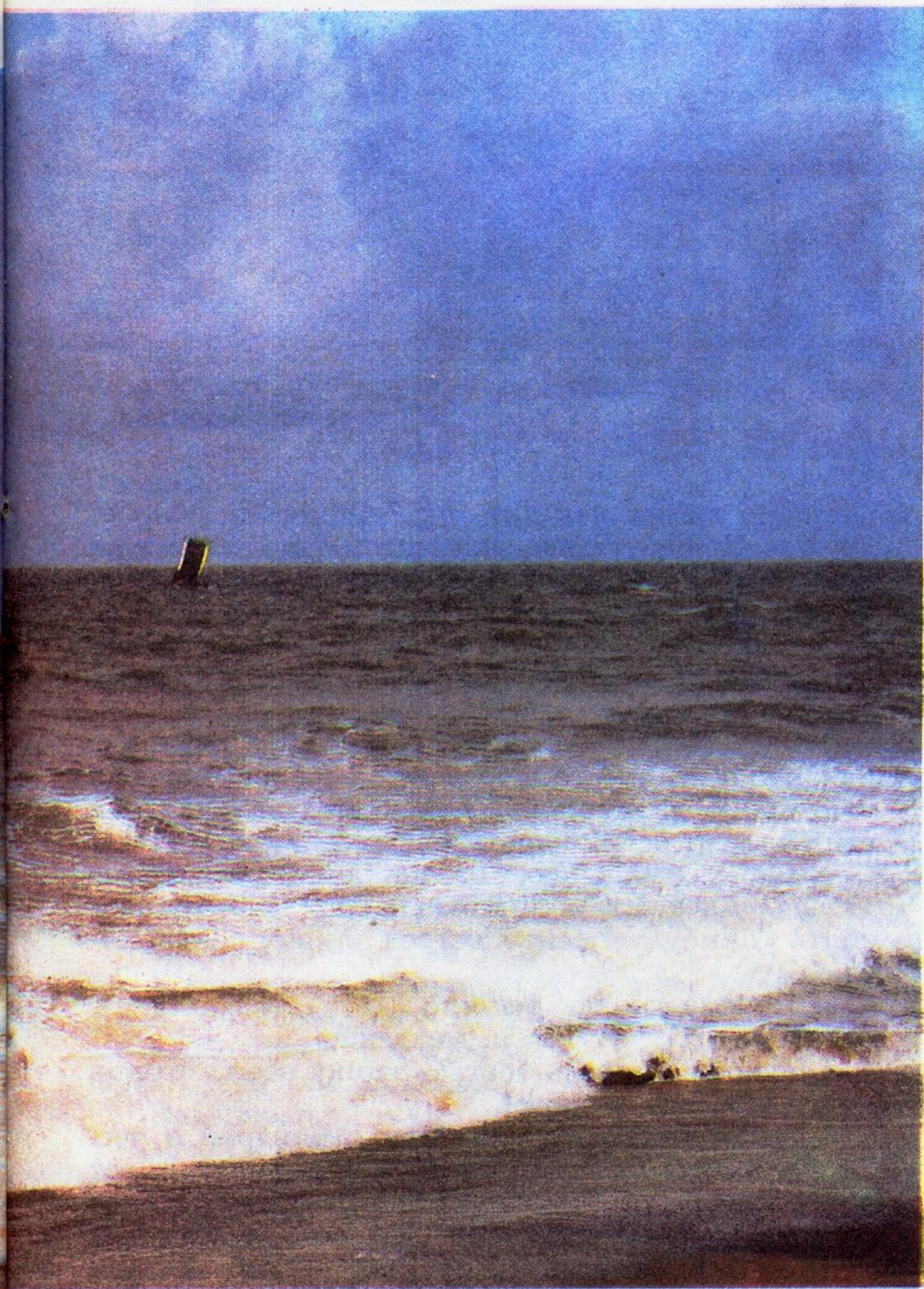
Выйдя на сцену, слоны кланяются публике. Ватадж громко трубит, объявляя первый номер программы, и... начинается ВОЛШЕБСТВО! Иначе и не назовешь этот спектакль.

Ватадж играет на губной гармошке, а Рей с Грантом кружатся в вальсе... Вся семерка замерла в стойке на одной ноге... Сурх бьет в барабан и трубит: поет песню под собственный аккомпанемент... И вдруг — слоновий хоровод...

А что творится в «зале» во время спектакля! Восторженные аплодисменты не смолкают ни на минуту!

Перед началом спектакля меж рядов бродят мальчишки в белых фартуках — продавцы мороженого и прохладительных напитков. Но начинается представление, и даже они не в силах оторвать взгляд от сцены. Только в паузах между номерами настороженно поглядывают по сторонам, нет ли поблизости хозяина. Они же не слонами пришли любоваться — здесь их работа.

ОБЛАСКАННЫЙ СОЛНЦЕМ

Заканчивается спектакль. Слоны снова кланяются и степенно, цепочкой удаляются в свои вольеры. А зрители? Зрители еще долго будут толпиться возле них.

Жаль, что слоны-актеры не могут дать автограф своим почитателям. Я бы непременно взял.

„ГОВОРЯЩИЕ" ФЛАЖКИ

Каких только удивительных обычаев не встретишь в Шри Ланке!

Проезжая по одной из улиц Коломбо, я заметил, что все дома и дворики украшены зелеными флажками. Соседняя улица была расцвечена голубыми. Не к празднику ли приготовились жители? Нет, в ближайший месяц праздников не предвиделось.

Секрет флажков оказался прост. На Шри Ланке много политических партий и союзов, объединяющих разные слои населения. И почти каждая партия имеет свой цвет. Вывешивая на дом флажки, шриланкийцы тем самым выказывают преданность своей партии.

Зеленый цвет — цвет Объединенной национальной партии. Это партия богатеев. Недаром дома на «зеленой» улице — шикарные особняки. А некоторые — просто замки!

Голубой же цвет — цвет Партии свободы Шри Ланки. Она объединяет крестьян, мелких лавочников, служащих.

Цвет коммунистической партии — красный. Красные флажки чаще встретишь в рабочих кварталах и пригородах столицы, где живут ткачи, строители, докеры, шахтеры.

Чаще других мелькают в городах и деревнях желтые флажки. Желтый цвет — цвет буддийской веры. В Шри Ланке есть и католики. Их цвет черный. Черные флажки встречаются редко — католиков не так уж много. Зато в буддийские праздники весь остров раскрашивается в желтый цвет. Буддизм, кажется, исповедуют даже пальмы.

Возле дома с белыми флажками люди почтительно смолкают и опускают головы. Белый цвет на Шри Ланке — цвет траура. Белые флажки вывешивают на доме, в котором умер человек.

Разноцветные флажки часто называют «говорящими». Они и в самом деле могут многое рассказать о хозяевах дома. А всякого гостя как бы предупреждают: не скажи лишнего и не оскорби обитателей дома, когда будешь с ними беседовать. Не ругай, например, лавочников в «голубом» особняке или не хвали Будду в доме с черными флажками...

БОЛЬ СЕРДЦА

Груды битого кирпича на месте дома. Обломки рекламных щитов. Обгорелые остовы автобусов и грузовиков. Разбитые повозки. Голодные, оборванные дети, копошащиеся на свалке...

Не с экрана мы увидели эти жуткие картины. Наяву. В наши дни. В тамильском квартале Коломбо. Здесь живут тамилы-бедняки. В августе 1983 года их дома, лавки, магазины, мастерские разрушили и сожгли сингалы. Десятки ни в чем не повинных людей были убиты и ранены. Сотни тамилов лишились крова.

В те дни газеты всего мира писали о кровопролитных схватках между тамилами и сингалами. Но только побывав в Коломбо, по-настоящему ощущаешь ЧУДОВИЩНОСТЬ этой вражды.

Враждуют сингалы и тамилы издавна. Сначала это была только вражда двух религий: сингалы исповедуют буддизм, а тамилы — индуизм. Со временем корни вражды углубились. Дело в том, что сингалов на острове раза в три больше тамилов. Мало-помалу в их руках оказались государственная власть, торговля, армия и полиция... Сингалам достались плодородные земли, а тамилов оттеснили на север, где земли и климат хуже.

Тамилы стали требовать равноправия. А в ответ — полицейские дубинки. Вот и пошли жестокие схватки. Дом на дом, община на общину, улица на улицу... И коль сингалов больше, то и горят тамильские кварталы чаще.

Уж кому на руку такие распри, так это империалистам. Они всячески провоцируют в стране бес-

порядки, натравливая народы друг на друга. А под шумок стремятся пропихнуть к власти своих ставленников. Империалисты давно мечтают вновь закабалить остров и хозяйничать на нем, как хозяйничали когда-то английские колонизаторы. Жаль, что многие, даже образованные, шриланкийцы не понимают этого.

...Наш автобус завернул в тамильский квартал случайно. Мы ехали в зоопарк, и водитель просто-напросто ошибся дорогой. Туристов сюда обычно не возят. Слишком бедный район. Слишком неприглядный вид у здешней нищеты.

Заметив, с каким напряженным вниманием мы смотрим на развалины, гид-сингал замечает:

— Это все тамилы — они заварили кашу. В Канди убили сингалов-солдат. Вот сингалы и отомстили...

— А тем ли отомстили? — раздается взволнованный женский голос.— Мстить надо убийцам, а не безоружным старикам и детям!

Гид молчит, хмуро поглядывает в спину водителя.

ЦЕЙЛОНСКИЙ ЧАЙ

В аэропорту Коломбо три магазинчика. Их сразу замечаешь, лишь только входишь в здание аэропорта, — три разноцветных, ярко освещенных кубика. В одном продают книги и журналы. Другой торгует сувенирами. Третий... Третий до потолка завален коробками и банками с ЧАЕМ! Знаменитым цейлонским чаем, слава о котором давно шагнула за пределы острова!

Чаем торгуют в Шри Ланке ПОВСЮДУ. На базарах и в магазинах, в крохотных уличных лавчонках и в ресторанах, на чайных фабриках и в кафе — везде увидишь полки и лотки с чаем. Даже в ювелирных магазинах рядом со знаменитыми цейлонскими сапфирами, изумрудами, топазами — пакеты с чаем. Как-то я спросил хозяина ювелирного магазина: не слишком ли большая для чая честь быть соседом с драгоценными камнями? Ювелир посмотрел на меня так, как умудренный опытом учитель смотрит на бестолкового ученика. Усмехнулся и сказал:

— А это еще надо проверить, что больше славы приносит Шри Ланке — чай или драгоценные камни!

— Единственная страна, где чай — национальный напиток! — сказал мне хозяин чайной лавки на соседней улице по имени Раджамин.

— А как насчет Англии или Индии? — заспорил я.— Там ведь тоже чай не обижают...

— Ах, сэр! — огорчился Раджамин.— Да разве там могут приготовить такой божественный напиток?!

Он придвинул мне чашку дымящегося ароматного чая и заставил выпить.

— Вы только попробуйте, попробуйте! Чувствуете запах! А вкус? Фантастика!

Я подумал, что Раджамин просто-напросто почитатель чая. Потому сделал томное лицо и мужественно осилил чашку крепчайшего напитка. Однако приходил в другую лавку, и все повторялось: другой лавочник убеждал меня в исключительности цейлонского чая и упрашивал этого самого чая отведать.

И я понял: все жители Шри Ланки фанатично преданы СВОЕМУ ЧАЮ!

Рыбацкие хижины в местечке Негомбо.

Знаете ли вы, как пить чай? Странный вопрос? Ничуть. На Шри Ланке, оказывается, целый ритуал «питья» чая. Я сидел в крохотном кафе, каких немало на берегу океана. Официанта звали Чандра. Ему было не больше четырнадцати лет. Худой, черноглазый, в белом, не по плечу сюртуке. Очень улыбчивый и очень подвижный.

Чандра так ловко подносил чашки и разливал чай, что я им просто любовался. Любовался и пил чай. Чашку за чашкой. Не знаю, сколько бы я так выпил, если бы Чандра вдруг не сказал:

— Сэр, к сожалению, у нас нет другого чая, кроме «Увы», «Дискойи» и «Димбулы». Можно, я принесу опять «Димбулу»? Мне кажется, он вам понравился...

— Почему ты так решил?

— «Димбулу» вы пили медленно...

Я опешил. Да ведь третью чашку всегда пьешь медленнее, чем первую!..

А потом мы долго говорили с Чандрой о чае. Вернее, говорил он, а я слушал и мотал на ус. И вот что я узнал. На Шри Ланке выращивают десятки сортов превосходного чая. Но есть у жителей острова свои, любимые. Например, «Димбула». Его выращивают в местечке Димбула.

«Димбула» — крепкий чай, пить его лучше с молоком. А вот «Дискойя» не так крепок. У этого чая нежный аромат, и, чтобы уловить его, лучше делать мелкие глотки. Ароматные, с прекрасным «летним» запахом — «Ува» и «Канди». Их рекомендуют пить с долькой апельсина. А если отхлебнуть пару глотков чая «Канди», исчезнет усталость, сон как рукой снимет! И еще: нет напитка лучше в жару, чем холодный «Канди»!

Один из лучших сортов чая в мире — «Нувера-Элия». «Нувера-Элия» растет в горных районах острова, на высоте более 600 метров. От любого другого сорта его отличают нежный вкус и тонкий «медовый» аромат. «Нувера-Элию» шриланкийцы предпочитают пить с лимоном.

...На чайном рынке я прочитал однажды такую рекламу:

НЕ СПЕШИТЕ ВЫПИТЬ ЧАШКУ ЧАЯ. ПОСТАРАЙТЕСЬ ОЩУТИТЬ ЕГО ВКУС И АРОМАТ. И ТОГДА ПОЙМЕТЕ, КАК ПРЕКРАСЕН НАШ ОСТРОВ!

После «чайного» урока Чандры эта реклама показалась мне очень точной.

Трудно ли помыть слона?

— А вы попробуйте, сэр,— не долго думая, предложил мне Динеш Рамандру.

Динеш вместе с отцом работает погонщиком в «Элефант Гарден» — «Слоновьем Парке». Есть такой парк в Канди. Правда, слонов там немного, но поглазеть на них спешит всякий турист. За пять — семь рупий его забрасывают слону на спину, и он совершает прогулку по парку.

Кроме того, можно посмотреть, как слоны купаются.

Видели слона в зоопарке, поливающего себя из собственного хобота, будто из шланга? А теперь представьте: пять слонов стоят по шею в реке и поливают друг друга — это и будет картина «Купающиеся слоны в «Элефант Гарден»!

И все же самое занятное — наблюдать, как слонов моют...

— Попробуйте, попробуйте.— Динеш сует мне в руки короткую, заостренную с одного конца палку — батожок погонщика.

Я беру батожок, загоняю слона в реку.

Загнал. Теперь его надо положить на бок. А как? Он почему-то и не думает ложиться. Стоит себе спокойно, помахивает хвостом да фыркает. Припоминаю: Динеш щекотал слона за ухом и что-то говорил.

— Что ты говорил слону, Динеш?

Мальчик сотрясается от хохота. Весело ему.

— «Ложись»,— я ему говорил! — кричит так громко, будто я оглох, пока заводил слона в реку.

— Ложись! — приказываю я.

Слон топчется на месте и мотает головой.

— Ласковее, ласковее! — наставляет Динеш.

— Ложись! — умоляю слона, замечая, что берег реки усыпали туристы.

Наверно, я разжалобил слона. Он еще раз мотнул головой и плюхнулся, окатив меня с ног до головы пронзительно-холодной речной водой.

— Ах, сэр, он же задавить вас мог! — Ко мне молнией подскочил Динеш и выдернул из рук батожок.

Динеш наклоняется к слону и нежно гладит его по хоботу.

— Ну уж нет,— решаю.— Теперь-то я его помою! Самое трудное сделано...

На лице Динеша снова улыбка: сердиться он совсем не умеет.

— Ладно,— хитро ухмыляется.— Только мыть на совесть!

В одной руке у меня кусок мыла, в другой — кожура кокосового ореха, крепкая, будто отлитая из чугуна. Зачем кожура? Ею моют слона. Вместо мочалки.

Я намыливаю слоновий бок и скребу его кожурой-мочалкой. Скребу до тех пор, пока не сводит судорогой руку. Тогда обмываю бок водой и начинаю все сначала.

Моей «мочалкой» человеческую кожу можно до дыр протереть. Слону же ничего! Лежит себе, сопит да ушами хлопает от удовольствия. А иногда вдруг приподнимет ноги — тоже от удовольствия — да ка-ак ударит по воде! Я, конечно, снова под душем!

С меня ручьем льет пот. На мне ни одной сухой нитки. Я уже скребу слоновий бок машинально. Скребу, скребу, а конца не видно. То есть не видно, отчистил я слоновью шкуру или нет. Она как была грязно-серой, так и осталась... А это только один бок...

— Долго еще мыть? — робко спрашиваю Динеша.

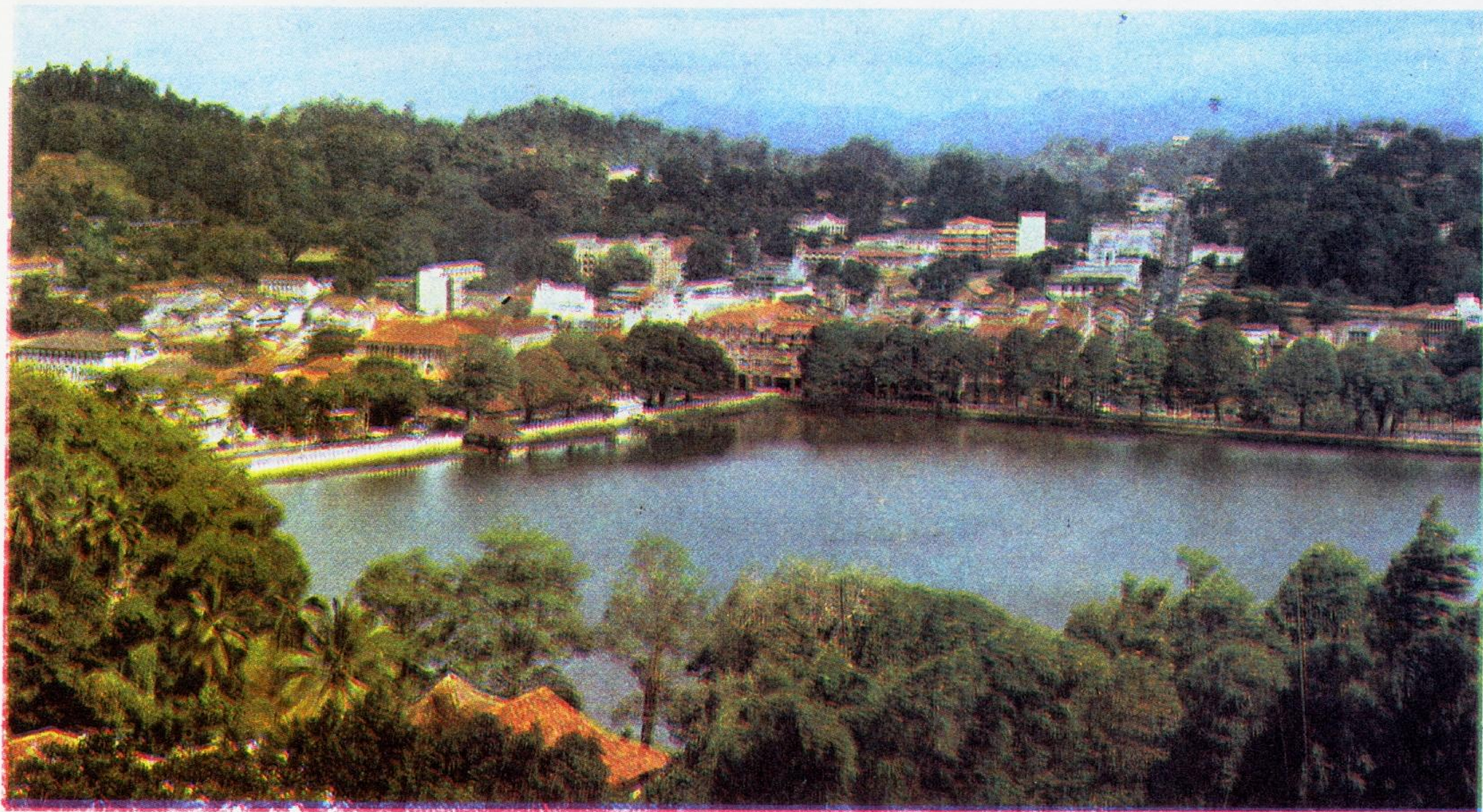
— Мойте, мойте, сэр! — весело отзывается погонщик.— Слон сам даст знать, когда вам нужно закончить!

Слон на самом деле ДАЛ ЗНАТЬ: что-то протрубил, поднялся на ноги, окатил свой бок из хобота и... подставил другой!

...Среди сувениров лежит в моей квартире и кожура кокосового ореха. Та самая, которой мыл слона. Напоминает, что всякое дело требует сил, терпения и сноровки.

Малолетние каменотесы

Трудно, пожалуй, сыскать на Шри Ланке место живописнее окрестностей Канди. Стремительная Махавели. Теснящие друг друга горы, усыпанные

Древняя столица Шри Ланки город Канди — один из красивейших городов Азии.

Так ловят рыбу шриланкийские мальчишки.

пальмами и акациями. Серпантины тропинок. Красные черепичные крыши, заплатками мелькающие на сплошном зеленом ковре. Орхидеи и лилии, добавляющие в этот ковер фантастические тона. Искрящиеся на солнце рисовые чеки...

Любуясь этим великолепием, я гулял по окрестностям Канди. Верткая дорога уводила меня все дальше и дальше от шумных городских улочек, и скоро только щебет птиц да басовитый голос Махавели нарушали тишину.

Но вот к этой веселой, беззаботной музыке добавились новые звуки. Казалось, кто-то бил камнем о камень, а эхо превращало стук в барабанную дробь. С каждым шагом дробь становилась громче.

Дорога резко пошла вниз, и передо мной открылась площадка. С трех сторон ее теснили отвесные скалы. С четвертой был обрыв. Казалось, гигантская рука отщипнула от горы кусочек, и получилась этакая цирковая арена.

Площадка завалена кучами камней. Возле одной кружком сидят три мальчика и четыре девочки и крошат камни молотками. Одежда на ребятах такая ветхая, что потеряла цвет. Усталые лица, худые, в царапинах и кровоподтеках руки...

Картина была настолько гнетущей, что я оцепенел. Уж не забрел ли я на съемки фильма?

Но нет, не видно ни юпитеров, ни режиссеров и операторов, ни костюмеров и гримеров... Передо мной была ЖИЗНЬ.

Старшей в команде каменотесов оказалась двенадцатилетняя девочка по имени Лала. У нее и молот был тяжелее. Лала выбирала самые крупные камни и разбивала их на две-три части. Эти осколки подбирали мальчишки и дробили на еще более мелкие. Наконец две девочки, совсем малышки, превращали осколки в камешки размером с голубиное яйцо. У них молотки были поменьше, но, видимо, нелегко работать и легкими молотками. Девочки то и дело бегали к кувшину с водой, подолгу пили и обмывали лица.

Здесь был карьер, где делали щебень — материал, необходимый для асфальтирования дорог и строительства домов. А работала на карьере семья Джетаварнате. Вернее, младшая ее часть. Отец семейства с утра отправлялся в город, чтобы подработать 5—10 рупий на рынке. Постоянной работы у него давно не было. Мать же хлопотала по хозяйству. Выходило, главный заработок приносили в дом дети. Но невелик получался заработок. Тут же в карьере на краю обрыва притулился «дом» Джетаварнате — соломенная лачужка, каких немало в бедняцких кварталах любого города, любой деревни...

Молотки отложены в сторону. Спины расправлены. Перерыв. Лала тихо запела песню. И ее тотчас подхватили остальные ребята.

Печальная песня. О том, как старый слон отбился от стада и спешит догнать своих сородичей, как солнце палит его спину, а дождь хлещет в бока, как нелегка дорога и опасности ждут слона на пути...

— Ты всегда устраиваешь «музыкальные» перерывы?

— Нет. Только к концу дня, когда братья и сестры устают...

— А ты, значит, не устаешь?

Лала молчит, грустно смотрит на свои руки. Руки, хоть и в ссадинах, а красивые, пальцы длинные и тонкие — «музыкальные». И поет она хорошо. Ей бы учиться — могла бы стать замечательной певицей или музыкантом.

Обучение в Шри Ланке бесплатное, но сколько денег нужно на ученическую форму, на учебники, на школьные принадлежности, на проезд до школы... И если у родителей мизерный заработок или совсем его нет, приходится наниматься на работу детям. Какое там учение — с голоду бы не умереть. Малолетних каменотесов, продавцов, рикш, чистильщиков обуви на острове тысячи...

Допета песня. Перерыв окончен. Один за другим взлетают молотки, разнося далеко окрест сухой монотонный перестук. Заработал карьер. Полетели гранитные осколки по кучам, превращаясь в щебень. И, кажется, нет силы остановить этот конвейер...

ДЕРЕВО-ЗОНТИК

Сколько человек могут укрыться под деревом от дождя или спрятаться от солнца? Пять? Двадцать? Сто?

В Шри Ланке есть дерево, под кроной которого могут уместиться сразу две тысячи человек!

Это удивительное дерево из семейства баньяновых растет в Канди в ботаническом саду. С каждой ветви баньяна к земле спадает росток. Растет дерево, и росток увеличивается, ждет, когда коснется почвы. А коснулся, тут же пустил корни. У баньяна, кроме основного ствола, бывает еще не один десяток дополнительных!

У «дерева-зонтика» — гиганта из Канди — дополнительных стволов мало. Зато ветви разлетелись по кругу радиусом двадцать пять метров! Нетрудно подсчитать, какую площадь занимает крона такого дерева. Две тысячи квадратных метров! Хорош зонтик?

Чуть меньше дерево во дворе местного университета. Однажды я увидел, как под крону университетского «зонтика» свободно въехали два автобуса, и все пассажиры расположились под деревом отдохнуть.

Настоящие зонтики со временем стареют и приходят в негодность. А «деревья-зонтики» наоборот — год от года сил набираются да крепче становятся. Чудеса!

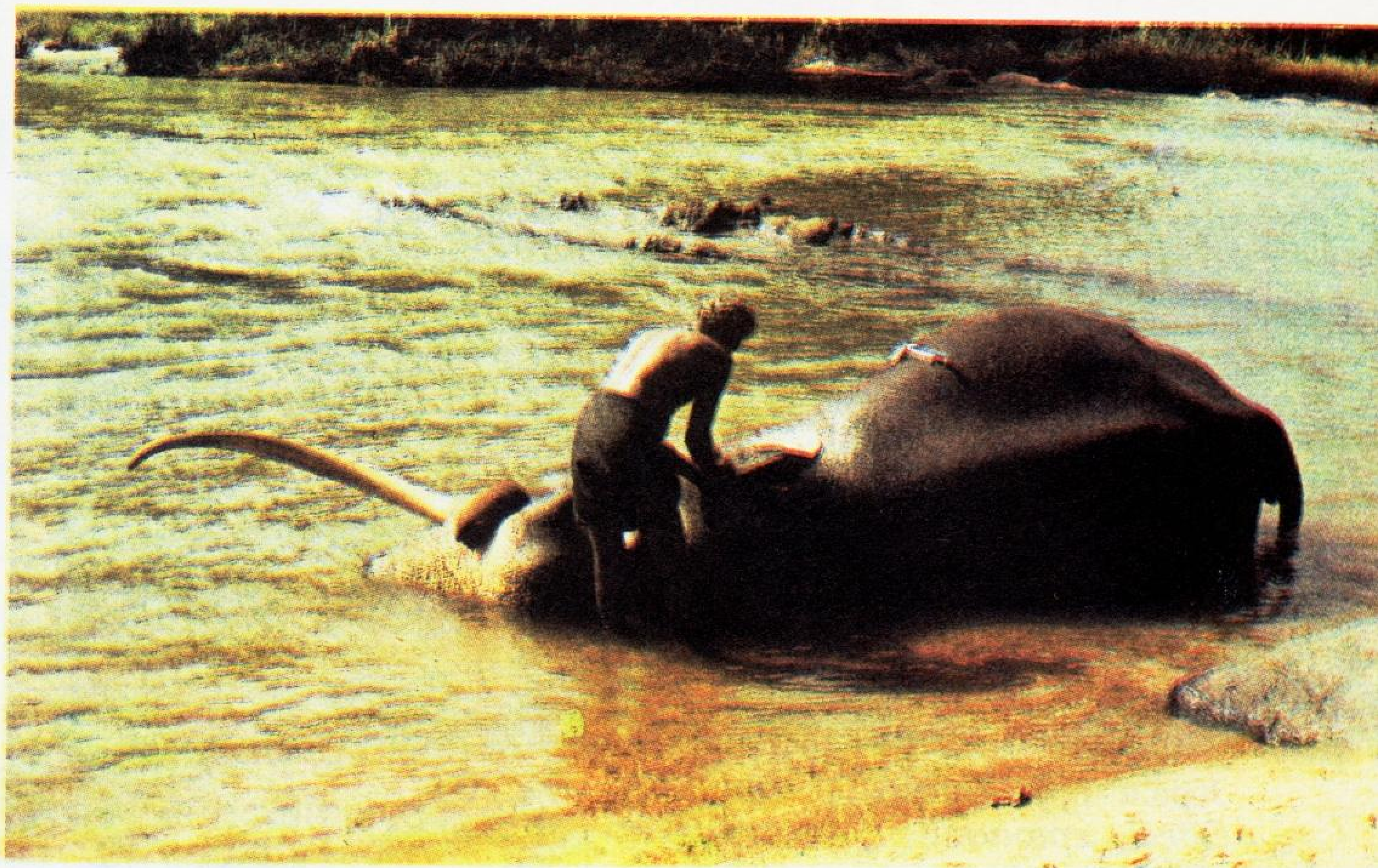
А вот другое удивительное дерево — капустная пальма. В ботаническом саду Канди есть целая аллея, на которой растут капустные пальмы. Аллея называется АВЕНЮ КАПУСТНЫХ ПАЛЬМ. Полсотни этих стройных деревьев обрамляют одну из садовых дорожек. Высота пальм — 32 метра, возраст — 78 лет.

На Шри Ланке встречаются десятки видов пальм. С высоты птичьего полета кажется, что пальмовые метелки укрыли весь остров — ничего-то другого, думаешь, здесь не растет. Растут, конечно, и другие деревья, не менее экзотичные. Но пальмы в особом почете. Потому и заполонили остров. Чего только не делают из пальмы! Чудо-деревом называют ее шриланкийцы.

Капустная же пальма — чудо из чудес. Во-первых, дерево это редкое. Большого скопления капустных пальм нигде, кроме ботанического сада Канди, не увидишь. А во-вторых, листья капустной пальмы, в отличие от остальных, используют в пищу. По вкусу они напоминают капусту, поэтому так и называется дерево. Ну, а всякое растение, пригодное для еды, ценится и почитается у всех народов.

Ствол у капустной пальмы гладкий, будто наждаком отполированный. Листья по форме похожи на листья папоротника. Только размером больше. Их едят сырыми, вареными или жареными.

Однажды нас пригласили на ужин из листьев капустной пальмы. Хозяин дома не переставал нахваливать: и салат-то превосходный — не счесть в нем витаминов. И приправа к рису чудесная. Почти десяток экзотических блюд довелось отведать. Вкуснотища!

Для слона нет большего удовольствия, чем купание в реке.

САМЫЙ БЫСТРЫЙ КАТАМАРАН НЕГОМБО

Катамаран — это судно, на котором рыбаки Шри Ланки выходят в океан на промысел.

Катамараны бывают разной величины, но конструкция у всех одна: неглубокая лодка, выдолбленная из цельного куска дерева или сколоченная из досок, противовес — бревно, жестко прикрепленное к лодке на расстоянии двух-трех метров,— и парус.

С виду сооружение хрупкое. Но рыбаки научились им превосходно управлять. В прежние времена на катамаранах даже совершали переходы в Индию. Нелегкий путь, особенно по штормовому океану.

В Негомбо я остановился в гостинице с экзотическим названием «Си Гарден» — «Морской Сад».

Крестьянин готовит поле под будущий урожай риса.

Храм зуба Будды в городе Канди. Здесь хранится реликтовый зуб Будды.

Только вышел на гостиничное крыльцо, как меня атаковали мальчишки. В руках у каждого игрушечный катамаран.

— Купите, сэр, купите катамаран! Отличный сувенир! Недорого, купите! — отталкивая друг друга, мальчишки совали мне под нос свои суденышки.

Хороши катамараны! Игрушечные, но до мельчайшего гвоздика, до крохотной веревочки повторяющие катамараны настоящие.

— Неужели сделали сами? — дивился я.

— Сами! Сами! — хором кричали мальчишки и плотнее обступали меня. От натиска я чуть не свалился с крыльца.

— Задавите! Куда вы все?!

Все? Взгляд выхватил мальчика в желтой майке и красной, с длинным козырьком кепке. У него тоже катамаран. Но он не суетится, не старается поскорее мне всучить его. Стоит и ждет. Спокоен... Впрочем, так ли уж спокоен? Разве не хочется продать свое «произведение»? Наверно, хочется. А вот поди ж ты: спокоен!

Я протискиваюсь к Красной Кепке, беру его катамаран. Легкий, будто пушинка! Изящный!

— Почему твоя лодка такая легкая?

— Я сделал ее из куска мангового дерева. Настоящий катамаран и должен быть легким. Иначе скорость будет слабая.

— У тебя парус какой-то не такой...

— Он больше захватывает ветра. У моего отца такой же парус.

— Значит, твой катамаран быстрее других?

— Да.

— А ну давайте проверим! — предлагаю мальчишкам. Мы идем на пруд — он в двухстах шагах от гостиницы.

Ветерок рябит зеленоватую воду, по которой скользят стебли тростника и белые коробочки кувшинок.

Даю команду. Мальчишки настраивают паруса и спускают свои катамараны на воду. Ветер тотчас подхватывает их и несет к противоположному берегу.

Думаете, сколько катамаранов закончило гонку? Три из десяти! А первым ткнулся в берег катамаран Красной Кепки...

Мы сидим у самого океана на старой, отжившей век лодке-плоскодонке. Поджидаем рыбаков, возвращающихся с улова.

Они еще далеко. Черные треугольники парусов едва заметны на желтовато-сером полотнище океана.

За спиной у нас рыбацкие хижины. Неказистые хибарки, слепленные из соломы и пальмовых листьев. Меж хижин развешены сети, а на берегу валяются скелеты лодок и кучки морских водорослей.

Мальчика в красной кепке зовут Питером. Ему одиннадцать лет. В их семье пятеро детей. Кроме него, все сестры, мал мала меньше. Вон копошатся у разбитой лодки, во-он там, левее, смотрите.

— Почему мальчишки стараются продать катамараны непременно постояльцам «Си Гардена»?

— Потому что в «Си Гардене» останавливаются любители ВСЕГО МОРСКОГО!.. И, может, потому, что сторож не гонит. К другим же отелям на километр не подпускают...

А в океане в это время начинается гонка! Катамараны дружно рвутся к дому, обгоняя друг друга. Мне кажется, я даже слышу азартные крики рыбаков, поскрипывание мачт и свист ветра в парусах...

— Они всегда устраивают гонку, когда возвращаются с промысла, — говорит Питер, не спуская глаз с океана.

— И кто побеждает?

— Обычно мой отец.

— А рыбы кто больше ловит?

— Тоже отец.

Хвастается?.. А может, просто уверен в сноровке отца и надежности отцовского катамарана?

Солнце пустило в дымчатое небо последний сноп лучей, когда к берегу пристал первый катамаран. Отец Питера и впрямь оказался быстрее всех.

Питер бросился ему помогать. Не по-детски степенно и основательно складывает парус, выбирает сети, сматывает удочки и подбирает в садок наживку... Наблюдаю за ним и понимаю, почему катамараны Питера — лучшие в Негомбо. У искусного рыбака и сын должен быть искусным!

...Катамаран Питера стоит на моем книжном шкафу. Задрал нос и распустил парус, будто вот-вот его подхватит ветер и помчит по бурлящему океану.

Всякому судну положено имя. Дал и я своему: «Красная Кепка».

СБУДЕТСЯ ЛИ ПРИМЕТА?

Автобус давно урчит у гостиницы. И вещи давно упакованы и загружены в багажник. Давно попрощались с гидом, с гостеприимными хозяевами гостиницы, с местными ребятишками... Осталось попрощаться с ОСТРОВОМ. Только как попрощаешься?

— А вы бросьте в океан медяков, — советует водитель автобуса. — Бросите — непременно к нам еще приедете. Примета такая.

Выворачиваю карманы. Ищу мелочь. Ни одного медяка!

— А если бумажные деньги бросить — сбудется примета?

— Сбудется, наверно...

В самолете мои товарищи узнают, что вместо медяков я бросил в океан бумажную рупию.

— Не сбудется примета! — убеждают «знатоки». — Мелочь надо было бросать — правило такое!

Правило! Но бывают же из правил исключения...

Фотографии автора.

Сергей ГЕОРГИЕВ

ЯНКА

Рисунок В. ДУДКИНА

У Юры Хлопотова была самая большая и интересная коллекция марок в классе. Еще бы! Юрин папа исколесил полсвета и отовсюду слал письма. Юрка хвастался, читал вслух:

— «...Пишу из Бомбея, жарко...», «...Пишу из Лондона, туман...», «...Пишу из Сиднея, ветер...».

Из-за коллекции только и отправился Валерка Снегирев, человек в общем-то обыкновенный, папа которого и за пределы области выезжал редко, к своему знаменитому однокласснику в гости.

Юриных папы с мамой дома не было. Сам Хлопотов был занят делом: бросал в цель пластмассовый дротик с присоской на конце. Валеркиному приходу он обрадовался, сразу начал вытаскивать из массивного письменного стола огромные, в толстых кожаных обложках и почему-то пыльные альбомы.

— Вот они, мои марочки... ма-арочки...

Юрка почти пропел это самое «ма-арочки». И в тот же момент, как будто откликаясь, прямо над головами мальчишек раздался протяжный и жалобный вой...

— Что это?— тихо спросил Валерка, когда вой оборвался на немыслимо высокой и тоскливой ноте.

— Не обращай внимания!— махнул рукой Юрка, сосредоточенно ворочая альбомы.— Собака у соседа! Воет и воет, понимаешь!.. Дядя Володя из квартиры напротив сказал, что прибьет ее.

— Как это прибьет?

— А так, говорит, выпустят ее погулять, а он... Но мы, например, с папой считаем, что к чужим недостаткам терпеливо относиться надо. Конечно, папа поговорит...

— Почему же она воет?

— Откуда я знаю? Я и в глаза не видел ни собаку, ни соседа. Они всего неделю, как переехали.

— Может, голодная?

— Может, и голодная. Снегирь, идея!.. Мы ее покормим! Значит, так! Проводим разведку: цель — установление, открыта ли форточка у соседа. Затем — операция «Бумеранг»!

— Бумеранг?

— Нет, лучше «Томагавк»! Операция «Томагавк». Мы с тобой набираем кусков хлеба и колбасы, выходим на улицу и забрасываем в открытую форточку.

— Юрка, форточка-то на девятом этаже. Не добросить.

— Скучный ты человек! Такой план погубил... Да ладно, что-нибудь придумаем! Давай смотреть марки, потом придумаем...

— Марки?

— Вот чудак! А зачем же ты пришел?

— Слушай, может, там что-то случилось?

— Да нет, она каждый день воет. До пяти часов. В пять перестает. Папа говорит, не умеешь ухаживать, не заводи собак...

— А сейчас сколько?

— Чего сколько?

— Времени сколько?

— Времени... пятнадцать пятого.

Валерка начал одеваться, торопливо наматывая шарф, застегивая пальто.

Выскочил на улицу, перевел дух и стал искать на фасаде дома Юркины окна.

Три окошка на девятом этаже, сразу над Юркиной квартирой, неуютно темнели. Валерка, прислонившись плечом к холодному бетону фонарного столба, решил ждать, сколько понадобится.

Ждать пришлось недолго. Крайнее из окон тускло засветилось: видимо, свет включили в прихожей...

Дверь открылась сразу, словно Валерку ждали. На пороге стоял... Но Валерка не успел увидеть, кто стоял на пороге. Откуда-то вдруг выскочил маленький коричневый клубок и, радостно визжа, бросился Валерке под ноги.

Валерка почувствовал на своем лице влажные прикосновения теплого собачьего языка: совсем крошечная собака, а прыгала так высоко! Он протянул руки, подхватил собаку, и она уткнулась ему в шею, часто и преданно дыша.

— Чу-деса!— раздался густой, сразу заполнивший все пространство лестничной клетки голос.— Чудеса! Ну и Янка!

Валерка поднял голову. Голос принадлежал щупленькому, невысокому человеку с бутербродом в руке.

— Ты ко мне?— спросил человек, опуская руку, чтобы бутерброд не очень бросался в глаза.— Странное, понимаешь, дело... Янка с чужими не особенно. А к тебе — вон как! Заходи.

Валерка, не отпуская с рук собаки, вошел в квартиру, заставленную как попало шкафами, столами, чемоданами.

— Понимаешь, только перебираемся... Жена еще не приехала, так что извини.

— Я на минутку.— Валерка знал, что так принято говорить у взрослых.— По делу.

— По делу? Слушаю.— Человек стал серьезным.

— Собака ваша Яна... Воет целыми днями.

— Так.— Человек из серьезного стал грустным.— Мешает, значит. Тебя родители прислали? Ты из какой квартиры?

— Я сам пришел. И я не из этого дома, из соседнего.

— Неужели и там слышно?

— Нет, там не слышно. Я просто хотел узнать, почему она воет. Ей плохо, да?

Человек повертел в руках свой бутерброд, сунул его на какую-то пыльную полку.

— Ты прав, ей плохо. Янка привыкла днем гулять, а я на работе. На работе, понимаешь? Вот приедет жена, и все будет в порядке. Но собаке ведь не объяснишь! Тоскует она.

— А если я...

— Что—ты?

— Я прихожу из школы в два часа... Я бы мог гулять с ней после школы!

Человек удивленно посмотрел на Валерку Снегирева, подошел к пыльной полке, протянул руку, но достал не бутерброд, а маленький английский ключик.

— Держи. Поворачивать вправо.

Пришло время удивляться Валерке.

— Вы что же, незнакомому человеку ключ от квартиры доверяете?

— Ох, извини, пожалуйста.—Человек протянул руку.—Молчанов Валерий Алексеевич, инженер.

— Снегирев Валерий, ученик 6 «Б».

— Очень приятно! Теперь порядок?

— Но что мы можем с тобой сделать?—сказал человек.—Собака привыкла днем гулять, а я на работе... Собаке ведь не объяснишь, верно?

— Порядок,—Валерка спрятал ключ,—значит, завтра?..

Яне не хотелось спускаться на пол, она бежала за Валеркой до самой двери.

— Собаки не ошибаются, не ошибаются,—бурчал себе под нос инженер Молчанов.

На лестнице Валерка столкнулся с Юрой Хлопотовым.

— Что, еще не ушел?

— Да я из-за собаки.

— А-а... Снегирь, знаешь, что я придумал? Ведь можно ничего не бросать, понял? Можно вылезти на крышу и на веревке спустить ей все!

— Она не голодная.

— Не голодная? Я так и знал! Слушай, Снегирь, по-моему, тут не все чисто. Мы должны провести глубокую разведку, все разузнать. И предотвратить! А если не успеем предотвратить, то раскроем! Даже лучше, а?

— Не надо ничего раскрывать. Она просто гулять хочет.

— Откуда знаешь?

— Зашел и спросил. И гулять с ней буду. С завтрашнего дня.

— Зашел и спросил? Спроси-ил... Скучный ты человек, Снегирь!

Не часто сегодня школьники встречаются с верующими сверстниками. Не каждый день пионерам приходится решать труднейшую задачу: как повести себя с ребятами, которые верят в бога? Как помочь им перейти из мира ложных представлений, где о смерти думают больше, чем о жизни, в мир радостный, светлый, переполненный смехом и шумными играми?

Но все же с такими проблемами ребята сталкиваются. И об этом наш разговор.

И. АНДРИАНОВА

Тихая Люда

Фотографии В. МАШАТИНА.

Началось все в первом классе.

Люду посадили у окна, на котором стоял старый столетник с мясистыми, тяжелыми листьями. Его поливали каждый день, и Люда иногда видела, что он не хочет пить воду и тяжело вздыхает. «Может, он заболел? — думала Люда.— Старенькие всегда болеют». На перемене, стараясь, чтобы никто не заметил, что она делает, Люда брала лейку и выливала в нее воду из блюдца, стоявшего под горшком.

Тогда, ей казалось, столетник благодарно вздрагивал листьями и словно говорил Люде: «Ничего, еще продержимся. Спасибо, девочка». Этому столетнику, наверное, уже было лет двести.

...Люду в классе не замечали. Она была тихоней и никак не могла ни с кем подружиться. Нравилась ей Марина, девчонка в рыжих кудряшках, со смелыми глазами. Вот с кем, наверное, хорошо и надежно! Но однажды Марина при всех сказала: «Людка, а что ты в черном платье ходишь, как монашка?»

Этот вопрос хлестнул Люду больно, и она чуть не заплакала. И повернула голову к окну. Добрый столетник кивал Люде: «Ничего, терпи».

Но ребята запомнили Маринино обидное слово и теперь всегда кричали: «Монашка! Монашка!»

Дома Люда плакала, и мать, увидев ее в слезах, спросила ровным голосом: «Что с тобой?» «Мама, я

хочу коричневое платье, а не черное!» «Хорошо, в следующем году я сошью тебе коричневое, а это придется доносить».

Целый год слышать «Монашка! Монашка!»! Люда заплакала еще отчаяннее. «Пойдем сегодня со мной. Тебе легче будет»,— сказала мать. И Люда согласилась.

Там, куда Люду привела мать, стояли простые деревянные скамейки, на них сидели мужчины и женщины — многие в черном, никто не смеялся над ними за это. Люди сидели, тихо молились, пели. И вообще настроение Люды здесь быстро успокоилось, изменилось. Люде понравилось приходить в молитвенный дом.

...Однажды Марина увидела, как Люда выливает воду из блюдца в лейку, и закричала: «Монашка! Что ты делаешь?» Тут же вокруг столпились ребята, загалдели: «Она цветок хочет убить! Сама за ним не ухаживает, а портит! Отберите столетник у монашки!»

И ребята схватили горшок, начали совать его друг другу. Старый столетник не успевал удерживать равновесие. Люда видела, что он не хотел уходить от нее, ему нравилось стоять на окне и беседовать с нею. Он потянулся изо всех сил к Люде и... сломался.

Весь урок из сломанного стебля катился сок, как слезы. А перед самым звонком столетник умер.

Люда стала еще тише, еще незаметнее. Теперь она боялась даже посмотреть на окно, где раньше стоял столетник — единственный друг. Теперь ее все больше раздражали ребята: их крик, беготня на переменках, их бойкость и бесконечная веселость. Теперь она ненавидела Марину — классную заводилу.

И все больше и больше Люда втягивалась в жизнь тихого дома, куда ходила с матерью почти каждый день. Она знала, что ее родители называются баптистами, и те, кто, сидя на деревянных скамейках, мирно беседуют, тоже баптисты. Эти тихие люди рассказывали ей о боге.

...В третьем классе ребята стали готовиться к вступлению в пионеры. Для всех это было серьезным событием. С замиранием сердца каждый учил Торжественное обещание, старательно исправлял случайные двойки. Дружно выходили ребята на сборы металлолома и макулатуры. Каждый хотел, чтобы галстук ему повязали не зря.

Люда не участвовала в делах класса. Она спешила домой, чтобы готовить быстро уроки и идти с родителями в тихий дом. Все остальное не волновало ее. Она даже не обижалась на тех, кто обзывал ее, и больше не плакала.

Накануне дня приема в пионеры бойкая Марина остановила Люду в коридоре и протараторила: «Выучи Торжественное обещание и не забудь надеть белый фартук завтра. Мы все-таки решили принять тебя в пионеры. Как всех». Люда промолчала и пошла прочь.

В тот день солнце ломилось в окна. И актовый зал был праздничным, теплым, золотым. Ребята выстроились перед всей дружиной, произнесли слова Торжественного обещания. Подошли к Люде. Пел горн, стучал барабан. И вдруг Люда твердо сказала: «Нет. Мне не надо. Я не хочу, как все».

На всю жизнь запомнила Люда удивленные, растерянные лица ребят, недоуменные глаза девочки из совета дружины и ее опустившиеся руки с выглаженным, в золотых искорках галстуком...

Разозленная Марина вбежала в класс и набросилась на Люду: «Ты меня подвела! Подвела! Мне поручили подготовить тебя! А ты! Ты! Не хотела я говорить, но пусть теперь все знают: ты в бога веришь! Ты верующая! Поэтому не захотела вступить в пионеры!»

Пионерский отряд решил бороться с Людкой-верующей...

Теперь еще краше и лучше казалось Люде в молитвенном доме. После напряженных часов в школе, когда каждый тыкал в нее пальцем, когда никто не разговаривал с ней спокойно, а кричал или ехидничал, она рвалась птицей на улицу. Скорее домой! Скорее делать уроки! Скорее к добрым людям! К богу!

У ребят не было никакого опыта в сложной, тонкой ситуации. Они не пошли посоветоваться со взрослыми. Они решили, что Люда исправится, если все будет делать, как они.

Когда начался первый отрядный сбор, Люда встала, собрала учебники и ушла. Марина — ее выбрали председателем — закричала вслед: «Эй, ты куда?» Но дверь уже захлопнулась... А на втором сборе состоялся у ребят с Людой такой разговор. Она, как и в прошлый раз, встала, чтобы уйти. Двое мальчишек молча загородили дверь. «Пустите»,— тихо попросила она. «Чего это?» «Я же не пионерка». «Ну и что,— ответили ребята.— Ты же наша, с нами учишься. Значит, должна остаться». И Люда осталась. На других сборах тоже присутствовала. И пока ребята с жаром обсуждали свои проблемы, смеялись, придумывали планы дальнейшей работы, отчитывались за проделанное, сидела с безучастным лицом...

Учительница посоветовала ребятам выбрать Люду классным библиотекарем. То есть таким человеком, который постоянно связан со школьной библиотекой. Он следит, чтобы все сдавали и брали книги вовремя, делает на классных часах обзоры о книжных новинках.

Люда пошла в библиотеку. Библиотекарь, заполняя карточку читателя, спрашивала: «Имя? Фамилия? Класс? Пионерка?» Люда на последний вопрос ответила громко: «Нет, не пионерка». Библиотекарь удивилась: «Так кто же ты?» «Я — баптистка».

Это уже было заявление, это уже была позиция. Пусть все знают, что она и одна может прожить, что ей не нужны друзья...

Люда со своим поручением справлялась. Часто стали ее видеть с книжкой в руках: сидит в уголке на перемене, прядь на палец накручивает, читает. И вот тогда пионерский отряд решил: ЧАС НАСТАЛ, фундамент для Людиного перевоспитания заложен, Люда должна подготовить доклад о суевериях. И Люда подготовила его, выступила на классном часе. Только лицо ее было бесстрастно. «Ничего, ничего,— думали ребята.— Главное, подготовила». Но это, как оказалось, было не главное: баптисты не суеверны. Вечером Люда пошла в тихий дом и в который раз заметила, что душа ее спокойна и чиста, как вода в колодце.

Шло время. Люда была все такой же тихой девочкой, и ребята решили: может, у нее характер такой, спокойный. Может, зря они напряженно разговаривают с ней? Никому она зла

не делает и на отрядных мероприятиях стала появляться.

А тут как раз и лето подошло, Людин класс решили послать в летний трудовой лагерь — помочь подшефному совхозу. В этот трудовой лагерь принимали только тех, кто принес разрешение от родителей: мол, не возражают. Принесла такое заявление и Люда. Все удивились, а Марина подошла и похвалила: «Молодец, Людка! Мы всегда в тебя верили». И никто опять не спросил Люду, почему она едет в лагерь вместе со всеми.

А дело-то было в том, что Людины родители уезжали на месяц в другой город: там тяжело болела родственница...

Летом Люде хорошо жилось и дышалось. Кругом все зелено, яркие цветы, аисты, как прекрасные корабли, летают в чистом небе. Летом идут славные, чистые дожди, и можно в стогу поваляться вечером, долго смотреть на крупные сиреневые звезды. Летом мир необыкновенно живой и чудесный. И Люда пела песни у костра вместе со всеми, участвовала в конкурсах, в обсуждениях пионерских газет и журналов, работала на полях. И от того, что перестали к ней лезть с поручениями, расспросами, участием, жилось ей в трудовом лагере легче, лучше, чем в школе.

И еще — стала замечать Люда — хорошо ей и потому, что нет рядом баптистов, которые все время предостерегали: это — нельзя, это — грех, за это — бог накажет.

Она вспомнила молитвенный дом, его посетителей, тихих людей с внимательными глазами, долгие сидения на жестких лавках, долгие молитвы, долгие песни на религиозные темы. И однажды Люда подумала, что баптисты не такие уж хорошие люди: говорят о добре к ближнему, а сами думают — на том свете бог все вернет мне сторицей. И живут они серой, однообразной жизнью, каждый спасает только свою душу.

Люда с болью вспоминала родителей: они редко улыбались, никогда не ходили в кино и ей запрещали, в гости к ним ходили только баптисты. Всегда в их доме было тихо, жизнь текла медленно, как вода в мелеющей реке. Теперь Люде казалось, что от тишины в родительском доме было холодно, неуютно...

От этих мыслей Люде становилось страшно.

А вокруг царствовало лето. Оно шло по теплой, доброй земле в короне нежных цветов. Из-под ног его выпархивали птицы и бабочки. Горячее солнце жило в ярком шелковом небе. И Люда, отгоняя от себя мрачные мысли, радовалась. А потом удивлялась: какое сильное, какое прекрасное чувство — радость жизни. Будто полет птицы.

И, впервые ощущая себя спокойной, счастливой, Люда думала, что великолепное лето может длиться целую жизнь. Жизнь, в которой все будет само собой отлично складываться и не надо думать, почему без баптистов, оказывается, лучше, почему их запреты раздражают, почему простенькое, обычное лето затмило молитвенный дом...

Но за все хорошее в жизни надо бороться, ничто само собой не происходит. А Люда боялась думать, а значит, боялась бороться.

...А Марина украдкой, чтобы Люда не слышала, говорила подругам: «Вот видите, как она перевоспиталась! Моя работа! Наша работа! Давайте ее в хор пригласим». И девчонки согласились.

Хор был гордостью школы. Пели в нем ребята увлеченные, с хорошими голосами. И в сентябре хор начал готовиться к городскому слету хоров.

На первой репетиции учитель пения попросил Люду что-нибудь спеть. Стояла осень, за окнами летели желтые, сморщенные листья. И вообще было грустное настроение. А Люда вдруг вспомнила лето: звезды, стога сена, теплую, влажную землю в поле — и запела любимую песню «Беловежская пуща»... Когда она закончила петь, учитель пения взволнованно сказал: «Ребята, поздравляю вас с новой солисткой! Браво, Люда!»

Каждый день после уроков хор собирался в актовом зале, и чистый Людин голос летел под высоким потолком. Ее пение приходили слушать даже ребята из других классов. Никто не сомневался, что теперь школьный хор завоюет призовое место.

...На первое выступление в городе Люда не пришла. Потом, сколько ребята ни настаивали, сколько учитель пения ни уговаривал, Люда молчала, опустив глаза. Вскоре к классному руководителю пришла Людина мать, маленькая темнолицая женщина, и попросила: «Вы уж не заставляйте дочку в городе петь. Нельзя нам на людях».

Люда слышала, что сказала мать. Сердце вдруг сжалось. Но Люда не могла не подчиниться. Хотя после лета посещение молитвенного дома не приносило прежнего облегчения...

Стояла осень. Падали листья. После школы Люда, как всегда, пошла в молитвенный дом.

Светофор на перекрестке зажег красный свет, и Люда остановилась. Она случайно посмотрела в переулок, по которому никогда не ходила.

Там бегали по оранжевым холодным листьям дети, и янтарный густой свет заливал переулок, и прыгал по мостовой малиновый мяч, и в каждом окошке стояла веселая герань...

Светофор мигнул зеленым глазом. Путь для Люды был открыт.

Рассказ журналиста комментирует заведующий сектором атеистического воспитания Республиканской детской библиотеки РСФСР М. А. БРОДСКИЙ.

Эту историю мы с журналистом Ириной Андриановой услышали, когда ездили по Гродненской области, знакомились с работой школьных атеистических кружков. Нам захотелось рассказать ее вам не для того, чтобы через журнал осудить одноклассников Люды, и не для того, чтобы написать, что не все еще хорошо в атеистической работе Гродненской области. Нет, гродненские комсомольцы и пионеры организовали немало интересных и хороших атеистических кружков. Но это — тема другого разговора. Эту историю мы рассказали, чтобы вместе с вами подумать:

Почему Люда осталась в стороне от пионерского отряда?

Почему Люде и ее одноклассникам не удалось понять друг друга?

А главное — как вам, пионерам, общаться с детьми из семей верующих?

Ребята приняли **неправильное решение:** с Людой-верующей бороться. Это была их первая и главная ошибка. **Бороться надо не с верующими, а с верой.** Не с человеком, а с заблуждениями человека.

Кто захочет дружить с тем, кто его дразнит, кто над ним смеется? Вот и Люда не смогла подружиться с одноклассниками, чувствуя их неприязнь. А если нет дружбы, нет сочувствия и понимания между людьми, то и не может между ними быть разговора на сокровенные темы: кто как понимает мир, кто во что верит, кто чего боится...

Можно увлечь друга радиотехникой, если сам не отличаешь диод от сопротивления? Странный вопрос, скажете вы. А убедить одноклассника из семьи верующих, почему правы мы, атеисты, а не верующие, если не знаешь, что такое религия, можно? **Для борьбы с верой нужны знания.** Если рядом с вами учатся дети из семей верующих и вы хотите рассказать им о своих атеистических представлениях, к такому разговору надо подготовиться. Невежество — плохой помощник в любом деле. Обязательно посоветуйтесь со взрослыми. Почитайте книги, написанные специально для ребят: «Жестокий путь» — автор Е. Андреева, «От рождества Христова» и «Мнимое братство» — автор А. Белов, «Книга юного атеиста» и другие.

Конечно, часто ребятам не хватает знаний, чтобы говорить с верующими о религии. Тогда они могут применить другое, очень сильное оружие для борьбы с верой: **доброе, внимательное, заботливое отношение к верующим ровесникам.**

Церковь призывает подростка молиться, думать о наказаниях за совершенные грехи, готовиться к загробной жизни. Родители — религиозные фанатики запрещают своим детям играть с ровесниками, ходить в кино, смеяться и просто радоваться жизни. А вы постарайтесь этому миру мрачных, темных красок противопоставить мир другой: светлый, радостный, добрый, бескорыстный. Верующий человек не делает зла, потому что так угодно богу, делает добро, потому что считает: за это ему «воздастся» на «том свете». А вы своим собственным примером покажите подростку из верующей семьи, что атеисты делают добро не потому, что боятся наказаний или ждут похвалы, а бескорыстно, потому, что это доставляет им радость.

Зовите ребят из религиозных семей в свои игры, не лишайте их в классе общественного поручения, убедите их вступить в пионеры, быть среди друзей, станьте им добрыми товарищами.

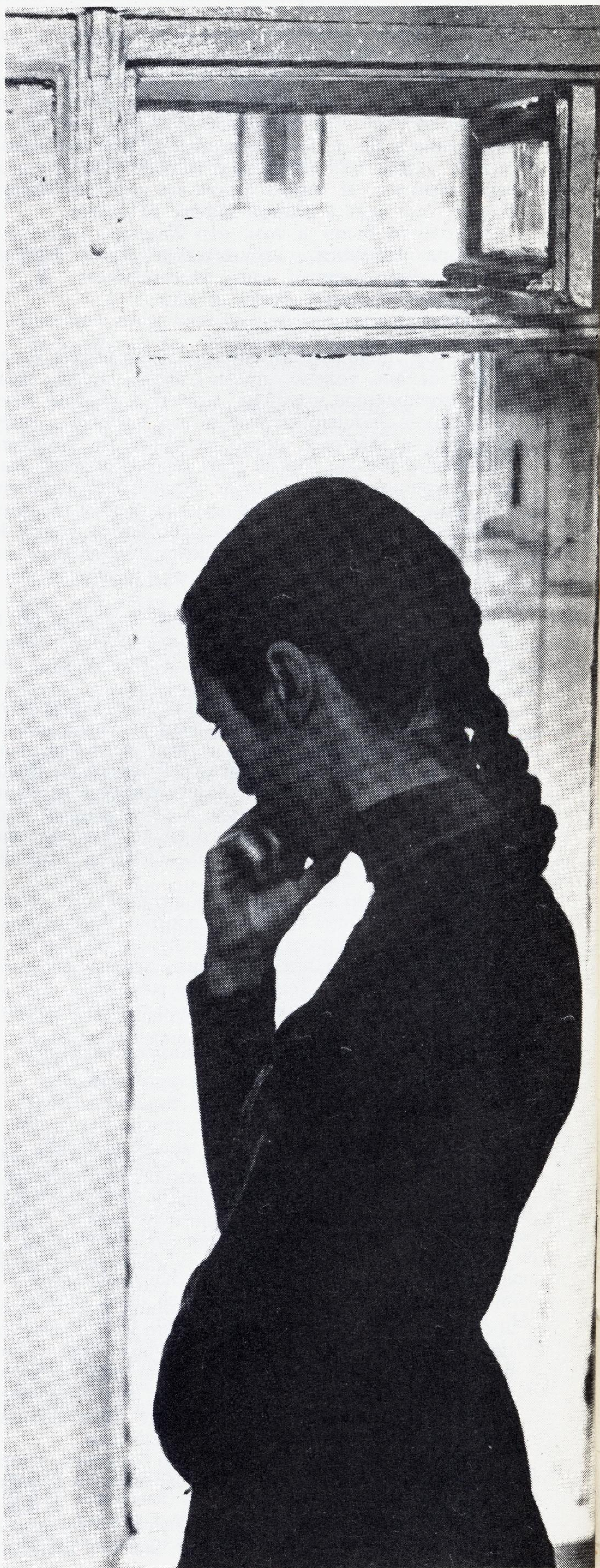
В июне прошлого года на Пленуме Коммунистической партии Советского Союза говорилось, что надо шире вовлекать верующих в общественную работу. Это относится не только к коммунистам, но и к комсомольцам и к пионерам. К вам, ребята.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Есть у вас в классе дети из семей верующих? Как складываются с ними ваши отношения?

Работает ли у вас в школе атеистический кружок? Расскажите подробно о его занятиях, с какими трудностями и проблемами вы сталкиваетесь?

Ждем ваших писем, чтобы продолжить разговор о работе юных атеистов.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Трехцветное знамя ГДР («триколор»), как и многие другие знамена европейских государств, появилось в XIX веке. «Биография» знамени начинается в эпоху наполеоновских войн. Германия тогда была раздроблена почти на две сотни мелких феодальных государств, каждое из которых имело свой собственный флаг. В те годы лучшие люди Германии боролись против раздробленности. Эта борьба особенно обострилась после 1806 года, когда часть германских государств захватили войска Наполеона. Фридрих Энгельс так писал о том времени: «В Пруссии поднялся весь народ, принудивший трусливого короля Фридриха-Вильгельма III к войне против Наполеона».

После революции 1848 года государственным флагом Германии становится черно-красно-золотой «триколор». Германские патриоты объясняли так цвета знамени: черный — мрачная ночь реакции, красный — кровь борцов, золотой (желтый) — цвет свободы, которая непременно придет в Германию.

В последующие годы реакционные силы добились пересмотра этого флага на другой — черно-бело-красный. Черно-белые цвета нового флага происходили от знамен крестоносцев и прусских королей, а красная полоса была выбрана как цвет, преобладающий на средневековых флагах северогерманских городов. Новый флаг стал олицетворением германского милитаризма.

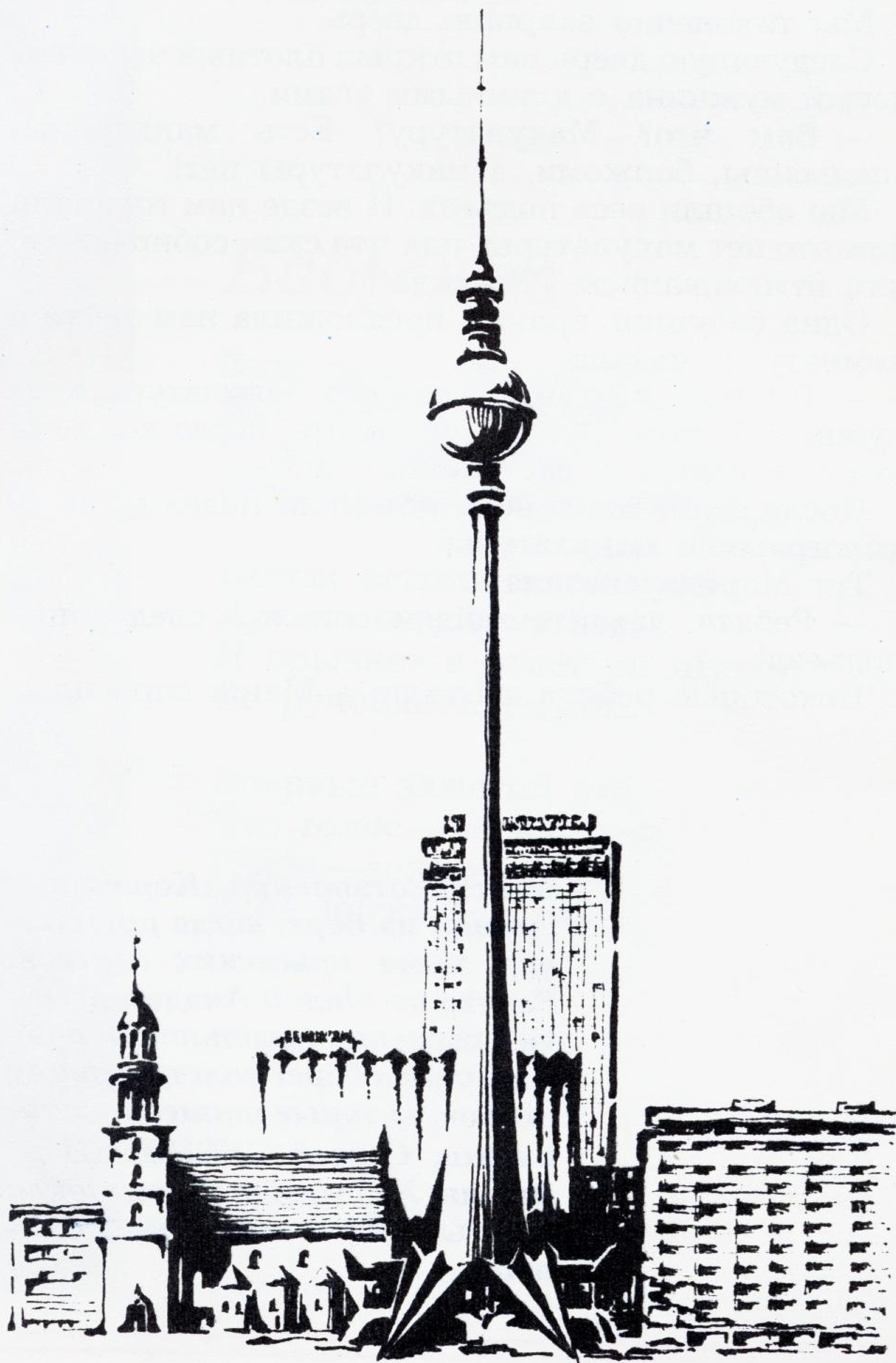
Революция 1919 года вернула черно-красно-золотой «триколор» и его символику.

В 1933 году к власти в Германии пришли фашисты, и в 1935 году над страной нависло знамя с черной свастикой.

После победы над фашизмом в 1945 году 7 октября 1949 года образовалась ГДР, первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян. И вновь возродился черно-красно-золотой «триколор» с гербом республики. Цвета флага символизируют: черный — мрачное прошлое немецкого народа, красный — память о павших борцах за свободу, золотой (желтый) — грядущую эру коммунизма.

Герб ГДР представляет собой перекрещенные молот (символ рабочего класса) и циркуль (символ интеллигенции) в обрамлении пшеничных колосьев (символ крестьянства). Колосья перевиты лентой «триколора».

И. КУРКОВ

Анжела СТРАШНА́Я — москвичка. Недавно ей исполнилось 12 лет, она учится... Нет, не так-то просто сказать, где учится Анжела! Прежде всего, разумеется, в обычной, общеобразовательной школе — в школе № 715, в 5-м классе «А». Во-вторых, в музыкальной, в школе имени Дунаевского, по классу скрипки. В-третьих, посещает литературный кружок Дома пионеров Фрунзенского района. В-четвертых и в-пятых, занимается с мамой художественной гимнастикой и верховой ездой. Родители Анжелы работают в цирке, и ей самой посчастливилось два раза выступать на манеже.

Анжела сочинила много рассказов, один из них «Кораблик» принял на борт.

Взаимная выручка

Поручили нам в школе собрать макулатуру. Рома предложил:

— Ребята, я знаю один двенадцатиэтажный дом. Пойдем туда, за полчаса наберем 20 килограммов! Еще и на хоккей успеем.

И мы пошли. Поднялись на самый последний этаж, позвонили в дверь. Открыл лысоватый мужчина. Таня вежливо спросила:

— Извините, у вас не найдется макулатуры?

— Найдется, — улыбнувшись, проговорил мужчина и пошел вглубь квартиры.

Вдруг оттуда послышался крик:

— Что ты делаешь? У нас скоро ремонт! Чем мы будем стены обклеивать?! Нет у нас макулатуры! Нет!

Мы тихонечко закрыли дверь.

Следующую дверь нам открыл плотный черноволосый мужчина с длинными усами.

— Вам что? Макулатуру? Есть мандарины, апельсины, боржоми, а макулатуры нет!

Мы обошли весь подъезд. И везде нам говорили или что нет макулатуры, или что сами собирают ее, или отмахивались: «Некогда!»

Одна бабушка, правда, предложила нам зайти в комнату и сказала:

— Ребятки, я не знаю, где у них макулатура, а где нужные бумаги. Вы уж приходите, когда все дома будут, а сейчас я вас чайком напою.

После этого мы совсем потеряли надежду на 20 килограммов макулатуры.

Тут Марина сказала:

— Ребята, давайте зайдем еще и в следующий подъезд!

Некоторые ребята заохали, а Маша спросила:

— Для чего?

— Уж очень интересные звонки, — сказала Марина. Все засмеялись, а Сережа, улыбаясь, сказал:

— А что — пойдем!

Слушать звонки было действительно интересно. Некоторые из них были музыкальные, а некоторые — обыкновенные. Одни звенели, как колокольчики, другие рассыпались, как трель соловья. Только макулатуры все равно нигде не было.

И вот мы подошли к дверям квартиры 99. Последняя дверь. Неужели и тут не повезет? Вместе с нами из лифта вышел малыш. Совсем маленький.

— Позвоните, пожалуйста, в девяносто девятую, — вежливо попросил он и почему-то покраснел. — Я не могу дотянуться до звонка.

Пока мы звонили, он счищал грязь с разбитых носков своих сапожек.

Наконец дверь открыла бабушка.

— Это вы позвонили за моего внука? — спросила она. И, не дождавшись ответа, сказала: — Вот спасибо, ребята! А то Тимур все сапожками по двери стучит, совсем обувь разбил... Скажите, а может быть, вам что-нибудь нужно? Говорите, говорите, не стесняйтесь. Вижу, лица у вас какие-то расстроенные...

И мы рассказали Тимуркиной бабушке о своей беде.

И тогда она сказала:

— Вы как раз подоспели вовремя — у нас скопилось не то что 20, целых 40 килограммов макулатуры. Где у Тимурки силы тащить ее одному...

И мы всей командой, во главе с Тимуром, отнесли в школу не 20, нет, нет, а целых 40 килограммов макулатуры.

Эти стихотворения «Кораблик» принял на борт, когда проплывал мимо крымских берегов. Ребята из Малой Академии наук крымских школьников притащили на берег толстую пачку стихов, которые написал их товарищ, Сергей СУББОТИН из школы № 5 города Сочи, юнкор газеты «Крымский комсомолец».

Маме

Морщинки эти, мама...
Дай прикоснусь губами
Ко всем шероховатым,
Косым изломам кожи.
Я, словно заклинаньем,
Сыновними словами
Дохну в них — и морщинки
Разгладятся, быть может.

Отчая тишина

Мне страшно было бы в другой
Какой-нибудь стране,
Там даже камни под ногой,
И те чужие мне.

Там даже ветер и мороз
Иные, чем у нас.
А здесь от кленов и берез
Не отведу я глаз.

А здесь, как выйду поутру,
Такая тишина
Со мною в поле и в бору,
Что вся Земля слышна.

И так мне хочется порой
Обнять мой шар земной
И поделиться с детворой,
Как хлебом, тишиной.

Стихи

Стихи приходят ночью,
Как звездное сиянье,
Когда утихнут шумы
И с моря смолкнет гул.
Стихи приходят ночью,
И в шепоте признанья
Я так боюсь, чтоб кто-то
Во сне их не спугнул.

Ночью

Мой дом по ночам
Полон жизнью иной,
Загадочной, смутной, нездешней.
И сны мои в прятки
Играют со мной,
И я озираюсь поспешно.
И страшно мне вдруг
И тревожно дышать,
Покинула сердце беспечность:
В межзвездный корабль
Превратилась кровать,
И взгляд обожгла
Бесконечность...

Бабушка

Задремлет, уронит руки,
Как листья осенний клен,
И носом до самой юбки
Отвесит земной поклон.

Потом встрепенется чутко,
Лукаво осмотрит всех,
И брызнет в ответ на шутку
Ее ручейковый смех.

Впервые заметил это,
Что голос — весна сама,
Глаза — зеленее лета,
А на висках — зима.

Я — ПИОНЕРКА».

Наташа ПЕТРОВА, 12 лет.

Дорогие читатели! В прошлом году редакция нашего журнала получила более пятидесяти тысяч писем. Письма разные — ответы на викторину «Великие битвы 1943 года», сообщения во Всесоюзный штаб Тимура, в рубрику «Отряд говорит с отрядом», вопросы в «Международный пресс-центр «Пионера». Среди редакционной почты было и очень много писем с вашими стихами, рассказами. Вы спрашивали, как стать поэтом, писателем. На эту большую почту отвечает Григорий Горин. Его имя появилось в журнале «Пионер», когда он сам еще носил красный галстук. Прочитайте его рассказ о том, как он начал писать.

Гр. ГОРИН

УРОКИ АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Сочинять я начал рано — лет в пять. А может, и раньше. Мне кажется, что и в грудном возрасте я тоже что-то сочинял. Ведь условия для творчества, если вдуматься, были отличные: покормили, запеленали, уложили в колыбель. Смотришь в потолок, и в голову лезут разные художественные образы... Жаль записать нельзя, да и высказать трудно... «Уа-уа!» Вот и все, что осталось от этого моего самого раннего творческого периода.

Зато в пять лет я стал сочинять стихи. И наставником в поэзии стал мой сосед по квартире Алексей Васильевич Хметевский. Он не был поэтом или журналистом. Он был демобилизованный по ранению сержант. И образование у него было неполное среднее... И все-таки именно он научил меня основам творчества. Об этих уроках я и хочу вам рассказать, ребята...

УРОК ПЕРВЫЙ. Итак, мне было пять лет. Стоял май 1945 года. Я сидел у окна и смотрел на улицу. А надо сказать, что окно нашей комнаты располагалось совсем низко, так что из окна я наблюдал в основном обувь проходящих людей. Обувь была неважнецкая. Война шла к концу, но быт еще был военным... Так что мимо окон проходили в основном сапоги и стоптанные башмаки... И проходили эти сапоги и башмаки быстро — их хозяева спешили по делам.

А в это утро, помню, они задвигались как-то по-особенному. Просто понеслись куда-то... А одни сапоги остановились прямо у моего окна и... затанцевали! Честное слово!! Я так удивился, что приоткрыл окно и выглянул. Прямо перед моим окном танцевал солдат. Немолодой солдат в старых сапогах. Заметив меня, он на секунду остановился, подмигнул мне и закричал: «Победа, пацан!» И снова затанцевал...

Пыль полетела ко мне в открытое окно, но я не огорчался. Потому что, несмотря на свои пять лет, я тоже понимал, что такое Победа. Я понимал, что наступил мир и скоро вернется с фронта отец!!

Я хорошо помню, что тоже запрыгал от радости и закричал: «Ура! Мы победили! С победой всех! Ура! Мы празднуем победу средь нашего двора!!!»

И тут я понял, что сами собой получились стихи... Это меня так поразило, что я захотел немедленно прочитать их кому-нибудь. Я побежал к нашему соседу Алексею Васильевичу Хметевскому. Это был пожилой человек. И жил он совсем один, потому что вся его семья пропала без вести...

— Алексей Васильевич! — закричал я. — Я стих написал.

— Ну-ка? Прочти! — сказал он и снисходительно улыбнулся. — Послушаем!

Ура! Мы победили!
С победой всех! Ура!
Мы празднуем победу
Средь нашего двора!!!

Алексей Васильевич вздрогнул, изумленно посмотрел на меня и включил радио. Передавали сообщение о капитуляции Германии. Тогда Алексей Васильевич опустился на стул и заплакал. Я очень этому удивился и спросил:

— Чего вы, Алексей Васильевич?!!

Сосед погладил меня по голове и смущенно сказал:

— Очень хороший стих у тебя, Григорий!! Самый лучший, какой слышал...

Это был мой первый поэтический успех. Вспоминая о нем, я и сейчас делаю для себя очень важный вывод:
ПИСАТЬ НАДО ЛИШЬ О ТОМ, ЧТО ТЕБЯ ВЗВОЛНОВАЛО. А УСПЕХ К НАПИСАННОМУ ПРИДЕТ ЛИШЬ ТОГДА, КОГДА ТО, ЧТО ВОЛНУЕТ ТЕБЯ, ВОЛНУЕТ И ДРУГИХ ЛЮДЕЙ...

УРОК ВТОРОЙ. После моего первого поэтического триумфа сосед подарил мне красивый альбом. Он так и назывался: «Альбом для стихов». Листы были белые, плотные. Каждая страничка была оформлена цветочками.

— На! Сочиняй! — сказал мне Алексей Васильевич. — А я буду записывать...

— А про что сочинять?

— А про все, что увидишь...

Я взял альбом под мышку и пошел во двор искать тему для стихов. Первое, что я увидел, была яма. Огромная яма, заполненная водой, — она осталась еще от строителей, которые проводили в наш дом газ. Я долго стоял на краю ямы, размышляя, а затем укладывая эти размышления в рифму. Это было нелегко, у меня даже закружилась голова, и я чуть не свалился в эту яму... Но все-таки стихи наконец получились, и я побежал к Алексею Васильевичу...

Во дворе у нас есть яма!
Спотыкнешься!
Р-раз — и тама!!!
Кто в ту яму попадет,
Заболеет и умрет.
Я лопату в руки взял
И всю яму закопал!!!

Я выпалил это стихотворение на одном дыхании. Алексей Васильевич его внимательно выслушал, потом спросил:

— Ты ее, что, правда, закопал?!

— Нет, — сказал я. — Она большая...

— Зачем же придумал?

— Вы же сказали...— сочиняй!

— Я сказал «сочиняй», а не — «ври»!! — строго сказал Алексей Васильевич.— Давай две последние строчки в твоем стихе выкинем...

Он взял у меня альбом, сел за стол и записал первую часть стихотворения. Потом прочитал его вслух. Стих кончался на мрачном предчувствии «заболеет и умрет» и производил жуткое впечатление...

Алексей Васильевич вздохнул и пошел в сарай за лопатой...

Мы закапывали яму до самой темноты. До тех пор, пока не пришла моя испуганная мама. Тогда мы вернулись домой, и Алексей Васильевич взял в руки альбом.

— Теперь и записать не стыдно!— сказал он.— Как там у тебя? «Я лопату в руки взял и всю яму закопал!»

— Нет,— сказал я.— Это тоже вранье... Мы же с вами вместе были.

— Верно!— согласился он.

Мы еще посовещались и наконец утвердили окончательную редакцию последних строк:

Мы с Алексей Васильевичем
лопаты в руки взяли
И почти всю яму закопали...

Это был мой второй поэтический урок. Я понял, ЧТО В ИСКУССТВЕ ГЛАВНОЕ — НЕ ВРАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ИЗ-ЗА ЭТОГО ПРИДЕТСЯ КОПАТЬ ДО ТЕМНОТЫ...

ТРЕТИЙ УРОК. А потом у меня началась просто какая-то стихотворная лихорадка. Я рифмовал все, что видел вокруг...

«Вот посреди стены окно. Глядит на улицу оно» или «Вот в коридор открылась дверь. Она скрипит, как лютый зверь». Или «В подъезде лампочка горит. Покуда не перегорит...»

Каждые двадцать минут я бегал к соседу и требовал, чтобы он записал очередной мой шедевр в альбом. Алексей Васильевич внимательно выслушивал каждое мое стихотворение и, вздохнув, записывал. Когда альбом был уже заполнен наполовину, он сказал:

— Слушай, Григорий, это ж не инвентарная книга, а альбом! Необязательно все, что видишь, описывать... Надо чего-то и домысливать... Ведь это стихи, брат! А стихи это...— Он не знал, как объяснить, и только щелкнул пальцами...

Я поразмышлял над его словами и через полчаса пришел к нему с новым произведением:

Вот стол стоит,
А рядом — стул,
А рядом — табурет.
А рядом не стоит диван
И пианино нет!!

Мне казалось, я выполнил в точности все указания Алексея Васильевича: частично описал действительный мир (стол, стул, табурет), частично домыслил отсутствующие диван и пианино...

Однако сосед явно не получал от этого эстетического наслаждения. Он внимательно посмотрел на меня, вздохнул и записал стих в альбом.

После этого он записывал и все последующие стихи. Писал молча, без комментариев, но и без явного удовольствия. А я сочинял и сочинял! Мне хотелось скорей заполнить весь альбом...

Однако, когда в альбоме осталась последняя страничка и я, торопясь, выкрикивал: «Вот голубь мира пролетел, на ветку дерева он сел...»— Алексей Васильевич вдруг отложил ручку.

— Нет, Григорий, — сказал он.— Не трогай голубя, пусть летит дальше... И давай эту последнюю страничку губить не будем. Пригодится еще...— Он вырвал чистый лист из альбома и протянул мне.— На! Пусть пока полежит... Здесь **самое важное** запишешь...

Это был третий урок. Альбом со стихами давно потерян, а чистая страница до сих пор хранится у меня в письменном столе.

Много я потом написал и стихов, и рассказов, и басен, и пьес, и сценариев, но ту чистую страничку я до сих пор не заполнил... Уроки Алексея Васильевича продолжаются, ибо САМОЕ ВАЖНОЕ В ИСКУССТВЕ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Андрей МАКСИМОВ

„Тихий пламень чувства"

Небо было черным, словно дремучая чаща. По тротуарам Петербурга, как по горным склонам, бурля и негодуя, неслась вода. Наводнение в северной столице не редкость, но такого не помнили даже старожилы.

Потом это наводнение, 7 ноября 1824 года, войдет в историю как самое страшное в Петербурге. Потом подсчитают жертвы и выяснится, что погибло полторы тысячи человек. Но это все—потом...

А пока лейб-гвардии конного полка корнет князь Александр Иванович Одоевский бежит по колено в воде, чтобы спасти попавшего в беду человека. Когда бежать становится невозможно, он бросается в воду и плывет.

Это было правилом Александра Одоевского—забывать о собственной жизни, когда речь шла о жизни чужой. А человека, которого спас Одоевский, звали Александр Сергеевич Грибоедов, и был он автор известной комедии «Горе от ума».

Пройдет год с небольшим после наводнения, и 14 декабря 1825 года Александр Одоевский выйдет на Сенатскую площадь. Выйдет, как в воду бросится, осознавая прекрасно, что восстание обречено на неудачу. Накануне 14 декабря на квартире Рылеева он воскликнул: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» СЛАВНО умереть—значило для него умереть ВО СЛАВУ России. Мы не можем сказать, что Одоевский так же хорошо понимал значение движения, как, скажем, Пестель или Муравьев-Апостол. Но и он ощущал необходимость выступления. На том же собрании на квартире Рылеева Одоевский сказал еще одну знаменитую фразу: «О нас еще в истории страницы напишут».

Так кто же он был, этот человек, который, не раздумывая, бросился в воду спасать друга? Кто был этот романтик, с улыбкой идущий на смерть? Кто был этот поэт, самый значительный, наряду с Кондратием Федоровичем Рылеевым, поэт-декабрист?..

Александр Иванович Одоевский родился 26 ноября 1802 года в знатной дворянской семье. Его отец, Иван Сергеевич, генерал-майор, был адъютантом одного из крупнейших политических деятелей своего времени, князя Потемкина.

Александра готовили к гражданской карьере: в тринадцать лет он уже был записан канцеляристом в «Кабинет его величества». Но не об этом мечтал молодой Одоевский—он мечтал наполнять свою жизнь высоким смыслом. Недаром завидовал офицерам 1812 года, еще совсем недавно вернувшимся в Россию из поверженной Франции!

По примеру блестящих сынов 1812 года Александр Одоевский стал офицером: восемнадцатилетним юношей вступил в лейб-гвардии конный полк. Но очень скоро понял: на воинском поприще он, может быть, и добудет славу себе—себе, но не России.

Одоевский той поры—это красивый, веселый, остроумный молодой человек. Он был всеобщим любимцем. Его приглашали в раз-

В конце 1837 года сосланный на Кавказ поэт Александр Одоевский познакомился с сосланным на Кавказ поэтом Михаилом Лермонтовым. К этому времени относится акварельный портрет Одоевского, написанный Лермонтовым.

ные дома, знали: если будет Одоевский — не будет скуки. А ему самому было там скучно... В одном из своих стихотворений светский бал изображает он как сборище мертвецов:

Сплотясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали...

Только познакомившись с декабристами и людьми их круга, Одоевский понял, что здесь найдет то, что искал.

На квартире Одоевского переписывалась от руки комедия Александра Грибоедова «Горе от ума». Цензура запрещала ее печатать, но в рукописи комедия быстро разошлась.

Одоевский вчитывался в комедию. Вслушивался в разговоры друзей. Может быть, и не понимал до конца целей движения декабристов, но отчетливо чувствовал необходимость протеста против существующих порядков.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади он был среди самых активных участников восстания: его видели с пистолетом в руках — не простят ему потом этот пистолет! В жестоком приговоре Верховного суда, который осудил А. И. Одоевского в каторжные работы сроком на 15 лет, ему вменялось в вину следующее: «участвовал в умысле бунта принятием в общество одного члена и лично действовал в мятеже с пистолетом в руках».

Испуганный император всеми силами старался продемонстрировать свое благородство. Он изменил приговор суда: Одоевскому срок сократили до 12 лет.

Еще до восстания Одоевский писал стихи. Однако полностью его талант раскрылся в годы заточения. Он писал много, но к собственным стихам относился безо всякого уважения. Гуляя, мог сочинить целую поэму, но записывать потом ленился или забывал. Поэтому и собрание стихотворений Александра Одоевского — книга не особо толстая. Но искусство нельзя мерить количеством, бывает и так, что одна поэтическая строка дороже иного романа!

Одоевский презирал людей равнодушных, холодных. «Меня ничто не возмущает так, как холодность характера, особенно в молодом человеке... Существо бесстрастное не живет, а прозябает. Способность чувствовать — цветок нашего существования», — писал он своему брату, известному писателю Владимиру Одоевскому — тому самому, который написал для детей повесть-сказку «Городок в табакерке».

Стихи Александра Одоевского — стихи страстные, резкие. Одоевский не боялся лишений и невзгод: в испытаниях видел способ закалить свой характер. Он всей своей жизнью как бы подтверждал слова, написанные им незадолго до восстания: «Я люблю побеждать себя, люблю покоряться, ибо знаю, что испытания ожидают меня в жизни сей: испытания, которые, верно, будут требовать еще большего напряжения моего духа, нежели все, что ни случилось со мной до сих пор».

Он не умел писать без эмоций. И чем сильней бывало потрясение, испытываемое им, тем энергичней строка, им созданная. Смотрите, как темпераментно начинается элегия поэта «На смерть А. С. Грибоедова»:

Где он? Где друг? Кого о нем спросить?
Где дух?.. Где прах?.. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить.

Элегия появилась в 1829 году. А за два года до нее было создано самое знаменитое стихотворение Одоевского, сегодня известное, пожалуй, каждому.

В школе ты проходишь послание А. С. Пушкина декабристам в Сибири — «Во глубине сибирских руд...». Декабристам передала эти стихи ехавшая к мужу А. Г. Муравьева. Ответ великому поэту написал Александр Одоевский. Он говорил о ненапрасности содеянного, о том, что декабристы гордятся свершенным, что они не сломлены.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя, —
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мы не знаем, дошел ли ответ декабристов до Пушкина: точных сведений об этом у нас нет.

Но до нас дошло это стихотворение Александра Одоевского — свидетельство удивительной человеческой силы, мужества, таланта.

На протяжении всей жизни другом Одоевского оставался его отец, Иван Сергеевич. Он никогда не осуждал сына, в трудные минуты старался поддержать его. Иногда Ивану Сергеевичу удавалось передать осужденному сыну деньги. Большую часть их Александр тут же отдавал товарищам: для него чужие беды были всегда чувствительнее, важнее, чем свои невзгоды. Именно отец выхлопотал сыну разрешение служить рядовым в Кавказском корпусе.

Перевод на Кавказ чуть было не окончился трагически. Приезд Одоевского в Ставрополь совпал с приездом туда императора Николая I. Увидев его, Александр выбежал на балкон и воскликнул: «Аве, Цезарь, моритури те салютант!» («Слава, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» — с этими словами шли на смерть гладиаторы Древнего Рима.) Обеспокоенным товарищам Одоевский совершенно хладнокровно ответил: «Не волнуйтесь, господа, русская полиция по-латыни еще не научена». К счастью, полиция то ли не услышала, то ли не поняла насмешки.

Кавказ в то время был местом ссылки неугодных правительству людей. Кроме Одоевского, здесь жило немало и других декабристов. На Кавказе познакомился поэт с Н. П. Огаревым — другом А. И. Герцена. Здесь подружился он с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Вместе с Лермонтовым Одоевский путешествовал по Кавказу, и именно Лермонтову принадлежит самая, пожалуй, точная характеристика Александра Одоевского — из всех тех, что оставили нам его современники:

Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

Как это удивительно точно сказано: «тихий пламень чувства!» Чувства горят, полыхают в человеке, но это тихое пламя, не приносящее никому вреда, невидимое тем, кто не хочет его замечать. Одоевский никогда не навязывал себя другим людям. Но сам он — открытый, честный, веселый — был любим людьми, и у него всегда было множество друзей.

Эти строки Лермонтов написал, когда Одоевского уже не было в живых. 15 августа 1839 года он умер на Кавказе от тропической лихорадки.

Голос Одоевского-поэта долго не доходил до читателя. При его жизни Пушкин и Дельвиг издали — естественно, анонимно, так как имена декабристов в ту пору запрещено было называть — десять стихотворений «опального певца». Но и сегодня, когда вышло собрание сочинений поэта, когда стихи его не раз издавались, входили в антологии и сборники, мы не можем с уверенностью утверждать, что все стихи Одоевского найдены. И, может быть, ты, будущий исследователь, найдешь еще неизвестные строки поэта.

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья:
Младенцы снова расцветут,
Вновь закипит младое племя... —

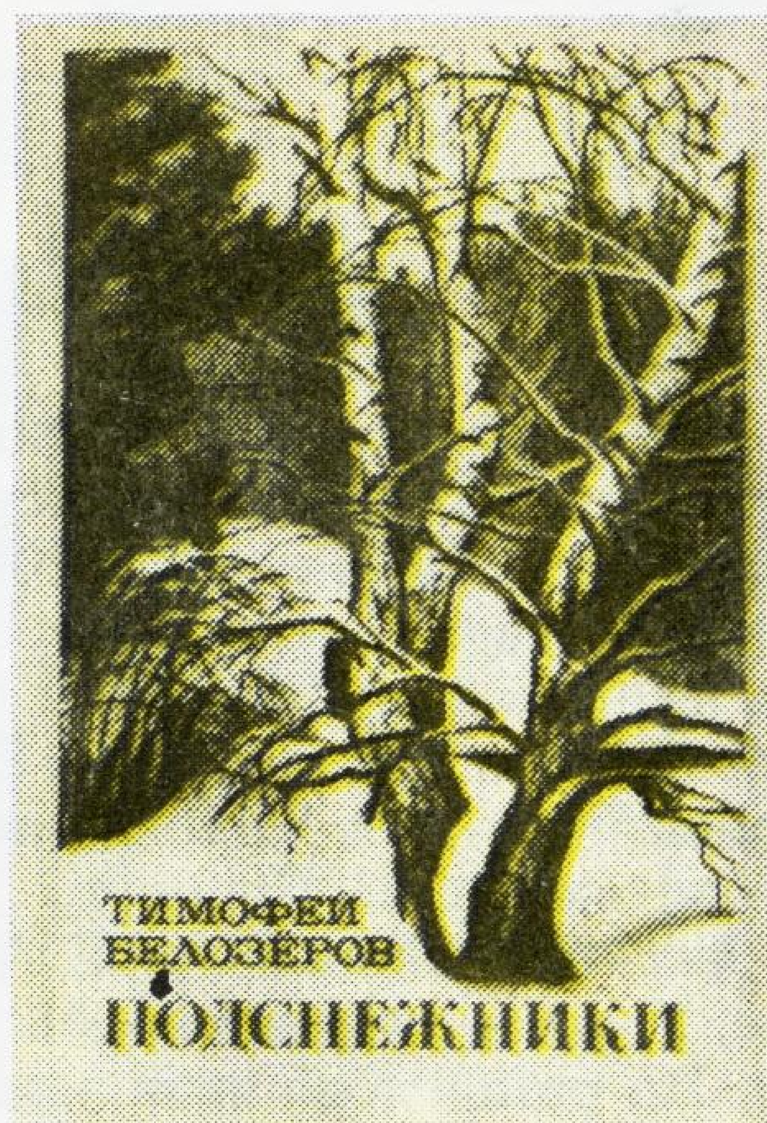
так писал Александр Одоевский: он мечтал о том, чтобы потомки помнили о нем. Он хотел, чтобы стихи его не только радовали, чтобы они помогали людям, чтобы по ним потомки могли нарисовать картину минувшей эпохи. И эта мечта поэта сбылась.

Эпиграфом к первой большевистской газете «Искра» Владимир Ильич Ленин взял строки из ответа Одоевского Пушкину: «Из искры возгорится пламя» — тем самым он обозначил корни русского революционного движения.

«Из искры возгорится пламя» — бессмертная строка бессмертного поэта.

МИР, ОТКРЫТЫЙ ДОБРЫМ СЕРДЦАМ

«**Подснежники**» — так называется новый сборник стихов известного детского поэта **Тимофея Белозерова.** Он вышел в Омском книжном издательстве. Откроем его — и сразу окажемся в царстве величественной сибирской природы. Мы услышим шум могучих кедров и сосен, увидим разливы полноводных рек, вдохнем терпкий аромат древесной смолы. Сам сибиряк (он живет в Омске), Тимофей Белозеров хорошо знает и любит свой родной край. Это главная тема его творчества.

Поэт пристально вглядывается в жизнь природы. Она для него источник радостных открытий. Все замечает его зоркий глаз. И то, что в августе «потемнела и блеск потеряла костяника в сосновом бору», а зимой сибирские яблоки-ранетки «горячими каплями лета горят на веселом снегу». А вот как изображает поэт весеннее пробуждение природы:

Когда весной
в поток бурлящий
Сольются талые снега,
Могучий лось в лесные чащи
Уходит сбрасывать рога,
И, словно воин безоружный,
Домой шагающий с войны,
Он верит в мир,
большой и дружный,
Объятый радостью весны.

Не правда ли, как мощно, радостно и по-весеннему звонко звучат эти строки!

Много стихотворений посвятил Тимофей Белозеров лесным обитателям — зверям и птицам. И в каждом из них сумел разглядеть своеобразный характер, подметить особенные черты. Нам сразу запоминается и добрая косуля с большими грустными глазами, и сосредоточенно-молчаливый труженик грач, и соня барсук, и резвая шалунья белка. Поэт с удивительной добротой относится ко всему живому. По его мнению, человек достигает высшего счастья, погружаясь в мир природы, полностью сливаясь с ней. Может быть, именно в детстве наиболее полно ощущается родство, кровная связь с природой — и вот в его стихах возникает поэтичный образ-символ детства, природы, счастья: «Девочка с венком на голове посреди сияющего лета...»

Творчество Тимофея Белозерова знакомит нас и с его земляками — людьми, которые живут и работают в суровом сибирском крае: охотниками, рыбаками, трактористами, шоферами, бакенщиками, пастухами. Он знает об их труде не понаслышке. Прежде чем стать писателем, он успел немало повидать, сменил несколько профессий.

Многие стихи Тимофея Белозерова рассказывают нам о жизни ребят, об их интересах и увлечениях, о школе, о дружбе. Вы найдете в его сборнике и стихотворные сказки, и веселые загадки, считалки, скороговорки.

Стихи Тимофея Максимовича Белозерова, веселые и грустные, лирические и задорные, многие из которых публиковались в «Пионере», ведут нас в мир, открытый добрым сердцам.

Т. АЛАТЫРЦЕВА.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Мой любимый край

Мне захотелось пополнить твою «Золотую полку». Я расскажу о прекрасной книге про мой родной край. Это «Сказ о земле Коми». Написана эта книга многими людьми нашей республики. Как прекрасна наша земля! Кто хотя бы раз побывал в наших местах, увидел сосновые боры, от которых пахнет древностью, тот никогда не забудет их и обязательно вернется на Север.

Девять северных параллелей пересекают эту землю. Кладом несметных богатств называют ее геологи. Но раньше об этой земле знали только путешественники и исследователи. Край древнейших памятников культуры, страна небольшого, но трудолюбивого народа, сохранившего себя в непрерывной борьбе с суровой природой, она считалась «тюрьмой без решеток». Даже подлинное имя ее мало кому было известно. Земля эта — нынешняя республика Коми — составная и равноправная часть Российской Федерации. О том, каким был и каким стал наш край, можно узнать из книги «Сказ о земле Коми».

Я советую всем ребятам интересоваться историей родного края за пределами учебника. Любить и охранять его богатства, потому что нам жить в нем и строить его будущее.

Вера КУЗНЕЦОВА,
п. Подзь, Коми АССР.

Мне нравится Наташа Ростова

Моя любимая книга — «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. Мне очень нравится ее героиня Наташа Ростова. Она и похожа на меня, и в то же время очень далека. Любопытно открывать и узнавать ее характер. Я хочу быть похожей на Наташу из-за ее нежности, стремления все познать и любви ко всему.

Света ФИЛИППОВА,
п. Веселое, Запорожская обл.

С книгой интереснее жить

Когда я пошла в первый класс и еще ни с кем не успела подружиться, мне было очень скучно. Потом я научилась читать и поняла, как интересно жить. Библиотека стала для меня вторым домом, а книга — лучшим другом. По три-четыре раза в неделю я меняла книги. Кроме того, часто на переменах бегала в библиотеку, чтобы поправить разбросанные книги, навести порядок на столиках с журналами.

Хорошая книга для меня — большая радость. Когда я подумаю, что меня ждут непрочитанные страницы такой книги, то и уборку в квартире сделаю быстрее, и с уроками пораньше справлюсь.

Моя любимая книга «Принц и нищий» Марка Твена. В первый раз я прочитала ее за два часа. Мне хотелось бы научиться разговаривать так же вежливо, но с достоинством, как принц. И даже в трудных условиях никогда не забывать о чести.

Таня ЯРУКОВА,
г. Петрозаводск.

Пионерская шахматная школа

Это необычная школа для тех ребят, которые любят шахматы и хотят научиться хорошо играть. Чтобы стать учеником этой ШКОЛЫ, надо сообщить редакции свое имя, фамилию, адрес. В письме обязательно укажи, в какой школе и каком классе ты учишься, свой спортивный разряд, если он у тебя есть.

До конца этого года в журнале будет помещено десять домашних заданий, по одному в каждом номере. Те, кто правильно решит не менее пяти заданий, получат четвертый спортивный разряд. Снайперам, метко поразившим все шахматные цели, присваивается третий разряд.

Для лучших учеников школы будут организованы специальные турниры по переписке, участники получат значки клуба «Белая ладья».

Все задания будут напоминать вам о правилах игры, об основных законах стратегии и тактики шахмат. Решения надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала. В решениях не забудьте указать номер задания.

Мы уверены, что все ученики нашей школы смогут стать шахматистами-разрядниками.

Задание первое

Матование одинокого короля, если ты имеешь подавляющий перевес в силах,— дело, конечно, нехитрое. Ты, наверное, зна-

ешь, что на эту решающую атаку по правилам отпущено очень много ходов — пятьдесят! И это несмотря на то, что король и ферзь, например, при любом положении короля противника могут дать мат за девять ходов. В нашем же задании речь идет только о двух ходах, правда, в четырех различных вариациях.

(Диаграмма № 1)

Игру начинают белые. Найдите, как они в позиции диаграммы дают мат в два хода.

После того, как найдете решение, снимите с доски пешку f5. Снова белые дают мат в два хода, но путь к цели уже другой.

Теперь снимите с доски коня h6 и пешку f5. Мат в два хода возможен и в такой позиции.

А если снять коня h6, пешки f5 и c4, возникает такое положение. Посмотрите на вторую диаграмму.

(Диаграмма № 2)

И здесь мат достигается в два хода!

Решая эту задачу, вы познакомитесь с двумя важными правилами шахматной игры. Какими?

Ждем решения первого задания, вместе с ним присылайте и заявление о приеме в школу.

Успехи ребят

Интересные соревнования клуба «Белая ладья» провели ученики школы поселка Восточный Сахалинской области. За успехи в этих турнирах наша судейская коллегия присвоила третий спортивный разряд Алексею Бурлаеву. Четвертый разряд получили Костя Остриков, Витя Бобров, Павел Утяпский, Александр Петров, Дима Жариков, Светлана Самотяшко и Вячеслав Логинов. Все они отличились в первенстве своей пионерской дружины.

Много юных любителей шахмат в Сахалинской области. И в поселке Пильво ученики восьмилетней школы организовали свой клуб «Белая ладья». Они проводят турниры, вместе решают задачи и этюды. Руководит кружком учительница Людмила Владимировна Чеберяк.

Надеемся, что сахалинские ребята тоже станут учениками нашей шахматной школы.

Матч друзей

В упорной борьбе проходил матч команд Гомельского и Черниговского Дворцов пионеров. Ребята очень старались и сыграли немало интересных партий.

В Гомельском Дворце пионеров большую работу ведет шахматный кружок. Ребята участвуют в соревнованиях клуба «Белая ладья», изучают теорию, сражаются в сеансах одновременной игры с лучшими шахматистами города.

Особенно больших успехов среди ребят добились Олег Письман и Оля Мухачева.

Отвечаем на вопросы ребят

«Можно ли дать мат двумя конями, если у противника остались только король и пешка?» На этот вопрос просит ответить пятиклассник Толя Зубков из Хабаровска.

Все зависит от положения пешки. План игры такой: король с одним конем теснят короля противника к краю доски. Другой конь в это время блокирует вражескую пешку. Когда король противника попадает в угол, на помощь атакующим устремляется и второй конь. Конечно, пешка сразу бросается вперед, и тут уже исход борьбы решает темп.

(Диаграмма № 3)

Черный король на восьмой горизонтали, все фигуры белых отлично взаимодействуют. Но если черные играют правильно, мат невозможен. 1. Kb4—c6+ и теперь не 1. ... Kpb8—a8? 2. Kb5—c7 мат, а 1. ... Kpb8—c8, и король уходит из опасной зоны.

(Диаграмма № 4)

А вот пример того, как собственная пешка губит черных. Игра может продолжаться так: 1. Kb5—a3! Kph7—h8 2. Ka3—c4 a4—a3 3. Kc4—e5! a3—a2 4. Ke5—g6+ Kph8—h7 5. Kg6—f8+ Kph7—h8 6. Kf3—h4 a2—a1 Ф. Черные прорвались в ферзи, но 7. Kh4—g6 мат.

А что если черные вместо 2. ... a4—a3 сыграют 2. ... Kph8—h7. Смогут ли тогда белые добиться победы? Напишите и об этом.

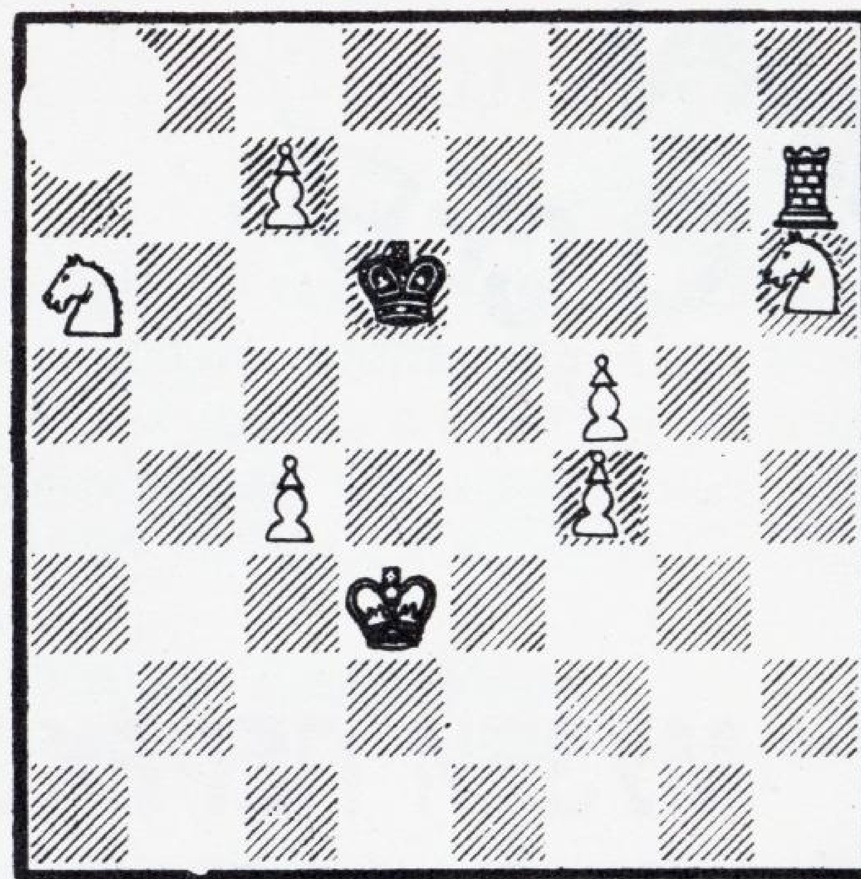

Диаграмма № 1.

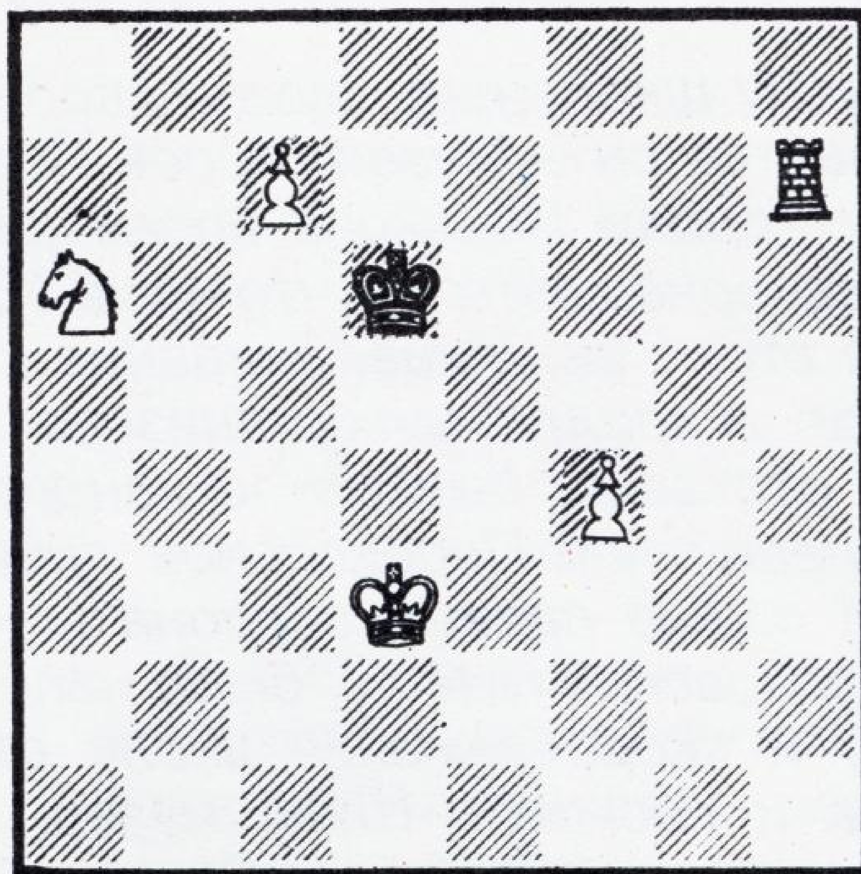

Диаграмма № 2.

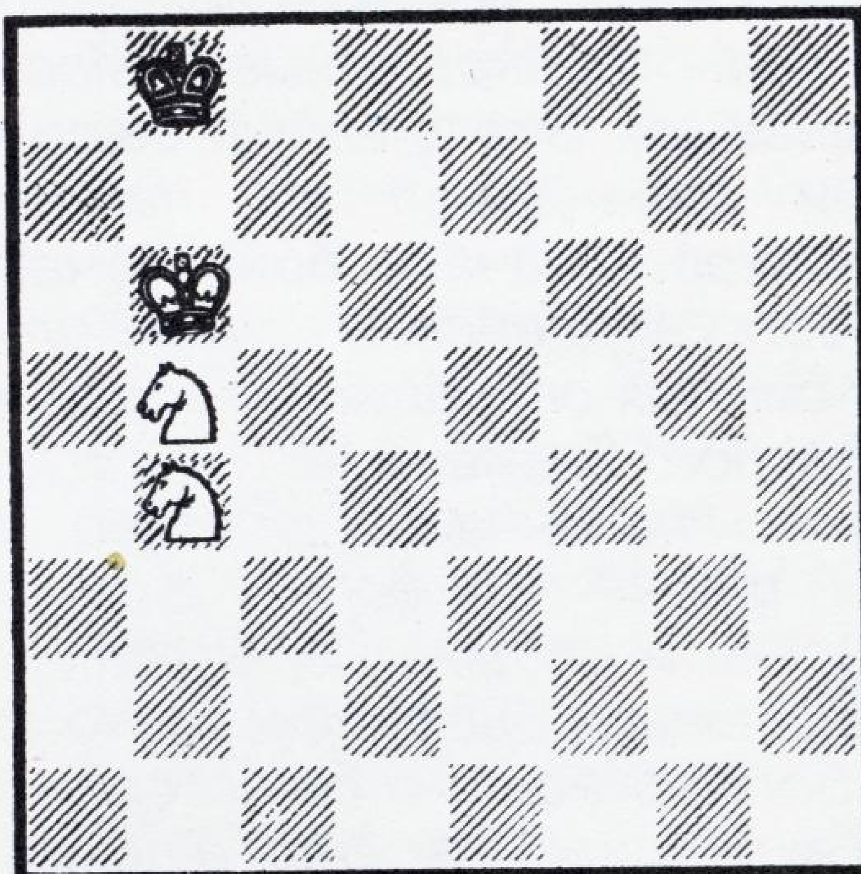

Диаграмма № 3.

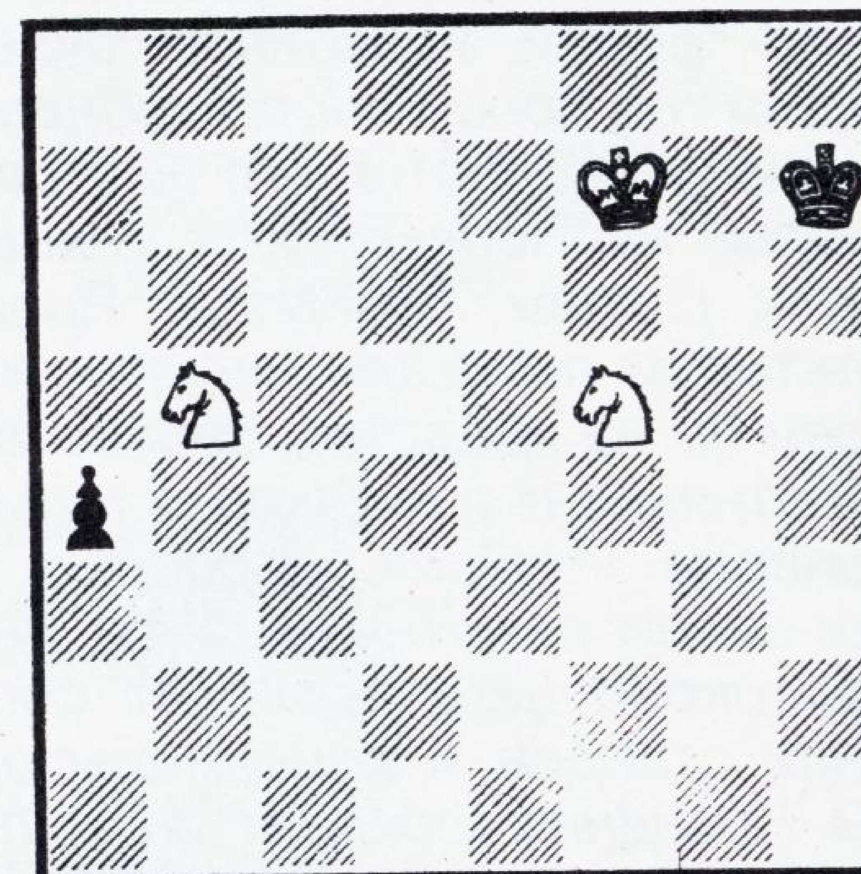
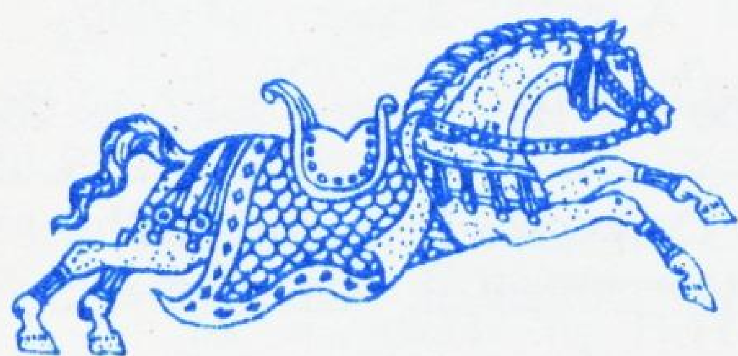
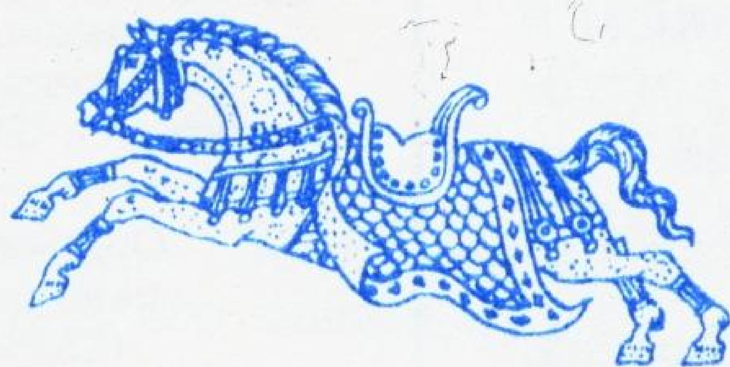
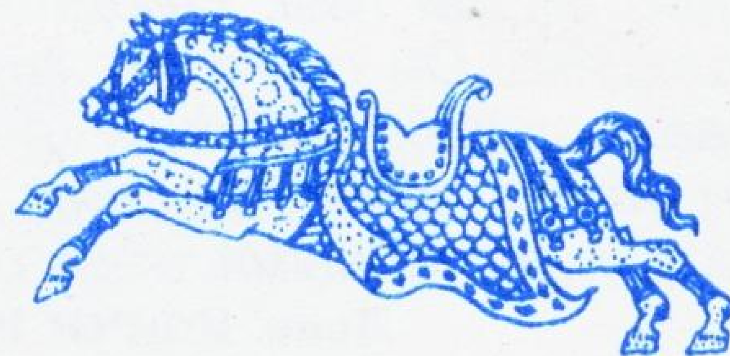
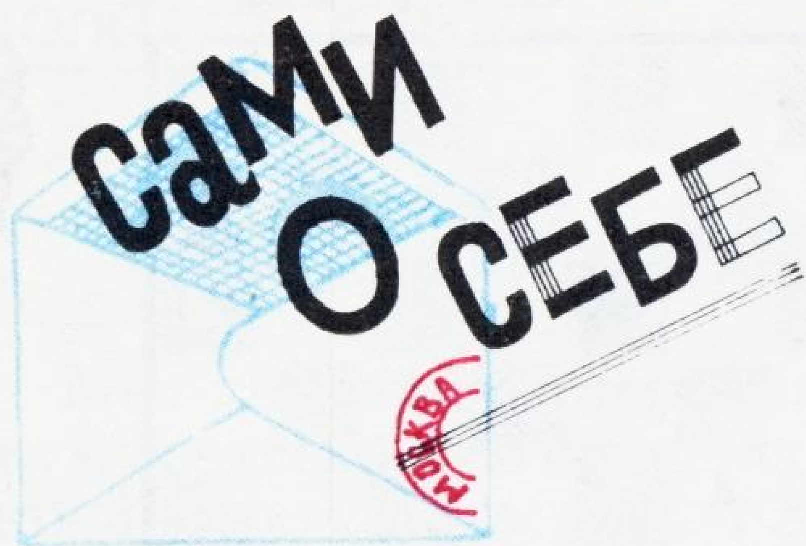

Диаграмма № 4.

МУЗЕЙ ПЕРЕКОПА НА ПЕРЕКОПСКОЙ УЛИЦЕ

Нашему школьному музею скоро двадцать лет. Называется он — Музей героев Перекопа. Почему именно героям Перекопа посвящена его экспозиция? Наверное, потому, что наша 531-я московская школа стоит на улице, название которой — Перекопская. А предложил организовать музей полковник в отставке, бывший командир 76-й зенитно-артиллерийской Перекопской дивизии Ф. Д. Больбот. И самые первые экспонаты — его дар.

В московских газетах было напечатано о новом музее, и скоро в нашу школу стали приходить письма и посылки. Штаб музея, а потом и все школьники узнали о боевом пути 87-й стрелковой Перекопской дивизии, 6-й Гвардейской Краснознаменной отдельной Сивашской танковой дивизии. Но чаще всего в письмах и документах рассказывалось о 51-й стрелковой имени Моссовета Перекопской дивизии. Эта дивизия была создана в 1919 году, и командовал ею легендарный комдив В. К. Блюхер. Вначале бойцы участвовали в разгроме белогвардейской армии Колчака. За одну из самых смелых операций Блюхера наградили орденом Красного Знамени № 1. А когда с колчаковщиной было покончено, дивизию перебросили на Южный фронт — на борьбу с бароном Врангелем. За участие в штурме Перекопа и переходе через Сиваш дивизии было присвоено звание Перекопской. Больше всего о ее истории мы узнавали во время экспедиций. Ходили в поход в Устьишим, на Перекоп, в Каховку, участвовали в слете юных следопытов в Устьишиме. Из походов привозили новые экспонаты для музея: остатки пулемета «максим», ружей, карабинов, буденовку...

Каждый год пополняются фонды нашего музея, постоянно обновляется его выставка. А недалеко от школы, на Перекопской улице, стоит теперь памятник героям Перекопа. Проектировать его архитекторам помогали ученики нашей школы, и построен он на средства, заработанные ребятами на субботниках и у станков школьного межрайонного завода «Чайка». Взрослые и дети вместе сажают вокруг памятника цветы, деревья. А в День Победы около него проходит смотр лучших пионерских отрядов и комсомольских групп нашей школы. Праздник собирает много людей: приходят ветераны, выпускники школы. И под звуки военных маршей идут мимо памятника колонны, отдавая честь павшим за свободу Родины, за наше счастье.

Что дает музей нам, сегодняшним пионерам и комсомольцам? Он помогает глубже узнать историю славы наших отцов и дедов. И еще — он помогает нам в наших мыслях, чувствах и делах становиться достойными этой славы.

Лена ЕФРОСИНИНА, г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Устинович Черненко. (Биографическая справка) ... 1
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ... 2
«Моя Родина — СССР!» (Задание Всесоюзного штаба Тимура) ... 3
БАМ обживается ... 4
Малая пионерская энциклопедия ... 6,9
Из летописи «Пионера». М. Прилежаева, З. Воскресенская, В. Крапивин, Ю. Яковлев ... 7, 26, 30, 37
Отряд говорит с отрядом ... 10
День за днем, год за годом. — Роман А. Маркуши. Часть вторая. Рисунки В. Мочалова ... 12
К 50-летию Ю. А. Гагарина ... 27
Первый рассказ в «Пионере»
Звезда. — Ю. Каменецкий. Рисунок В. Дудкина ... 28
По веснушки. — И. Гамазкова. **Весенняя страда.** — В. Кремнев. Стихи ... 29
Сказание о Евпатии Коловрате. — С. Голицын. Рисунки М. Петрова ... 31
Дети и звери. Музыка машин. Огни. Волны. Синицы. — Стихи В. Берестова. Рисунок А. Борисова ... 38
Кругосветное путешествие «Пионера»
Остров, обласканный солнцем. — В. Рыбин ... 40
Первый рассказ в «Пионере»
Янка. — С. Георгиев. Рисунок В. Дудкина ... 47
Самостоятельное решение
Тихая Люда. — И. Андрианова ... 49
Гербы и флаги ... 53
«Кораблик» ... 54
Уроки Алексея Васильевича. — Рассказ Г. Горина из цикла «Переменка» ... 56
«Тихий пламень чувства» — А. Максимов ... 58
Что нам читать? ... 61
В стране шаха — владыки черных и белых полей ... 62
Сами о себе ... 64
Боевой листок ... III обл.

На обложке:
Москва. Кремль. — Фотография Д. Бальтерманца.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.01.84.
Подписано к печати 17.02.84. А 09909. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1 678 000 экз. Изд. № 604. Заказ № 2032.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ОПЕРАЦИЯ «САД МИРА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Если ты читал №№ 10, 11, 12 «Пионера» за прошлый год, ты знаешь, что Всесоюзный штаб Тимура объявил новую операцию «Сад Мира».

Всесоюзный штаб Тимура получил сотни писем с протестами против войны, которые мы перешлем в Организацию Объединенных Наций. ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ С ПРОТЕСТАМИ И РАССКАЗАМИ О ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ РОДСТВЕННИКАХ.

Сейчас март. Пора готовиться к посадке Сада Мира.

Даем адреса магазинов «Семена — почтой». Семена вышлют вам наложенным платежом.

Московская область, Одинцовский район, п/о Лесной городок, ул. Фасадная, д. 2, магазин «Семена — почтой».

г. Свердловск, Б-54, ул. Карельская, д. 52, «Сортсемовощ».

г. Краснодар, Новороссийская ул., д. 164, «Семена — почтой».

Интервью «Боевого листка»

Сегодня «БЛ» берет интервью у интересного человека Зои Ефимовны Ерофеевой, директора арзамасского Государственного литературного музея А. П. Гайдара, лауреата Знака А. П. Гайдара — награды ЦК ВЛКСМ.

— Зоя Ефимовна, расскажите, пожалуйста, каким было «вчера» вашего музея и каково его «сегодня»?

— Сейчас наш музей известен всей стране. Письма к нам идут отовсюду! И даже не верится, что когда-то начинался он с небольшой экспозиции в помещении, которое было местом стоянки автомашин. Черные от копоти стены, с которых капала вода, неоштукатуренные потолки, огромная яма с грязной водой. Можно себе представить, сколько труда пришлось вложить ребятам и взрослым для того, чтобы создать в таком помещении музей. Сейчас все трудности позади. Мы переехали в новое здание.

— Расскажите о ком-нибудь из ребят — «сотрудников» вашего музея.

— Однажды осенью, в пасмурный, холодный день, в мой кабинет вошла девочка с огромной хозяйственной сумкой. И очень серьезно, по-деловому заявила: «Я хочу работать у вас в музее».

«Ну, что ж,— говорю я ей.— Проходи, раздевайся, очень тебе рада». Но девочка еще более деловито продолжала: «Только сейчас не могу — мама велела на базар сходить, так что подождите немного. Я скоро приду».

И она пришла. Девочку звали Олей. Она помогала писать письма в разные города, разбирала музейный архив, а дело это очень нелегкое. Оля и сейчас работает в музее. Только зовут ее уже Ольга Евгеньевна Прянишникова. Она — научный сотрудник Государственного литературного музея А. П. Гайдара.

Я очень люблю свою работу, люблю ребят, которые трудятся рядом со мной, и хочу, чтобы они были похожи на Аркадия Петровича Гайдара.

Интервью брала корреспондент «БЛ»
Т. ШАРОНОВА.

ДОБРОЕ СЛОВО

Я, ветеран войны Фурсова Александра Сергеевна, хочу поблагодарить через «Боевой листок» вашего журнала хороших людей.

Больше года надо мной шефствует ученица школы № 5 города Ростова-на-Дону Наташенька Азаренкова. Ходит она ко мне и одна, и со своей мамой. Они оказывают мне неоценимую помощь. В Ростове-на-Дону у меня нет никаких родственников, а человек я больной. И Наташенька с мамой ходят для меня в магазин, делают посильный ремонт. И еще — не забывают приглашать в школу на встречи ребят с ветеранами.

Мне очень приятно это. На сердце делается легче, когда я думаю, что Наташенька с мамой меня не забывают. Большое им за это спасибо!

Внимание! Сегодня мы даем зашифрованное задание только для тимуровцев!

Любой шифр можно понять, только если знать ключ к нему. Пока ключ этого шифра «БЛ» выслал лишь тем тимуровским командам, которые постоянно переписываются со Всесоюзным штабом Тимура.

Если ваша команда не состоит в переписке со Штабом Тимура и если вы только хотите начать тимуровскую работу, напишите нам. Расскажите, какие дела есть на вашем счету, какие трудности вам мешают. Тогда шифр вышлем и вам.

56.345.24. — 345.13.56.90.38. — 7.24.27.233.38.16.38.14.14.696.38. — 56.27.13.56.90.14.42.696?

233.13.77.56.13.157.90. — 24. — 7.27.24.90.29. — 27.7.345.233.38.35.13.29. — 7.— 14.90.16.90.

56.13.56. — 345.90.16.99.233.24.27.42.696. — 2.24.19.157.14.696. — 1.24.233.24.345.17.7.0.— 7.— 14.90.16.90?

24.345.27.38.345.696. — 27.—«1.19.»—14.38. — 48.90.1000.233.24.27.13.345.17.

Расшифровав задание, срочно доложите о его выполнении!

«МЫ — ПИОНЕРЫ, ДЕТИ РАБОЧИХ...»

Рисунок Юлии МИХАЙЛОВОЙ, 14 лет, г. Ярославль.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.